

ПРАВО

№ 27

1914 г.

ЮРИДИЧЕСКИЙ КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

„ПРАВО“

С.-Петербургъ, Литейный проспектъ, д. № 28. Телефонъ 41—61.
Коммисіонеръ Государственной типографіи.

Вышли изъ печати и поступили на складъ **НОВЫЯ ИЗДАНИЯ:**
І. В. ГЕССЕНЪ.

Раздѣльное жительство супруговъ.

ЗАКОНЪ 12-го МАРТА 1914 ГОДА о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ дѣйствующихъ узаконеній о личныхъ и имущественныхъ правахъ замужнихъ женщинъ и объ отношеніяхъ супруговъ между собою и къ дѣтямъ И ДРУГІЯ ЗАКОНОПОЛОЖЕНІЯ съ законодательными мотивами и разъясненіями, извлеченными изъ проекта Редакціонной Комиссіи, Журналовъ Соединенныхъ Департаментовъ и Особого Совѣщанія при Госуд. Совѣтѣ, Объяснит. записокъ Министра Юстиціи, Докладовъ комиссіи Госуд. Думы и Госуд. Совѣта, Определеній Правит. Сената и пр., со вступительнымъ очеркомъ и алфавитнымъ предметнымъ указателемъ.
СПб. 1914 г. Стр. VIII+176. Цѣна 1 р., въ переплетѣ 1 р. 25 к.

К. АБРАМОВИЧЪ.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ПРАВО

по рѣшеніямъ Правительствующаго Сената.

Дополненіе къ алфавитному указателю вопросовъ, разрѣшенныхъ по первому, второму, гражданскому и уголовному кассац. департаментамъ и по общему собранію Правительствующаго Сената по крестьянскимъ дѣламъ. СПб. 1914 г. Стр. 52. Ц. 50 к.
При покупкѣ сборника „Крестьянское право“ (изд. 2-е 1912 г. ц. 2 р. 50 к.), дополненіе прилагается бесплатно.

Абрамовичъ, А. Образцовый уставъ Общества Взаимнаго Кредита съ разъясн. 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.

✂ **Вліяніе усталости на число увѣчій.** 5 диаграммъ-открытокъ. Ц. 10 к.

✂ **„Вольный Университетъ“.** № 11—12. Ц. 20 к.

✂ **„Вѣстникъ Европы“.** Июль. Ц. 1 р. 50 к.

✂ **Гринъ, И. В.** Абортъ—преступленіе или операція? Изд. 2-ое. М. 1914 г. Ц. 50 к.

✂ **Евангуловъ, Г. Г.** Мѣстная реформа на Кавказѣ. 1914 г. Ц. 50 к.

✂ **За всесословное волостное земство.** Рѣчи, произнесенныя въ Госуд. Совѣтѣ А. В. Васильевымъ, М. Ковалевскимъ, гр. А. П. Толстымъ, Д. И. Багалъемъ, Н. В. Маривымъ и Е. Л. Зубашевымъ. 1914 г. Ц. 30 к.

✂ **Закъ, А. Н.** Нѣмцы и нѣмецкіе капиталы въ русской промышленности. 1914 г. Ц. 50 к.

✂ **Колычевъ, А.** Съ кого и какъ взимаются земскіе сборы. С. 1914 г. Ц. 1 р. 10 к.

✂ **Коркуновъ, Н.** Исторія философіи права. Изд. 6-ое. 1914 г. Ц. 2 р. 50 к.

✂ **Могилевъ, М. С.** Гражданское судопроизводство. 1914 г. Ц. 3 р., въ пер. 3 р. 50 к.

✂ **Нолькенъ, А. М. бар.** Законъ объ обезпеченіи рабочихъ на случай болѣзни. 1914 г. Ц. 2 р. въ пер.

✂ **Орженцкій, Р.** Учебникъ математической статистики. 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.

✂ **Паркгорстъ, Ф.** Практическіе приемы реорганизаціи промышленнаго предпріятія. 1914 г. Ц. 3 р. 30 к.

✂ **Рабиновичъ, И. М.** Общій уставъ Росс. жел. дор. по разъясненіямъ Гражд. Кас. д-та Прав. Сената и его отдѣленій. 1914 г. 3 р. 50 к. въ перепл.

✂ **Розинъ, Н. Н.** Уголовное судопроизводство. Изд. 2-ое. 1914 г. Ц. 3 р. 50 к. въ перепл.

✂ **Савенко, М. Г.** Практика Правит. Сената по Бессарабскому праву. К. 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.

✂ **Страхованіе рабочихъ въ Россіи и Западной Европѣ.** 8 диаграммъ-открытокъ. Ц. 16 к.

✂ **„Сѣверныя Записки“.** Июнь. Ц. 50 к.

✂ **Тимашевъ, Н. С.** Условное осужденіе. 1914 г. Ц. 3 р.

✂ **„Учитель и Школа“.** Июнь. Ц. 20 к.

✂ **Brödt, Y.** Die Mecklenburgische Ständeversammlung und das Reichsrecht. М. 1914. Ц. 90 к.

✂ **Ruxen, T.** Zur Frage der Anrechnung des Irrenanstaltsaufenthaltes auf die Strafzeit. Н. 1914. Ц. 1 р. 10 к.

✂ **Sinzheimer, H.** Über den Grundgedanken und die Möglichkeit eines einheitlichen Arbeiterrechtes für Deutschland. В. 1914. Ц. 50 к.

ПРАВОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

1914 г.

№ 27.

Воскресенье 6 июля.

„Право“ издается в С.-Петербурге при ближайшем участии: профессора В. М. Гессена, И. В. Гессена, профессоров А. А. Жижиленко и А. И. Каминна, В. Д. Набокова, профессоров бар. В. Э. Нольде, М. Я. Перамента и Д. И. Петражицкого.

Содержание: 1) Законопроект о синдикатах и трестах. Проф. А. И. Каминна. 2) О применении румынских гражданских законов в России. В. Рязановский. 3) Действия правительства (именной указъ 11 июня 1914 г., собр. указ. и распор. правит.). 4) Судебные отчеты (засѣданіе гражд. касс. департ. 30 апрѣля; дѣло 25 присяжных повѣренныхъ въ с.-петербургскомъ окружномъ судѣ). 5) Къ дѣлу 25 с.-петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ. 6) Изъ иностранной юридической жизни. 7) Хроника. 8) Библиографія: О. Ферманъ и А. Фруктовъ. Законы о вознагражденіи за смерть и увѣче, причиненныя желѣзнодорожными и пароходными предприятиями. К. Штральборнъ. 9) Судебная и судебно-административная практика (судебн. департ. прав. сената). 10) Ответы редакціи. 11) Справочный отдѣлъ.

РЕДАКЦІЯ (М. Ковиошвенная, 3. Телефонъ 3620) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 11 ч. до 1 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленію надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 руб. и къ первому мая 3 рубля. За границу на годъ—10 руб. Отдѣльные номера продаются по 20 коп.

За перемѣну адреса уплачивается: городского на многогородній—50 к., въ остальныхъ случаяхъ—20 к.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Литейный пр., 28) открыта отъ 11 час. до 3 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

При этомъ № г.г. годовымъ подписчикамъ разсылается 20 листъ (алф. указ.) рѣш. гражд. касс. деп. за 1913 г. (бесплатное приложение).

Законопроектъ о синдикатахъ и трестахъ.

(Окончаніе 1).

Въ предыдущей статьѣ мы указали на необходимость отдѣленія свѣдѣній, подлежащихъ сообщенію контролирующему органу, отъ тѣхъ, которыя вносятся въ торговый регистръ. Эти послѣднія нами уже рассмотрѣны. Теперь намъ необходимо остановиться на томъ, что подлежитъ сообщенію не для оглашенія среди большой публики, но для свѣдѣній самого министерства торговли и промышленности. Согласно ст. 6, надзоръ за возникновеніемъ и дѣятельностью предпринимательскихъ объединеній сосредоточивается въ министерствѣ торговли и промышленности, по отдѣлу торговли, въ коемъ ведется регистрація предпринимательскихъ объединеній, и разсматриваются представляемые ими отчеты. При этомъ мы обращаемъ, однако, вниманіе на то, что это раздѣленіе свѣдѣній, подлежащихъ широкому оглашенію, и тѣхъ, которыя должны быть извѣстны только министерству, очень слабо проведено въ законопроектѣ.

Нѣсколько особнякомъ отъ этихъ свѣдѣній стоитъ обязанность представленія годовыхъ отчетовъ. П. 5 проекта говоритъ: Независимо отъ годовыхъ отчетовъ по операціямъ, представля-

емыхъ по закону и уставамъ, отчетными предприятиями министерству торговли и промышленности, предпринимательскія объединенія представляютъ названному министерству, не позже 1-го апрѣля слѣдующаго за отчетнымъ года, особые ежегодные отчеты, со свѣдѣніями по формѣ, утверждаемой министромъ торговли и промышленности.

Принципіально противъ таковой обязанности ничего нельзя возразить. Если всѣ акціонерныя компаніи подчинены этой обязанности, совершенно независимо отъ дѣйствительнаго значенія ихъ дѣятельности, то, казалось бы, монопольныя организаціи, къ тому же имѣющія объектомъ предметы массоваго потребленія, а потому имѣющія большое экономическое значеніе, какъ таковыя, не должны уклоняться отъ этой обязанности. Но все дѣло тутъ въ содержаніи тѣхъ свѣдѣній, которыя будутъ требоваться отъ отчетовъ. Съ одной стороны, нельзя требовать отъ отчетовъ такихъ свѣдѣній, которыя носятъ характеръ торговой тайны. Съ другой стороны, бесполезенъ отчетъ, если онъ составленъ въ такихъ общихъ чертахъ, которыя не даютъ возможности судить о характерѣ дѣятельности объединенія. Трудности выработки инструкціи относительно способа составленія отчета особенно велики, благодаря разнообразію дѣятельности предпринимательскихъ объединеній; схема, удовлетворительная для одной категоріи предпри-

1) См. „Право“, № 26.

ятій, можетъ оказаться совершенно неудовлетворительной для другой. Въ какой мѣрѣ эта задача трудна, свидѣлствуютъ отчеты нашихъ акціонерныхъ компаній. Даже наши банки краткосрочнаго кредита, подчиненные особому контролю со стороны министерства финансовъ (и не безъ достаточныхъ основаній), не имѣютъ сколько-нибудь удовлетворительнаго, для всѣхъ обязательнаго, типа отчета. Очевидно, исходя изъ этихъ соображеній, Менцель не возлагаетъ въ настоящее время сколько-нибудь серьезныхъ надеждъ на этотъ способъ ознакомленія съ дѣятельностью картельныхъ организацій.

Во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы въ законѣ указать, должны ли быть публикуемы эти отчеты, и въ случаѣ положительнаго отвѣта, гдѣ именно. Казалось бы, что публикованіе ихъ должно быть обязательно, но при этомъ можно было бы ограничиться требованіемъ опубликованія въ одномъ и притомъ официальномъ органѣ. Дальнѣйшее распространеніе путемъ печати можно предоставлять усмотрѣнію самихъ объединеній.

Но какъ бы обстоятельны ни были эти отчеты, ихъ недостаточно для того, чтобы министерство могло считать себя обладателемъ всѣхъ тѣхъ свѣдѣній, которыя необходимы при рѣшеніи вопроса о степени пользы или вреда, приносимаго даннымъ предпринимательскимъ объединеніемъ. Поэтому, согласно проекту (ст. 7), министру торговли и промышленности предоставляется назначать ревизію дѣятельности предпринимательскихъ объединеній съ правомъ разсматривать ихъ торговые книги, документы и дѣловую переписку и требовать необходимыхъ свѣдѣній отъ прикосновенныхъ къ объединенію лицъ.

Само по себѣ право производства ревизій для выясненія интересующихъ министерство вопросовъ не можетъ возбуждать никакихъ сомнѣній. Въдѣ судебныя власти и въ настоящее время имѣютъ самыя широкія права по производству всякаго рода выемокъ. Напомнимъ недавній обыскъ, произведенный въ помѣщеніи «Продуголя» до привлеченія кого-либо къ уголовной ответственности, при дѣйствіи договора того же «Продуголя» съ министерствомъ путей сообщенія. Напомнимъ далѣе, что министерство финансовъ и въ настоящее время имѣетъ самыя широкія права ревизіи въ связи съ вопросомъ объ оплатѣ гербоваго сбора. Намъ представляется, однако, что при этомъ недостаточно оцѣнено значеніе права истребованія разнаго рода свѣдѣній отъ заподозрѣннаго въ чемъ-либо объединенія прежде, нежели прибѣгнуть къ ревизіи. Согласно буквальному тексту этой статьи, затребованіе такого рода свѣдѣній возможно лишь въ связи съ предпринятой ревизіей, между тѣмъ какъ сплошь и рядомъ полученіемъ затребованныхъ свѣдѣній можно устранить надобность въ ревизіи, особенно при томъ условіи, когда запрошенное предпріятіе знаетъ, что недоставленіе всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній повлечетъ за собой ревизію.

Вѣроятно, мы имѣемъ тутъ дѣло съ простой редакціонной неточностью, и было бы жела-

тельно, чтобы право требованія доставленія свѣдѣній было выдѣлено въ особый пунктъ, какъ первая мѣра, къ которой имѣетъ право прибѣгнуть министерство и въ томъ случаѣ, когда дѣятельность объединенія возбуждаетъ сомнѣнія, и въ томъ, когда министерство желаетъ имѣть болѣе полныя свѣдѣнія о дѣятельности объединенія, хотя бы по соображеніямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ обвиненіемъ объединенія въ дѣйствіяхъ вредныхъ и требующихъ тѣхъ или иныхъ мѣръ репрессіи. И только на второмъ мѣстѣ было бы правильно сказать о правѣ производства ревизіи съ тѣми полномочіями, которыя указаны въ этомъ пунктѣ.

Но и поставленное на второе мѣсто, право производства ревизіи требуетъ со стороны законодателя осторожнаго обращенія, дабы и административные органы бережно относились къ этому крайнему средству раскрытія злоупотребленій. Ревизія, какъ таковая, естественно производитъ большой переполохъ, часто можетъ нанести серьезный ущербъ ревизуемому учрежденію. Это—зло, съ которымъ надо мириться, когда власть стремится къ раскрытію злоупотребленій, но все же зло. Поэтому въ тѣхъ случаяхъ, когда министерство желаетъ ознакомиться ближе съ дѣятельностью объединенія, совершенно не думая о мѣрахъ репрессіи по отношенію къ нему, а это случаи вполне возможные, (напр., предъ заключеніемъ таможеннаго договора), казалось бы, надо принять все мѣры къ тому, чтобы избѣжать тѣхъ невыгодныхъ для объединенія послѣдствій, которыя неизбѣжно связаны со слухомъ о ревизіи.

Именно поэтому намъ казалось бы целесообразнымъ различеніе въ законопроектѣ ревизіи для ознакомленія съ дѣлами объединенія, предпринимаемой по соображеніямъ изученія той или другой отрасли промышленности, и такихъ, которыя предпринимаются для выясненія вопроса о принятіи тѣхъ или иныхъ репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ объединенію.

Но намъ представляется, что и этого недостаточно для огражденія объединеній отъ чрезмѣрной быстроты или легкомысленности при началіи ревизіи. При наличности права требованія свѣдѣній, актъ ревизіи долженъ всегда вызываться серьезными соображеніями. Поэтому было бы целесообразно поставить производство ревизіи въ зависимость отъ постановленія какого-либо спеціальнаго органа министерства торговли, въ которомъ должны принимать участіе представители вѣдомствъ, заинтересованныхъ въ данной отрасли промышленной дѣятельности, и въ случаѣ, если министръ торговли пожелалъ бы произвести ревизію, несмотря на отрицательное постановленіе этого совѣщанія, производство таковой могло бы быть предпринято по постановленію совѣта министровъ. Мы не думаемъ, чтобы необходимость обращенія въ совѣтъ министровъ представлялась часто; мы полагаемъ, однако, что сама возможность принятія произвольной мѣры, не въ достаточной мѣрѣ обоснованной

объективными данными, есть угроза крайне нежелательная, и дѣло законодателя по возможности предупредить ее.

Разматривая постановленія законопроекта, нормирующія вопросъ о доставленіи свѣдѣній органамъ правительственнаго надзора, необходимо отмѣтить, отсутствіе постановленій, которыя ограждаютъ тайну этихъ свѣдѣній, раскрытіе которой конкурирующему предпріятію можетъ представлять большую опасность. Намъ казалось бы, что мѣропріятія эти должны идти въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, необходимо установить строгую отвѣтственность должностныхъ лицъ, коимъ эта тайна ввѣряется, за ея нарушение. Во-вторыхъ, слѣдовало бы самое доставленіе свѣдѣній обставить извѣстными гарантіями, затрудняющими злоупотребленіе ими. Такъ, напр., можно было бы въ громадномъ большинствѣ случаевъ освободить отъ необходимости доставлять данныя о каждомъ отдѣльномъ договорѣ, объ именахъ контрагентовъ и т. д.

Въ связи съ вопросомъ о тѣхъ свѣдѣніяхъ, полученіе которыхъ необходимо для органовъ правительственнаго надзора, стоитъ вопросъ о тѣхъ средствахъ, коими можно обезпечить своевременное полученіе достаточно надежныхъ данныхъ. Задача двойная: необходимо обезпечить внесеніе въ торговый регистръ всѣхъ возникшихъ предпринимательскихъ объединеній, необходимо далѣе обезпечить полученіе отъ этихъ объединеній, внесенныхъ въ регистръ, нужныхъ свѣдѣній. Законопроектъ принимаетъ мѣры къ обезпеченію и того и другого. Но полагаемъ, что эти мѣры отличаются строгостью, въ равной мѣрѣ чрезмѣрной и ненужной. Согласно ст. 1197¹, виновный: 1) въ открытіи дѣйствій предпринимательскаго объединенія безъ соблюденія установленныхъ правилъ, 2) въ продолженіи дѣйствій закрытаго объединенія, и 3) въ дѣятельности объединенія, несогласной съ сообщенными министерству торговли и промышленности для регистраціи свѣдѣніями, договорами и уставами, а также измѣненіями и дополненіями къ нимъ, наказываются: заключеніемъ въ тюрьму на срокъ отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ и, сверхъ того, денежнымъ взысканіемъ не свыше 10,000 р., обращаемымъ, при несостоятельности виновнаго къ платежу, на имущество предпринимательскаго объединенія.

Въ этой статьѣ поражаетъ коммуляція тюремнаго заключенія и штрафа. Конечно, могутъ быть случаи, когда надо покарать тюрьмой виновнаго и кромѣ того высокимъ денежнымъ штрафомъ наказать и само предпринимательское объединеніе, въ особенности, когда судъ предполагаетъ, что онъ караетъ «подставнаго» представителя объединенія. Но почему это неизбѣжно? Развѣ невозможно открытіе дѣйствій «предпринимательскаго объединенія» безъ соблюденія предписываемыхъ правилами формальностей и безъ злого умысла, вслѣдствіе напр. небрежности, забывчивости, быть можетъ простого недоразумѣнія? И, далѣе, развѣ опредѣленіе понятія «пред-

принимательскаго объединенія», даваемое ст. 1-ой проекта, въ такой мѣрѣ ясно, что никогда не можетъ возникнуть сомнѣнія по поводу того, подпадаетъ ли то или иное соглашеніе подъ дѣйствіе этихъ правилъ? Мы полагаемъ, что безъ труда могли бы привести весьма значительное количество примѣрныхъ соглашеній, относительно которыхъ даже у опытнаго юриста можетъ возникнуть серьезное сомнѣніе, подпадаетъ ли оно подъ дѣйствіе правилъ о предпринимательскихъ объединеніяхъ. При такихъ условіяхъ, карать признанныхъ виновными въ невнесеніи соглашенія въ регистръ, совершенно независимо отъ тѣхъ причинъ, коими это было вызвано, и, притомъ, карать непременно тюремнымъ заключеніемъ—значитъ прибѣгать безъ всякой нужды къ тому, что должно быть лишь крайнимъ средствомъ воздѣйствія.

То же самое нужно сказать и о наказаніи за дѣятельность, несогласную съ сообщенными министерству свѣдѣніями. Могутъ быть случаи, когда такого рода дѣянія справедливо наказывать въ высшей мѣрѣ, но точно также несомнѣнно, что могутъ быть случаи, когда такого рода дѣятельность будетъ носить въ такой мѣрѣ безразличный характеръ, съ точки зрѣнія злого умысла, что для тюремнаго наказанія не должно быть мѣста.

Точно также чрезмѣрнымъ представляется намъ и постановленіе проектируемой ст. 1197². Члены предпринимательскаго объединенія, члены ея правленія, повѣренные и другія прикосновенныя къ объединенію лица, виновныя въ уклоненіи отъ предьявленія ревизующему, по порученію министра торговли и промышленности, должностному лицу для разсмотрѣнія торговыхъ книгъ, документовъ и дѣловой переписки объединенія или отъ сообщенія ему свѣдѣній по дѣламъ объединенія, наказываются: арестомъ на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ или денежнымъ взысканіемъ не свыше 1.000 рублей.

Кромѣ вышеуказанныхъ возраженій, статья возбуждаетъ еще и другого рода сомнѣнія. Во-первыхъ, она вводитъ тюремноое заключеніе за отказъ отъ сообщенія свѣдѣній органамъ администраціи, что само по себѣ возбуждаетъ сомнѣнія. Во-вторыхъ, она караетъ за отказъ отъ сообщеній свѣдѣній даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда сообщеніе свѣдѣній можетъ повлечь за собой для сообщающаго уголовное наказаніе, такъ какъ изболѣчиваетъ въ совершеніи какого либо преступленія.

Но всѣ эти мѣры выясненія дѣятельности предпринимательскихъ объединеній носятъ только подготовительный характеръ; это—средство, значеніе котораго зависитъ отъ того, какое можетъ быть сдѣлано изъ него примѣненіе органами правительственнаго надзора. Репертуаръ этихъ мѣропріятій довольно великъ, мы здѣсь находимъ все то, что рекомендуется въ этомъ отношеніи теоріей, и при умѣломъ примѣненіи этихъ средствъ борьба съ злоупотребленіями предпринимательскихъ союзовъ станетъ дѣломъ совершенно воз-

м жнымъ. Однако, ближайшее разсмотрѣніе предлагаемыхъ проектомъ средствъ борьбы вызываетъ серьезные возраженія.

Возможныя мѣры репрессіи съ злоупотребленіями промышленныхъ объединеній дѣлятся на двѣ группы. Однѣ направлены непосредственно на предпринимательское объединеніе, другія — косвеннымъ образомъ отражаются на его судьбѣ, парализуя его вредное вліяніе. Законопроектъ предусматриваетъ обѣ категоріи мѣропріятій.

По отношенію къ объединеніямъ проектъ предусматриваетъ возможность какъ мѣръ уголовной репрессіи по отношенію къ руководителямъ, такъ и закрытіе самого объединенія. Для осуществленія какъ той, такъ и другой мѣры необходимо содѣйствіе суда, — органу административнаго надзора предоставляется предъявить гражданскій искъ о закрытіи объединенія или возбудить уголовное преслѣдованіе (ст. 76).

Законопроектъ редактированъ такимъ образомъ, что центр тяжести его направленъ какъ будто въ сторону уголовной репрессіи. Онъ вводитъ ст. 1180¹ въ уложеніе о наказаніяхъ, согласно которой члены предпринимательскаго объединенія, члены его правленія, повѣренные и другія прикосновенныя къ объединенію лица, виновныя въ значительномъ, не оправдываемомъ условіями производства и сбыта, повышеніи или пониженіи цѣнъ на массовые товары, производствѣ или сбытѣ конхъ составляетъ предметъ дѣятельности входящихъ въ объединеніе предпріятій, навазываются: заключеніемъ въ тюрьмѣ на срокъ отъ четырехъ мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ и, сверхъ того, денежнымъ взыскаіемъ не свыше 10.000 р., обращаемымъ при несостоятельности виновнаго къ платежу, на имущество предпринимательскаго объединенія.

Что же касается закрытія объединенія, то оно разсмотрѣно лишь косвенно въ ст. 76, гдѣ говорится о томъ, что министру торговли и промышленности предоставляется «предъявлять въ подлежащихъ судебныхъ мѣстахъ въ случаяхъ, указанныхъ въ ст.ст. 1180¹ и 1197¹ улож. о нак. угол. и исправ. гражданскіе иски о закрытіи предпринимательскихъ объединеній». Но это норма процессуальная. Необходима специальная матеріальная статья, устанавливающая тѣ условія, при которыхъ такое закрытіе представляется возможнымъ. Одна наказуемость членовъ объединенія за опредѣленные дѣйствія еще отнюдь не обозначаетъ права закрытія самого объединенія. Не можетъ помочь въ этомъ случаѣ и ст. 1529 т. X, ибо если даже и подвести эти дѣйствія подъ понятіе «лихоимственныхъ изворотовъ», то это можетъ влечь за собой признаніе недѣйствительнымъ того договора съ третьимъ лицомъ, который будетъ подлежать разсмотрѣнію суда, но отнюдь не предпринимательскаго объединенія, которое можетъ засимъ существовать, и не прибѣгая болѣе къ такимъ же договорамъ.

Надо думать, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ простымъ редакціоннымъ недосмотромъ, и что тѣ признаки, которые составляютъ составъ пре-

ступленія для членовъ предпринимательскаго объединенія, вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ служить достаточнымъ основаніемъ для признанія судомъ подлежащимъ закрытію самое объединеніе. Начнемъ поэтому съ вопроса о наказаніи членовъ объединенія, хотя мы считаемъ перенесеніе центра борьбы на мѣры уголовной репрессіи противъ членовъ объединенія принципиально неправильнымъ, хотя бы уже потому, что это можетъ повлечь за собой институтъ подставныхъ руководителей синдикатовъ, совершенно такъ же, какъ этотъ институтъ развился въ нашей печати.

Составъ преступления, согласно ст. 1180¹, заключается въ «значительномъ, не оправдываемомъ условіями производства и сбыта повышеніи или пониженіи цѣнъ на массовые товары». Опредѣленіе это вызываетъ, однако, самыя серьезные противъ себя возраженія.

Прежде всего необходимо указать, что стремленіе къ полученію возможно болѣе высокой цѣны за продаваемые товары представляется явленіемъ въ такой мѣрѣ обычнымъ, что нужны исключительныя обстоятельства для того, чтобы это стремленіе сдѣлать уголовно-наказуемымъ дѣяніемъ. Эту исключительность законопроектъ усматриваетъ въ «несоответствіи условіямъ производства и сбыта». Но неужели соответствіе условіямъ производства и сбыта представляется явленіемъ въ такой мѣрѣ простымъ, такъ легко устанавливаемымъ, что его нарушеніе можетъ быть положено въ основаніе наказанія. Правда, уставъ о наказаніяхъ признаетъ наказуемымъ отдачу въ ссуду капитала «въ чрезмѣрный ростъ». Но вѣдь понятіе чрезмѣрности ограниченной при томъ оговоркой, что процентъ долженъ быть выше 12, представляется чѣмъ-то очень простымъ, легко констатируемымъ сравнительно съ понятіемъ соответствія условіямъ производства и сбыта. Чрезмѣрный ростъ это ссудная операція, дающая прибыль, превосходящую обычныя въ сферѣ данныхъ отношеній. Конечно, если бы чрезмѣрную прибыль, о которой говоритъ проектируемая ст. 1180¹, можно было бы съ такой же легкостью устанавливать при разсмотрѣніи вопроса о соотношеніи между цѣной, по которой товары продаются объединеніемъ, и условіями его производства и сбыта, тогда вопросъ былъ бы сравнительно простъ. Но вѣдь въ томъ-то и дѣло, что между чрезмѣрностью цѣны и чрезмѣрностью прибыли въ предпринимательскихъ объединеніяхъ вовсе нѣтъ такой простой и необходимой связи. Въ самомъ дѣлѣ, организаціи эти могутъ объединяться въ такой мѣрѣ, что онѣ образуютъ одно цѣлое съ точки зрѣнія полученія прибыли. Въ такомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ трестомъ, съ единымъ предпріятіемъ, или же каждое входящее въ единеніе предпріятіе можетъ въ такой мѣрѣ сохранить свою самостоятельность, что, несмотря на общую продажу и на регламентацію объединеніемъ размѣра производства, производство каждого предпріятія сохраняетъ полную само-

стоятельность, такъ что прибыль каждого обуславливается стоимостью продуктовъ производства, весьма различной для каждого входящаго въ объединеніе предпріятія. Именно, этотъ послѣдній видъ картельныхъ организацій въ настоящее время имѣетъ у насъ серьезное практическое значеніе. Мы затруднились бы привести примѣры крупной промышленной картельной организаціи, сложившейся по первому образцу. И совершенно очевидно, что въ этихъ организаціяхъ совершенно невозможно установить внутреннюю связь между чрезмѣрностью цѣны и чрезмѣрностью прибыли. Во-первыхъ, объединеніе, какъ таковое, не получаетъ прибыли въ зависимости отъ чрезмѣрности цѣны. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ прибыль объединенія, какъ таковое, весьма незначительна и состоитъ въ сравнительно небольшомъ коммисіонномъ вознагражденіи. Участники объединенія вовсе не заинтересованы въ этой прибыли, — ихъ интересуетъ та прибыль, которую они будутъ извлекать какъ производители, продающіе свой товаръ черезъ посредство объединенія. Конечно, между этой прибылью и высотой продажныхъ цѣнъ уже имѣется извѣстная и притомъ тѣсная связь. Но и ее нельзя положить въ основу приговора, признающаго продажныя цѣны не соответствующими условіямъ производства и сбыта, такъ какъ эти условія весьма различны для разныхъ участниковъ соглашенія. Какъ извѣстно, особенность синдикатскихъ соглашеній (въ противоположность трестамъ) въ томъ и заключается, что при опредѣленіи продажныхъ цѣнъ приходится считаться съ условіями производства не тѣхъ предпріятій, которыя производятъ сравнительно дешево, но тѣхъ, у которыхъ производство поставлено такъ, что оно обходится сравнительно дорого, ибо если цѣна продажная не будетъ покрывать издержекъ этихъ, въ худшихъ условіяхъ находящихся, предпріятій и давать ихъ предпринимателямъ нѣкоторую прибыль, то очевидно, они и не примкнутъ къ такого рода объединенію. Такимъ образомъ пришлось бы при примѣненіи этой статьи уложенія о наказаніяхъ сообразоваться не съ тѣмъ, возможно ли при данныхъ условіяхъ производство товара по цѣнамъ несравненно болѣе низкимъ, нежели продажныя, но съ тѣмъ, возможно ли такое производство для предпріятій, наихудше обставленныхъ какъ съ точки зрѣнія оборудованія, такъ и съ точки зрѣнія ихъ мѣстонахожденія. Тутъ въ кругъ обсужденія вводятся такимъ образомъ такіе элементы, что говорить о сугубо злой волѣ руководителей объединенія, подлежащей уголовной карѣ, уже не приходится.

При этомъ авторы законопроекта упустили изъ виду еще одно обстоятельство: роль акціонернаго начала въ картельныхъ соглашеніяхъ. По мѣрѣ того, какъ поднимается доходность предпріятія, а иногда значительно раньше нежели доходность поднялась, какъ только распространились слухи о предстоящемъ подъемѣ доходности, поднимается цѣна акцій предпріятія,

появляются новыя группы акціонеровъ, которые приобрѣли акціи по значительно болѣе высокимъ цѣнамъ. Для нихъ условія производства, оправдывающія ихъ предпринимательскіе расчеты, существенно иныя, они неизбѣжно рассчитываютъ прибыль не на основную капиталъ, значащійся по уставу предпріятія, не на тотъ капиталъ, который затраченъ на его устройство, но на тотъ, который они, акціонеры, затратили на приобретеніе акцій. И проводить тутъ какое-либо различіе между тѣми акціонерами, которые приобрѣли акціи по номинальной цѣнѣ, и тѣми, которые уплатили за нихъ значительную премию, учтя высокія продажныя цѣны, нѣтъ никакой возможности.

Вотъ эти особенности акціонернаго строя, быстрота смѣны предпринимателей помощью продажи акцій, дѣлаютъ непримѣнимымъ критерій соответствія цѣнъ условіямъ производства для уголовныхъ дѣлей и въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣется предпринимательское объединеніе, поглотившее помощью организаціи треста или единой акціонерной компаніи, объединенныя предпріятія.

Эта непримѣнимость наказанія, аналогичнаго наказанію за ростовщичество, къ использованію чрезмѣрно высокаго цѣнъ объединенными предпріятіями станетъ особенно очевидной, если мы до конца проведемъ сравненіе. Въдѣ согласно уставу о наказаніяхъ не всякая ссуда «въ чрезмѣрный ростъ» признается уголовно-наказуемымъ дѣяніемъ, а только въ томъ случаѣ, «если заемщикъ былъ вынужденъ своими стѣсненными обстоятельствами, извѣстными заимодавцу, принять условія ссуды, крайне обременительныя или тягостныя по своимъ послѣдствіямъ». И это оговорка совершенно неизбѣжная, ибо исполнѣ возможна ссуда изъ чрезмѣрныхъ процентовъ, не являющаяся чрезмѣрно обременительной для заемщика, который сумѣетъ извлечь большую выгоду изъ ссуды, несмотря на чрезвычайную высоту платимаго процента. Между тѣмъ въ предпринимательскихъ объединеніяхъ мы сплошь и рядомъ будемъ имѣть высокія цѣны, отъ которыхъ покупатель отнюдь не будетъ страдать. Возьмемъ тѣ случаи, когда объединеніе продаетъ полупродуктъ, далѣе когда товаръ потребляется другими крупными промышленниками, тоже объединенными картельнымъ соглашеніемъ. Гдѣ тутъ обременительность цѣны, тягостность послѣдствій приобретенія товара по высокимъ цѣнамъ?

Наконецъ, прежде, нежели предложить уголовныя и, притомъ, дѣйствительно, довольно «тягостныя по своимъ послѣдствіямъ» наказанія, надо было бы взвѣсѣть еще одну сторону вопроса, крайне важную именно съ субъективной точки зрѣнія вины и наказанія. Въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ картельное соглашеніе достигаетъ такой интенсивности, что конкуренція совершенно исключается. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ оно захватываетъ лишь большую часть производства, порой немногимъ

болѣе, иногда даже и менѣе его половины. Само собой понятно, что въ такихъ случаяхъ «порочные» члены картельнаго соглашенія продаютъ свои товары отнюдь не по болѣе высокимъ цѣнамъ, нежели добродѣтельные «дикіе», къ соглашенію не примкнувшіе, часто именно потому, что они желали болѣе полно использовать выгодную конъюнктуру, создающуюся благодаря образованію синдиката. И что же оказалось бы, если бы проектъ въ теперешней редакціи сталъ закономъ? Въ то время какъ лица, «прикосновенныя къ объединенію», оказались бы подлежащими уголовной карѣ, за тѣ же дѣянія «дикіе» оставались бы внѣ сферы досягаемости для уголовного кодекса. Можно было бы возразить, что невозможность наказать однихъ еще не даетъ достаточно оснований для того, чтобы освободить отъ этого наказанія за такія же дѣянія и другихъ. Не будемъ касаться этого вопроса съ точки зрѣнія уголовной политики. Дѣло тутъ не въ томъ только, что часть лицъ остается внѣ наказанія за дѣянія, за которыя должны въ уголовномъ порядкѣ отвѣчать другія, а въ томъ, что дѣятельность первыхъ дѣлаетъ очень часто неизбѣжнымъ совершеніе уголовного преступленія для вторыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, высокія цѣны на товаръ очень часто обуславливаются его недостаткомъ, который не можетъ быть быстро устраненъ предпринимателями. Если мы возьмемъ, напр., переживаемый въ настоящее время Россіей моментъ, то увидимъ, что многіе товары не могутъ быть производимы въ томъ количествѣ, въ какомъ это требуется рынкомъ. Быть можетъ, часто (хотя во всякомъ случаѣ не всегда) это обуславливается предшествующей дѣятельностью предпринимателей, допустимъ даже (и это бываетъ) самого предпринимательскаго объединенія, но, какъ бы то ни было, въ данный моментъ въ известной отрасли производства предложеніе оказывается ниже спроса. Цѣны, естественно, растутъ въ размѣрѣ, «не соответствующемъ условіямъ производства и сбыта». Что дѣлать въ этомъ случаѣ лицамъ, прикосновеннымъ къ объединенію, для того, чтобы не подпасть подъ дѣйствіе проектируемой законопроектномъ ст. 1180¹? Очевидно, продавать по болѣе низкимъ цѣнамъ, нежели тѣ, которыя могутъ быть достигнуты при данномъ соотношеніи спроса и предложенія. Но какой же будетъ результатъ этой безпримѣрной въ области предпринимательскаго строя политики? Товаръ «предпринимательскаго объединенія» будетъ раскупленъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ опытными посредниками, а засимъ «дикіе» используютъ въ полной мѣрѣ благоприятную для нихъ конъюнктуру, такъ какъ распродажа товара предпринимательскаго объединенія не только не могла уменьшиться, но, вѣроятно, даже нѣсколько увеличилась спросъ.

Мы полагаемъ въ виду всѣхъ этихъ соображеній, что проектируемая ст. 1180¹ уст. о нак. должна быть вовсе исключена изъ проекта. Но

засимъ остается вопросъ, не отбѣдуетъ ли ее замѣнить статьей, дающей суду право закрыть предпринимательское объединеніе, виновное въ дѣяніи, этой статьей предусмотрѣнное. Конечно, такая постановка вопроса возбуждаетъ противъ себя гораздо менѣе возраженій. Принципіально ничего нельзя возражать противъ права государственной власти закрыть союзъ, дѣятельность котораго признается имъ вредной. Не считаемъ рѣшающими возраженія, сводящіяся къ тому, что вопросъ о вредѣ или пользѣ предпринимательскаго объединенія въ такой мѣрѣ сложный, что трудно возлагать на судъ обязанность въ немъ разобраться, хотя трудность такого рода процесса не должна быть упускаема изъ виду законодателемъ при проектированіи такового. Сомнѣнія связаны для насъ съ вопросомъ о пользѣ такого рода судебного рѣшенія. Данное предпринимательское объединеніе будетъ объявлено закрытымъ. Но вѣдь тѣ условія, которыя его создали, вслѣдствіе этого не исчезаютъ. Закрытіе этого союза не создастъ той конкуренціи производителей, того производства товара, который влечетъ за собой паденіе цѣнъ. И, слѣдовательно, въ той или иной формѣ предпринимателя оумѣютъ столкнуться относительно удержанія цѣнъ на известномъ уровнѣ. А это будетъ такъ легко, какъ легко будетъ подъ другой формой создать новое объединеніе предпринимателей для достиженія тѣхъ цѣнъ, которыя оказываются возможными благодаря данной совокупности условій. И для того, чтобы опрокинуть это новое соглашеніе, придется начать новый длинный и сложный процессъ и такъ безъ конца, до тѣхъ поръ, пока не измѣнятся тѣ условія, благодаря которымъ становятся возможными цѣны, «не оправдываемыя условіями производства и сбыта».

Казалось бы, вмѣсто того, чтобы предпринимать такую сизифову работу, лучше позаботиться объ измѣненіи тѣхъ условій, благодаря которымъ такія «неоправдываемыя условіями производства» цѣны становятся возможными. И тутъ мы переходимъ ко второй группѣ мѣропріятій, имѣющей въ виду не непосредственное воздѣйствіе на предпринимательское объединеніе, но установленіе такихъ условій, при которыхъ чрезмерныя, не вызываемыя дѣйствительными условіями производства данного товара, продажныя цѣны становятся невозможными.

Эти мѣропріятія предусматриваются ст. 8 законопроекта, которую мы и считаемъ самой существенной ея частью. Она гласитъ: въ случаѣ опасной или вредной для государственныхъ интересовъ дѣятельности предпринимательскихъ объединеній, выражающейся въ значительномъ, не оправдываемомъ условіями производства и сбыта повышеніи или пониженіи цѣнъ на массовые продукты, коихъ производство или торговля составляетъ предметъ дѣятельности объединеній, могутъ быть принимаемы, съ утвержденія совѣта министровъ нижеслѣдующія мѣры: а) повышеніе или пониженіе желѣзнодорожныхъ

тарифовъ, б) пониженіе, повышеніе и отміна таможенныхъ пошлинъ и в) введеніе вывозныхъ пошлинъ.

Мѣропріятія эти не могутъ принципиально вызывать никакихъ противъ себя возраженій. Они всё признаются теоріей, вводятся новѣйшими проектами, и даже небольшой опытъ уже на ихъ сторонѣ.

Громадное значеніе желѣзнодорожныхъ тарифовъ въ процессѣ образованія товарныхъ цѣнъ очевидно само собой, въ особенности по отношенію къ товарамъ громоздкимъ, перевозная плата которыхъ часто является главной частью продажной цѣны товара, — напомнимъ хотя бы уголь.

Еще болѣе велико значеніе таможенныхъ ставокъ, носящихъ у насъ такъ часто запретительный характеръ. Какъ извѣстно, вопросъ о значеніи пошлинъ въ процессѣ образованія картельнаго движенія является въ литературѣ и до настоящаго времени спорнымъ. Нѣкоторые склонны все это движеніе приписывать таможеннымъ пошлинамъ. Въ этомъ, несомнѣнно, значительная доля преувеличенія. Картельное движеніе можетъ развиваться и, несомнѣнно, развивается даже и тамъ, гдѣ пошлинъ совсѣмъ нѣтъ или гдѣ пошлина по естественнымъ условіямъ (дороговизна перевозки) не можетъ играть сколько-нибудь значительной роли. Но въ такой же мѣрѣ безспорно, что широко развитая таможенная система является однимъ изъ лучшихъ проводниковъ въ жизни началъ картельныхъ организацій, такъ какъ устраняетъ съ рынка самого опаснаго и несговорчиваго конкурента. И казалось бы, совершенно очевидно, что вмѣсто того, чтобы бороться съ невыгодными послѣдствіями такого устраненія конкуренціи, гораздо дѣлесообразнѣе и разумнѣе просто отказать отъ устраненія этой конкуренціи и ввести экономическое явленіе въ его естественные предѣлы.

Единственный вопросъ, который можетъ и долженъ возникнуть по поводу этихъ законодательныхъ предположеній, заключается въ томъ, какимъ образомъ должны осуществляться эти мѣропріятія. Конечно, бывають такія желѣзнодорожныя и, въ особенности, таможенныя системы, при которыхъ каждое уменьшеніе ставокъ должно быть привѣтствуемо, какъ благо съ точки зрѣнія интересовъ массы потребителей. Въ такія эпохи можно и не задумываться особенно о гарантіяхъ противъ неумѣлаго пользованія правомъ пониженія ставокъ. Но, вѣдь, въ законодательныхъ предположеніяхъ надо исходить не изъ такого ненормальнаго положенія, но изъ положенія вполне нормальнаго, считаться съ хорошо урегулированной системой таможеннаго и желѣзнодорожнаго тарифа. Тарифы эти имѣютъ свое самостоятельное значеніе. Желѣзнодорожный связанъ со всей желѣзнодорожной политикой, имѣющей громадное для страны значеніе. Таможенный не менѣе глубоко врѣзается въ самую гущу хозяйственной жизни страны; онъ связанъ, къ тому же, тѣсно съ международными договорами.

Такимъ образомъ, при измѣненіи ставокъ какъ того, такъ и другого тарифа необходимо взвѣснить и оцѣнить всю ту совокупность отношеній, которыя должны были быть приняты во вниманіе при выработкѣ тарифовъ. И, слѣдовательно, дѣло это можетъ быть вѣрено только той власти, отъ которой зависѣло установленіе этихъ тарифовъ.

Этому требованію не отвѣчаютъ постановленія законопроекта, которыя предоставляютъ измѣненіе таможеннаго тарифа совѣту министровъ, между тѣмъ какъ самое установленіе ставокъ зависитъ отъ законодательныхъ учреждений. И такъ какъ при этомъ проектъ не устанавливаетъ даже максимальнаго срока дѣйствія такого измѣненія, то отсюда самый широкій просторъ для вѣзаконодательнаго измѣненія того, что было установлено въ законодательномъ порядкѣ. Такое положеніе вещей нельзя признать нормальнымъ. Правда, слѣдуетъ признать путь законодательный въ такой мѣрѣ длительнымъ, а между тѣмъ неотложность принятія мѣры репрессіи противъ непомерно высокихъ цѣнъ объединеній въ такой мѣрѣ настойчивой, что практические результаты мѣропріятія окажутся трудно достижимыми при необходимости мѣропріятіе провести чрезъ думу и государственный совѣтъ. Но для того, чтобы парализовать эту опасность достаточно было бы предоставить совѣту министровъ измѣнять тарифъ въ видѣ временной мѣры, съ обязанностью одновременно внести предложеніе въ законодательныя учреждения, отъ которыхъ и будетъ зависетьъ или санкціонировать ее, или же отмѣнить. Длительность законодательнаго пути не будетъ служить при такихъ условіяхъ помѣхой для быстроты дѣйствій органовъ исполнительной власти.

Менѣе серьезень вопросъ объ измѣненіи желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Тутъ можно было бы, однако, рекомендовать, чтобы порядокъ этого измѣненія былъ согласованъ съ порядкомъ изданія желѣзнодорожныхъ тарифовъ, дабы не вводить дисгармонію въ это сложное и отвѣтственное дѣло.

Очевидно, сознавая въ полной мѣрѣ все значеніе этихъ мѣропріятія, законопроектъ обставляетъ извѣстными гарантіями самый способъ обсужденія ихъ въ подлежащихъ вѣдомствахъ. Согласно 2 ч. той же ст. 8, принятію сихъ мѣръ должно предшествовать подробное обследованіе той отрасли промышленности, относительно коей имѣется предположеніе объ искусственной регулировкѣ цѣнъ, съ истребованіемъ отъ подлежащихъ предпріятія подробныхъ объясненій и выписокъ изъ книгъ. Обследованіе производится правительственными чинами при участіи экспертовъ, половина коихъ назначается министерствомъ торговли и промышленности, а половина избирается промышленниками.

Мы полагаемъ, однако, что разъ рѣчь идетъ объ экспертахъ, нѣтъ надобности настаивать на томъ, чтобы именно половина была назначаема министрами и половина избираема промышленниками. И это тѣмъ болѣе, что проектъ не го-

ворить о томъ, кому принадлежитъ право избирать представителей отъ промышленности, ни о порядкѣ ихъ избранія.

Въ заключеніе два слова о «переходной» статьѣ, именно 10, говорящей, что «дѣйствующія нынѣ въ какой бы то ни было формѣ предпринимательскія объединенія, за исключеніемъ образованныхъ на основаніи особыхъ узаконеній, обязаны, въ шестимѣсячный срокъ со дня обнародованія правилъ о предпринимательскихъ объединеніяхъ, представить указанныя въ настоящихъ правилахъ свѣдѣнія и копии договоровъ въ министерство торговли и промышленности для надлежащей регистраціи. Неисполнвшіе его считаются по истеченіи сего срока закрытыми, до истеченія же его къ симъ объединениямъ не примѣняется ст. 1197¹ уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ (св. зак. т. XV, изд. 1885 г.)».

Намъ представляется едва ли правильнымъ освобожденіе отъ этой обязанности регистраціи акціонерныхъ обществъ, носящихъ картельный характеръ. Казалось бы, этимъ сравнительно крупнымъ предпріятіямъ легко выполнить своевременно формальности новаго порядка, легко во время получить надлежащія о немъ свѣдѣнія. И далѣе непонятно, какое значеніе имѣетъ это освобожденіе отъ обязанности регистраціи. Неужели же предполагается ихъ вообще освободить отъ дѣйствія новыхъ правилъ? Но, въ такомъ случаѣ, лучше не вводить этихъ правилъ. Если же они имъ подчинены, то какое значеніе можетъ имѣть освобожденіе отъ обязанности регистраціи, которая является необходимымъ условіемъ надлежащаго примѣненія этихъ правилъ? вмѣстѣ съ тѣмъ, намъ представляется совершенно необоснованнымъ предложеніе считать закрытыми объединенія, не исполнившія своевременно требованія регистраціи. Необходимо считаться и съ тѣмъ, что понятіе предпринимательскаго объединенія вовсе не такое простое и, согласно законопроекту, чтобы можно было признавать исключенными какіе-либо споры по этому поводу и съ тѣмъ, что самыя разнообразныя причины могутъ помѣшать сдѣлать необходимое заявленіе въ регистръ, даже и помимо злого умысла виновныхъ въ упущеніи. Задача законодателя, при введеніи новшествъ, заключается въ томъ, чтобы сдѣлать какъ можно болѣе мягкимъ, какъ можно менѣе чувствительнымъ переходъ къ новому порядку. Между тѣмъ, законопроектъ безъ нужды этотъ переходъ обостряетъ. Мы говоримъ безъ нужды, такъ какъ та же цѣль понужденія къ регистраціи можетъ быть достигнута предоставленіемъ регистрирующимъ учрежденіямъ права требовать внесенія объединенія въ записъ съ наложеніемъ высокихъ штрафовъ въ случаѣ, когда приходится съ требованіемъ повторно обращаться къ уклоняющимся отъ его выполненія.

А. Каминка.

О примѣненіи румынскихъ гражданскихъ законовъ въ Россіи.

Одно весьма интересное рѣшеніе гр. касс. д-та правит. сената за 1912 г. упраздняетъ на пространныхъ одной изъ территорій россійской имперіи примѣненіе въ видѣ общаго правила румынскаго гражданскаго законодательства, дѣйствовавшаго нѣкоторое время въ качествѣ мѣстнаго права. Подобное явленіе, именно устраниеніе примѣненія въ извѣстной территоріи имперіи дѣйствовавшей тамъ системы гражданскаго права не въ законодательномъ порядкѣ, а путемъ разъясненія правительствующаго сената, уже на первый взглядъ представляется страннымъ. Но указанное явленіе принимаетъ положительно парадоксальный характеръ, если мы замѣтимъ, что и примѣненіе не въ видѣ исключенія, а въ качествѣ общаго правила указанной системы иностраннаго гражданскаго права на территоріи россійской имперіи было установлено рѣшеніемъ того же гр. касс. д-та сената. Такимъ образомъ, оказывается, что кассационный сенатъ однимъ рѣшеніемъ ввелъ въ предѣлахъ Россіи примѣненіе иностраннаго законодательства въ качествѣ дѣйствующаго (мѣстнаго) права, другимъ рѣшеніемъ примѣненіе этого законодательства упразднилъ.—Въ литературѣ съ полнымъ основаніемъ неоднократно указывалось, и это указаніе сдѣлалось до извѣстной степени даже общимъ мѣстомъ, что гражданскій кассационный департаментъ сената вслѣдствіе извѣстнаго состоянія нашего гражданскаго законодательства является не только истолкователемъ закона, но вердикомъ и творцомъ новаго права. Но, чтобы гражданскій кассационный департаментъ вводилъ въ дѣйствіе и упразднялъ примѣненіе въ предѣлахъ имперіи дѣлаго гражданскаго законодательства иностранной державы,—съ такимъ явленіемъ до сихъ поръ еще не приходилось встрѣчаться, да едва ли и придется встрѣтиться еще разъ. Уже одно это обстоятельство заставляетъ обратить вниманіе на рѣшеніе гр. касс. д-та 1912 г. № 63. Рѣшеніе это прішло сравнительно мало замѣченнымъ въ нашей гражданской литературѣ потому, конечно, что вся указанная разъяснительная дѣятельность сената касается лишь очень небольшой территоріи имперіи—измаильскаго и части аккерманскаго и кишиневскаго уѣздовъ Бессарабской губерніи.

Дѣло въ слѣдующемъ.

Бессарабская область была присоединена къ Россіи по бухарестскому миру 1812 г. Присоединеніе сопровождалось сохраненіемъ для жителей Бессарабіи, за исключеніемъ двухъ уѣздовъ: измаильскаго (кагульскаго) и аккерманскаго права пользоваться мѣстными гражданскими законами и обычаями¹⁾. Какъ извѣстно, мѣстнымъ правомъ Бессарабіи

¹⁾ См. П. С. З. 26 ноября 1815 г. № 26008, 29 апрѣля 1818 г. № 27357, 29 февраля 1828 г. № 1834, §§ 1, 63. См. подробно: Даневскій, Объ источникахъ мѣстныхъ законовъ нѣкоторыхъ губерній и областей Россіи, 1857 г., стр. 52 и 53; О. Я. Пергаментъ, О примѣненіи мѣстныхъ законовъ Арменополю и Довича, 1905 г., стр. 5—7; Кассо, Византійское право въ Бессарабіи, 1907 г., стр. 5—11.

является, главнымъ образомъ, право византийское, изложенное въ сборникахъ Арменопуло и Донича, и въ первоисточникахъ этихъ послѣднихъ: *Вазиликахъ*, *Прохиронѣ*, *Эклогѣ*, *Corpus juris civilis* и др. 1). По парижскому трактату 1856 г. почти весь кагульскій (измаильскій) уѣздъ, части аккерманскаго и кишиневскаго уѣздовъ отошли къ княжеству Молдавіи, а въ послѣдствіи вошли къ составу объединенной Румыніи (1859—1861 г.г.). Въ Молдавіи въ 1817 г. былъ введенъ въ дѣйствіе кодексъ Каллимаха, основаніемъ для котораго послужили: австрійское гражданское уложеніе, византийское право и отчасти мѣстные обычаи, а въ объединенной Румыніи въ 1864 г. былъ изданъ и въ 1865 г. введенъ въ дѣйствіе новый гражданскій кодексъ, основнымъ источникомъ котораго явился французскій *Code civil* 2). Такимъ образомъ, отошедшая отъ Россіи къ Молдавіи по парижскому трактату 1856 г. часть Бессарабіи, вошедшая затѣмъ въ составъ княжества Румыніи, подпала сначала подъ дѣйствіе гражданскихъ законовъ Молдавіи, а съ 1865 г. подъ дѣйствіе гражданскаго законодательства Румыніи и оставалась въ составѣ Румыніи до 1878 г. По берлинскому трактату 1878 г. означенная территория была возвращена («обратно уступлена») Россіи 3) и въ главной своей части составила нынѣшній измаильскій уѣздъ бессарабской губерніи.

Невольнымъ слѣдствіемъ неполноты и неясности законоположеній, имѣвшихъ цѣлью опредѣлить устройство общественнаго и частнаго быта населенія вновь присоединенной территоріи, и явилось то парадоксальное положеніе, которое отмѣчено нами выше.

Еще до фактической передачи означенной территоріи Россіи, состоявшейся 9 октября 1878 г., именно 21 сентября 1878 г., былъ изданъ именной Высочайшій указъ «о порядкѣ отправленія правосудія въ части Бессарабіи, присоединенной на основаніи берлинскаго трактата» 4). Этими законоположеніемъ были установлены слѣдующія временныя правила отправленія правосудія. Судебныя дѣла, которыя, согласно судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 г., подлежатъ дѣйствию общихъ судебныхъ мѣстъ, подчиняются вѣдомству кишиневскаго окружнаго суда и состоящихъ при немъ прокурорскаго надзора и старшаго нотаріуса (п. 1). Вводятся положеніе о нотаріальной части и временныя правила для руководства нотаріусовъ и мировыхъ судей (3). Въ отношеніи дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію мировыхъ судей, тѣ мѣстности, которыя должны быть присоединены къ аккерманскому, бендерскому и кишиневскому уѣздамъ, подчиняются вѣдомству смежныхъ мировыхъ установленій (4). Изъ вновь образуемаго измаильскаго уѣзда составляется отдѣльный судебно-мировой округъ (5).

Такимъ образомъ, очевидно, что во вновь присоединенной территоріи были введены судебныя уставы 20 ноября 1864 г. и тѣмъ разрѣшены вопросы судостроительства. Но какія матеріальныя нормы призваны были дѣйствовать здѣсь? Введеніе въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ имп. Александра II еще не предрѣшало вопроса о матеріальномъ правѣ, коимъ должны руководствоваться новыя судебныя учрежденія на пространныхъ присоединенной территоріи. Какъ всѣмъ хорошо извѣстно, въ судебныхъ учрежденіяхъ, дѣствующихъ на основаніи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г., примѣняется какъ общее-русское законодательство, такъ и мѣстныя права.

Относительно дѣйствія матеріальныхъ нормъ частнаго права въ присоединенной территоріи 24 января 1879 г. были изданы два указа. Именной Высочайшій указъ «объ опекунскихъ установленіяхъ въ присоединенной къ Россіи по берлинскому трактату части Бессарабіи» 1), пунктомъ первымъ коего предписано: «оставить въ возвратившихся въ русское подданство жителей той части Бессарабіи въ силѣ существующей до сего мѣстной порядкомъ завѣдыванія дѣлами и имуществомъ малолѣтнихъ при содѣйствіи семейныхъ совѣтовъ». Кроме приведеннаго указа, были изданы «Высочайше утвержденныя правила, подлежащія соблюденію при разсмотрѣніи уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, возникшихъ при румынскомъ правительствѣ въ присоединенной къ Россіи по берлинскому трактату части Бессарабіи» 2). Отдѣлъ первый этихъ правилъ «по дѣламъ уголовнымъ» содержитъ въ пунктѣ первомъ такое постановленіе: «при опредѣленіи наказаній за преступленія и проступки, совершенныя до 9 октября 1878 г., примѣняются дѣйствующіе въ имперіи уложеніе о нак. изд. 1866 г. и уставъ о нак., нал. мир. суд. во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда предусмотрѣнныя въ нихъ дѣянія восприняты были подъ страхомъ наказанія дѣйствовавшими при румынскомъ господствѣ уголовными законами». Отдѣлъ второй правилъ «по дѣламъ гражданскимъ» содержитъ, между прочимъ, слѣдующія постановленія: 1) «Дѣла по договорамъ, обязательствамъ и другимъ имущественнымъ распоряженіямъ и правоотношеніямъ, впредь до изданія особаго о семъ постановленія, подлежатъ разрѣшенію на основаніи законовъ, при соблюденіи коихъ они возникли...» 2) «При ссылкѣ на статьи румынскихъ законовъ тяжущійся обязанъ представить переводъ ихъ на русскій языкъ».

Двумя приведенными законоположеніями и ограничиваются, собственно, всѣ указанія закона по вопросу о дѣйстви въ присоединенной части территоріи источниковъ гражданскаго права 3). Первое изъ нихъ спеціальнаго характера, и толкованіе его не

1) П. С. З. 24 января 1879 г. № 59253.

2) П. С. З. № 59254.

3) Въ области правъ и обязанностей публичнаго характера въ присоединенной территоріи оставлено съ небольшимъ измѣненіемъ прежнее коммунальное устройство (собр. узак. 15 янв. 1888 г. ст. 43), оставлены прежніе прямые подати и окладные сборы (собр. узак. 1879 г. № 368 и 1881 г. № 458), жители присоединенной территоріи съ 1885 г. привлечены къ отбыванію всеобщей воинской повинности (собр. узак. 1885 г. № 18).

1) Ср. указанныхъ авторовъ, а также рѣшенія гр. касс. д-та 97/58, 1900/72, 1909/35 и др.

2) О кодексѣ Каллимаха см. Zachariae von Lingenthal, *Geschichte des griechisch-römischen Rechts*, изд. 1892 г., стр. XVI—XX, и Кассо, *Византийское право въ Бессарабіи*, стр. 30—33. О кодификаціи въ Румыніи—Шершеневичъ, *Курсъ гражданскаго права*, т. I, стр. 348—349.

3) П. С. З. № 58744, ст. 45.

4) П. С. З. 21 сент. 1878 г. № 58863.

возбуждало сомнѣній. Второе послужило, а отчасти и до сихъ поръ служить, причиной недоразумѣній, приводившихъ судебную практику къ диаметрально противоположнымъ рѣшеніямъ. Какъ видно изъ самаго заглавія, а также и изъ ихъ содержанія, вышеприведенныя правила относятся лишь къ дѣламъ уже возникшимъ (начавшимся) во время принадлежности территоріи къ Румыніи и притомъ касаются лишь имущественныхъ правоотношеній. Они не предусматриваютъ разрѣшенія: 1) дѣлъ, начавшихся до 9 октября 1878 г. по правоотношеніямъ личнымъ (напр. по праву семейному, брачному и нѣкоторыхъ другихъ), 2) всѣхъ вообще правоотношеній, возникшихъ при господствѣ румынскаго законодательства, но не ставшихъ до 9 октября 1878 г. предметомъ судебного разбирательства, 3) правоотношеній, возникшихъ или имѣющихъ возникнуть послѣ 9 окт. 1878 г. по переходѣ территоріи къ Россіи¹⁾. При умолчаніи положительнаго законодательства какіе же законы должны быть примѣняемы къ разрѣшенію трехъ указанныхъ группъ правоотношеній въ предѣлахъ присоединенной территоріи: русскіе, румынскіе или бессарабскіе? Посмотримъ, какъ восполняла неполноту положительнаго законодательства судебная практика, какіе законы примѣняла она въ спорныхъ случаяхъ.

Изъ рѣшенія гр. касс. д-та за 1880 г. № 119 видно, что мировой судья, разрѣшая споръ по договору, заключенному сторонами до присоединенія данной территоріи къ Россіи съ соблюденіемъ формы, установленной румынскими законами, примѣнилъ румынскіе законы и удовлетворилъ искъ. По апелляціонной жалобѣ мировой сѣздъ отмѣнилъ рѣшеніе мирового судьи, указавъ въ своихъ мотивахъ, что, на основаніи 7 ст. II отд. Высочайше утвержденныхъ 24 января 1879 г. правилъ о порядкѣ разсмотрѣнія дѣлъ въ присоединенной къ Россіи части Бессарабіи, истецъ долженъ доказать, что по румынскимъ законамъ такого рода обязательство признавалось дѣйствительнымъ, а такъ какъ подобнаго доказательства истецъ не представилъ, мировой сѣздъ примѣнилъ русскіе законы и въ искѣ отказалъ. Правительствующій сенатъ разъяснилъ, что мировой сѣздъ не вѣрно примѣнилъ правила 24 января 1879 г. къ договору возникшему при румынскомъ правительствѣ, такъ какъ и по своему заглавію и по содержанію указанныя правила изданы для дѣлъ, производство коихъ уже началось до присоединенія территоріи къ Россіи и не могутъ относиться къ дѣламъ, возникшимъ (какъ настоящее) по присоединеніи края къ Россіи, но рѣшеніе сѣзда отмѣнилъ по другому основанію, за нарушеніемъ 707 ст. уст. гр. суд.

Въ рѣшеніи 1883 г. № 40, разрѣшая вопросъ о правѣ коммунальныхъ учрежденій г. Измаила облагать торговлю крѣпкими напитками сборами на общественныя надобности и признавая такое право на основаніи румынскихъ законовъ о коммунальныхъ учрежденіяхъ, оставленныхъ въ силѣ, гр. касс. д-тъ,

¹⁾ Изъ указанныхъ правоотношеній закономъ 12 марта 1888 г. были урегулированы лишь правоотношенія по дѣламъ брачнымъ и о законности рожденія (II. С. 3. № 5061).

между прочимъ, указываетъ, что присоединеніе территоріи отъ одного государства къ другому не влечетъ за собою безусловной отмены всѣхъ прежнихъ законовъ и учрежденій и замѣны ихъ новыми. «Замѣна существующаго въ присоединенной странѣ порядка, въ силу понятія о непоколебимости и твердости законовъ, ограждающихъ гражданскую и общественную жизнь народонаселенія, не можетъ быть предполагаема и не вытекаетъ сама собою изъ событія присоединенія. Распространеніе на такую страну законовъ и учрежденій, дѣйствующихъ въ предѣлахъ государства, къ которому страна присоединена, несомнѣнно, можетъ послѣдовать только по распоряженію верховной власти этого послѣдняго государства». Только-что приведенный взглядъ, какъ легко замѣтить, существенно отличается отъ высказаннаго въ рѣш. 1880/119.

Въ рѣшеніи 1886 г. № 93 гр. касс. д-ту пришлось высказаться по спору о признаніи не дѣйствительною мировой сдѣлки, совершенной въ 1870 г., каковой споръ былъ заявленъ послѣ 9 окт. 1879 г. Положеніе, аналогичное тому, которое имѣло мѣсто въ рѣш. 1880/119, — однако, сенатъ дѣлаетъ не аналогичные выводы. Окружный судъ примѣнилъ къ разрѣшенію этого спора румынскій гражданскій кодексъ, судебная палата — русскіе законы. Правительствующій сенатъ указываетъ: «... такъ какъ составляющій предметъ настоящаго спора актъ совершенъ въ 1870 году, т.-е. въ то время, когда часть Бессарабіи, гдѣ совершенъ этотъ актъ, не была еще присоединена къ Россіи и подчинялась дѣйствию румынскихъ законовъ, то вытекающій изъ предмета спора вопросъ о силѣ того акта долженъ былъ быть разрѣшенъ разсматривавшими сей споръ русскими судами исключительно на основаніи румынскихъ законовъ (собр. узак. 1879 г. № 11, ст. 52, и рѣш. сената за 1880 г. № 119)». Такимъ образомъ правительствующій сенатъ со ссылкой на правила 24 января 1879 г. и даже рѣш. 1880 г. № 119 — признаетъ, что правоотношенія, возникшія при дѣствіи румынскихъ законовъ должны и обсуждаться на основаніи этихъ послѣднихъ, и примѣняетъ по настоящему дѣлу румынскіе законы. Относительно силы и дѣствія румынскихъ законовъ на прострѣствѣ данной территоріи правительствующій сенатъ замѣчаетъ, что эти законы, дѣйствовавшіе въ иностранной территоріи, въ послѣдствіи присоединенной къ Россіи, «сохранили и послѣ таковаго присоединенія обязательную для той территоріи силу, хотя бы и съ известнымъ ограниченіемъ».

Въ рѣшеніи 1893 г. № 38 правительствующій сенатъ по общему собранію, разрѣшая конкретный вопросъ публичнаго права, подробно останавливается на выясненіи того обстоятельства, какіе законы дѣйствуютъ въ возсоединенной по берлинскому трактату части Бессарабіи. Присоединяя къ себѣ чужую территорію — разсуждаетъ правит. сенатъ — государство пріобрѣтаетъ по отношенію къ ней всѣ верховныя права и подчиняетъ ее дѣйствию своихъ законовъ, своей юрисдикціи. Оставленіе же въ силѣ румынскаго законодательства могло имѣть мѣсто или на основаніи международнаго договора или по собственному усмотрѣнію. Но русская государственная

власть по берлинскому трактату не принимала на себя никаких обязательств въ отношеніи присоединяемаго края и не сохранила въ присоединенной территоріи прежнихъ законовъ въ полномъ объемѣ, а лишь въ нѣкоторыхъ точно опредѣленныхъ случаяхъ. Эти послѣднія постановленія въ качествѣ изъятій изъ общаго дѣйствующаго права и помѣщены въ соответствующихъ мѣстахъ свода общахъ законовъ. Обсуждая значеніе правилъ 24 янв. 1879 г. и указавъ на то, что правилами 24 янв. 1879 г. предписано дѣла по договорамъ, обязательствамъ и другимъ имущественнымъ правоотношеніямъ разрѣшать на основаніи законовъ, при соблюденіи коихъ они возникли, правительствующій сенатъ замѣчаетъ: «о томъ, чтобы въ воссоединенной части Бессарабіи дѣла о совершаемыхъ послѣ 9-го октября 1878 года преступныхъ дѣяніяхъ или гражданскихъ сдѣлкахъ разрѣшались русскими судами по румынскимъ законамъ, нѣтъ ни малѣйшаго указанія въ правилахъ 24 января¹⁾. Между тѣмъ, въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ русская государственная власть признаетъ за благо сохранить временно прежній мѣстный порядокъ въ присоединенной территоріи, — способъ примѣненія его опредѣляется съ точностью, и лишь въ силу этой санкціи государственной власти, прежній порядокъ воспринимаетъ свое законное дѣйствіе». Основываясь на постановленіяхъ 47 и 48 ст.ст. зак. осн.²⁾ и принимая во вниманіе, что въ воссоединенной части Бессарабіи не послѣдовало отъ верховной власти повелѣнія о сохраненіи тамъ всецѣло прежняго порядка внутренняго управленія, а допущены лишь нѣкоторыя изъятія изъ общихъ правилъ, общее собраніе правительствующаго сената приходитъ къ выводу, что въ присоединенномъ краѣ дѣйствіе общихъ законовъ ограничивается указанными изъятіями, а не предполагается продолжаться дѣйствіе румынскихъ законовъ вообще³⁾, и въ этомъ смыслѣ разрѣшаетъ поставленный вопросъ, о чемъ и постановляетъ гражданскому кассационному департаменту сообщить въ дѣлѣ.

Но и это вѣдѣніе не оказало должнаго дѣйствія. Склонность гр. касс. д-та къ признанію дѣйствія румынскихъ законовъ въ ихъ цѣломъ въ новой

1) Необходимо отмѣтить, что и въ этомъ рѣшеніи правительствующій сенатъ говоритъ о томъ, что дѣйствію румынскихъ законовъ не должны подлежать преступныя дѣянія или гражданскія сдѣлки, совершеныя послѣ 9 окт. 1879 г., а слѣдовательно, преступныя дѣянія и гражданскія сдѣлки, совершеныя до 9 окт. 1879 г., вообще подлежатъ дѣйствію румынскихъ законовъ.

2) 47 ст. осн. госуд. зак. изд. 1892 г.: «Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ Самодержавной власти исходящихъ». Ст. 48: «Законы въ Имперіи дѣйствуютъ или единообразно въ общей ихъ силѣ, или съ мѣстными въ нѣкоторыхъ ихъ частяхъ измѣненіями. Пространство сихъ измѣненій, мѣста, гдѣ они допускаются, и связь ихъ съ законами общими, опредѣляются въ особенныхъ законахъ, учрежденіяхъ и уставахъ». (См. своды военныхъ и морскихъ постановленій, своды мѣстныхъ узаконеній, и въ общемъ сводѣ законовъ различныхъ изъятій изъ общихъ правилъ).

3) Въ противоположность положенію, высказанному въ рѣш. гр. к. д. 1886/93.

Бессарабіи, замѣчавшаяся уже въ рѣшеніяхъ 1883 и 1886 г.г., нашла свое наиболѣе полное выраженіе въ рѣшеніи 1895 г. № 78. Въ этомъ случаѣ сенату пришлось разрѣшить вопросъ о томъ, какіе законы должны быть примѣнены къ наслѣдванію послѣ жителя измаильскаго уѣзда: бессарабскіе, румынскіе или русскіе. Судебная палата, основываясь, главнымъ образомъ, на 47 и 48 ст.ст. зак. осн. и другихъ подробно мотивированныхъ соображеніяхъ и въ частности отмѣтивъ, что присоединеніе территоріи къ Бессарабіи вовсе не означаетъ еще распространенія на нее мѣстнаго бессарабскаго права, для чего требуется положительное предписаніе закона, и что мѣстные бессарабскіе законы и до 1856 г. не были распространены на измаильскій и аккерманскій уѣзды, что въ силу 47 и 48 ст.ст. зак. осн. необходимо такое же положительное предписаніе закона для сохраненія въ присоединенномъ краѣ румынскаго законодательства, высказалась за примѣненіе въ новой Бессарабіи общихъ русскихъ законовъ. Между прочимъ, обсуждая ссылку апеллятора на рѣш. гр. касс. д-та 1883/40, судебная палата указываетъ, что это рѣшеніе трактуется объ органахъ мѣстнаго самоуправленія. Органы же управленія при переходѣ территоріи должны оставаться въ дѣйствіи впредь до ихъ преобразованія новой верховной властью, — иначе получилось бы на нѣкоторое время отсутствіе управленія, анархія. Нормы частнаго права находятся въ иномъ положеніи. На мѣсто прежнихъ нормъ непосредственно силою самого присоединенія вступаютъ гражданскіе законы новаго государства, и промежутка беззаконія, который дѣлалъ бы необходимымъ сохраненіе старыхъ законовъ, не оказывается. Правительствующій сенатъ (по докладу С. В. Пахмана) вполне согласился съ мнѣніемъ судебной палаты о непримѣнимости къ измаильскому уѣзду нормъ бессарабскаго права, но относительно дѣйствія румынскаго законодательства всталъ на противоположную точку зрѣнія. По мнѣнію правительствующаго сената не только нормы публичнаго, но также и частнаго права не могутъ быть внезапно измѣняемы. «Не говоря уже о томъ, что между областями частнаго и публичнаго права нѣтъ возможности провести столь точную разграничительную черту, чтобы первому были чужды учрежденія и начала послѣдняго, необходимо принять въ соображеніе, что и въ сферѣ собственно частныхъ правоотношеній внезапная юридическая ломка могла бы произвести глубокое потрясеніе и сопровождаться даже замѣшательствами въ цѣломъ гражданскомъ оборотѣ». Но помимо общихъ соображеній, правительствующій сенатъ находитъ подтвержденіе своего взгляда и въ положительномъ законодательствѣ, именно въ правилахъ 24 янв. 1879 г. «Въ этихъ правилахъ по отношенію къ дѣламъ уголовнымъ прямо указано на примѣненіе въ подлежащихъ случаяхъ дѣйствующихъ въ Имперіи уложенія о наказаніяхъ и устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями; что же касается дѣлъ гражданскихъ, то на примѣненіе къ нимъ общеперсикихъ гражданскихъ законовъ, содержащихся въ 1 ч. X т., не слѣдано никакого указанія, а поставлено лишь, что «дѣла по договорамъ, обязательствамъ и дру-

гимъ имущественнымъ распоряженіямъ и правоотношеніямъ, впредь до изданія особаго о семъ постановленія, подлежатъ разрѣшенію на основаніи законовъ, при соблюденіи коихъ они возникли» (II, п. 1), и оговорено, что «при ссылкѣ на статьи румынскихъ законовъ тяжущійся обязанъ представить переводъ ихъ на русскій языкъ» (п. 7). Изъ точнаго смысла приведеннаго о дѣлахъ гражданскихъ правила явствуетъ: 1) что общій вопросъ о примѣненіи къ новой территоріи русскихъ гражданскихъ законовъ оставленъ безъ разрѣшенія «впредь до изданія особаго о семъ постановленія», и 2) что вовсе не устранено дѣйствіе румынскихъ гражданскихъ законовъ, а напротивъ—они оставлены въ силѣ также впредь до изданія означеннаго постановленія. Оставленіе же въ силѣ законовъ, дѣйствовавшихъ въ данной территоріи до присоединенія ея къ Россіи, относится, очевидно, къ разряду изъятій, допущенныхъ волею самого правительства, и, слѣдовательно, подходитъ подъ тѣ общія указанія о законахъ мѣстныхъ, какія содержатся въ 47 и 48 ст.ст. зак. осн. Изложенныя соображенія приводятъ къ выводу, что въ присоединенной къ Россіи по берлинскому трактату части Бессарабіи должны почитаться оставленными въ силѣ дѣйствовавшія въ оной румынскія гражданскія узаконенія впредь до особаго по сему предмету распоряженія русскаго правительства».

Приведенное рѣшеніе сената, очевидно, должно было имѣть руководящее значеніе, такъ какъ оно разрѣшало прямо и положительно поставленный вопросъ о томъ, какіе гражданскіе законы должны примѣняться въ присоединенной территоріи. Если прежде мѣстный судъ иногда (хотя и рѣдко) примѣнялъ румынскіе законы, овъ при этомъ примѣненіи встрѣчался съ ограничительными разъясненіями правительствующаго сената. Теперь эти ограниченія отпали. Мѣстный судъ долженъ былъ принять къ руководству означенное рѣшеніе—1895 г. № 78.

Разсматривая послѣдующую кассационную практику, мы видимъ изъ рѣш. 1908 г. № 64, что истецъ ссылается на дѣйствіе въ измаильскомъ уѣздѣ румынскаго гражданскаго кодекса, а изъ рѣш. 1908 г. № 70, что измаильскій мировой съѣздъ примѣнилъ къ разрѣшенію вопроса румынскій законъ 1864 года. Хотя въ первомъ случаѣ ссылка истца не была уважена и румынскій кодексъ не былъ примѣненъ, но лишь потому, что правительствующій сенатъ призналъ, что на всю Бессарабію распространяется обще-русская давность. Во второмъ случаѣ, отмѣняя рѣшеніе съѣзда, правительствующій сенатъ хотя и замѣчаетъ между прочимъ, что въ воссоединенной части Бессарабіи дѣйствуютъ русскіе законы, но это сдѣланное между прочимъ замѣчаніе не можетъ быть разсматриваемо какъ измѣненіе практики сената и отмѣна рѣш. 1895 № 78, тѣмъ болѣе, что изъ этого замѣчанія не видно, относится ли оно къ публичному или частному праву. Въ конкретномъ же случаѣ вопросъ шель о правахъ священнослужителей измаильскаго уѣзда. А въ рѣшеніи гр. касс. д-та 1910 г. № 71, правительствующій сенатъ вновь

примѣняетъ къ измаильскому уѣзду нормы румынскаго права.

Руководящее значеніе за рѣшеніемъ 1895 г. № 78 признаютъ и представители науки, разсматривающіе румынское законодательство, какъ оставленное въ силѣ въ присоединенной по берлинскому трактату части Бессарабіи въ качествѣ мѣстнаго права¹⁾.

Но приведенная точка зрѣнія имѣла свое основаніе до измѣненія практики гр. касс. д-та въ 1912 г. Въ этомъ году состоялось (по докладу В. Л. Исаченко) рѣшеніе № 63, діаметрально противоположное рѣшенію 1895 г. № 78. Кишиневскій окружный судъ къ наслѣдованію послѣ жившаго и умершаго въ г. Рени измаильскаго уѣзда казака черниговской губ. примѣнилъ правила десятаго тома, а не румынскій кодексъ. Судебная палата, исходя изъ того соображенія, что наслѣдодатель не былъ мѣстнымъ уроженцемъ и не былъ приписанъ къ одному изъ сословій измаильскаго уѣзда, нашла, что наслѣдованіе въ оставшейся послѣ него движимости должно опредѣляться общеперскимъ правомъ, а въ недвижимости мѣстнымъ, т. е. румынскимъ (1279—1284 ст.ст. т. X, ч. 1). Но такъ какъ послѣ умершаго осталась только движимость, судебная палата рѣшеніе окружнаго суда утвердила. Правительствующій сенатъ также призналъ правильнымъ конкретное рѣшеніе судебной палаты. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сенатъ вошелъ и въ разсмотрѣніе общаго вопроса о дѣйстви румынскихъ законовъ въ присоединенной по берлинскому трактату части Бессарабіи и высказалъ слѣдующія соображенія. «Примѣненіе къ этой части Бессарабіи законовъ Румыніи, какъ это явствуетъ изъ буквальнаго смысла 1 п. правилъ, подлежащихъ соблюденію при разсмотрѣніи уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, возникшихъ при румынскомъ правительствѣ въ присоединенной къ Россіи по берлинскому трактату части Бессарабіи (собр. узак. 1879 г. № 11) и, какъ это подробно разъяснено правительствующимъ сенатомъ въ рѣшеніяхъ гражданскаго кассационнаго департамента 1880 г. № 119 и общ. собр. 1-го и касс. д-товъ 1893 г. № 38, можетъ быть допущено исключительно въ тѣхъ дѣлахъ, которыя возникли при дѣйстви тѣхъ законовъ, во всѣхъ же прочихъ случаяхъ, за отсутствіемъ указанія въ законахъ, на какое-либо исключеніе изъ общаго правила, всѣ споры о правѣ гражданскомъ, возникающіе въ названной мѣстности по присоединеніи ея къ Россіи, должны быть разрѣшаемы на основаніи общихъ законовъ Русскаго Имперіи. Хотя въ рѣшеніи гражд. касс. д-та 1895 года № 78 преподано разъясненіе, противное сему, но таковое, при новомъ обсужденіи того же вопроса, оказывается несогласнымъ съ истиннымъ смысломъ закона». Нигдѣ въ законѣ

¹⁾ Ср. проф. Гуляевъ, Русское гражданское право, изд. 3, стр. 8, прим. 5; проф. Кассо, Византийское право въ Бессарабіи, стр. 12; проф. Гордонъ, Уставъ гражданскаго судопроизводства, изд. 1911 г. ст. 707, § 6.

не содержится правила, что иностранные законы продолжают свое действие в присоединенной территории. «Напротив того, по силе 84 ст. законов основных, «Империя Российская управляется на твердых основаниях законов, изданных в установленном порядке». Посему, коль скоро та или другая территория, принадлежавшая прежде иностранному государству, стала частью Империи Российской, в ней не могут иметь действия какие бы то ни было законы, не изданные в установленном порядке. А так как, за исключением вышеприведенных правил 1879 г., никакого другого закона, подчиняющего присоединенную к России часть Бессарабии законам Румынии, в установленном порядке не было издано, то о действиях там каких бы то ни было законов, кроме общих законов Империи, не может быть и речи»¹⁾.

Выше мы рассмотрели значительное число решений высших судебных мест и правительствующего сената по вопросу о применении в измайльском уезде румынских гражданских законов и имели возможность убедиться, какая путаница существовала на практике, какие противоречивые решения выносили не только низшие судебные установления, но и правительствующий сенат, — что, без сомнения, вносило большую неустойчивость в гражданские отношения края. В рассмотренных решениях судебных мест можно различить три точки зрения относительно применения румынского законодательства: 1) румынское гражданское законодательство, впредь до отмены его действия положительным предписанием закона, является местным действующим правом новой Бессарабии (реш. гр. касс. д-та 1895/78 и отчасти 1883/40); 2) румынское законодательство, кроме тех случаев, где действие его оставлено специальным предписанием закона, применяется ко всем правоотношениям, возникшим до присоединения новой Бессарабии к России (гр. к. д. 1886 № 93 и отчасти общ. собр. 1893/38); 3) румынское законодательство, кроме установленных законом специальных исключений, применяется лишь к судебным делам, начавшимся до присоединения новой Бессарабии к России.

Для сравнительной оценки указанных взглядов, мы приходим к выводу, что наиболее правильным является среднее мнение. Два диаметрально противоположных взгляда по данному вопросу, высказанные в решениях гр. касс. д-та 1895 г. № 78 и 1912 г. № 63 страдают преувеличениями: первое решение, увлекаясь соображениями целесообразности, впадает в одну крайность, второе в увлечении юридическим формализмом в другую.

Соображения сената в реш. 1895 г. № 78 о том, что внезапная перемена в гражданском законодательстве может вызвать глубокие потрясения и даже замешательство в гражданских отношениях, весьма жизненны и справедливы. Однако, предотвращение подобных потрясений есть дело законодательной власти, а не судебной практики, в деятельности коей соображения целесообразности не

могут становиться в противоречие с разумом закона. Между тем, по основному началу международного права, государство, присоединяя часть чужой территории, приобретает по отношению к ней все права суверенитета и, следовательно, подчиняет присоединенную территорию действию своих законов, своей юрисдикции¹⁾. Последний принцип и выражен в ст. 84 (47) зак. осн. Но по тем или другим соображениям государственная власть нередко оставляет во вновь приобретенной территории действие прежнего гражданского (и частью публичного) права, что и имеет у нас место, напр., в старой Бессарабии, Финляндии, Польше, Остзейских губерниях. Однако, подобное исключение должно быть положительно выражено в законе, как это и выражено относительно указанных местностей. Относительно же новой Бессарабии положительного постановления закона об оставлении в силе всего румынского законодательства нет, а есть только отдельные исключения (касающиеся опеки, деятельности коммунальных учреждений). Подобным общим постановлением по их прямому содержанию нельзя считать и правила 24 января 1879 г. Таким образом, юридическая логика в этом вопросе в сторону последнего решения сената.

Но это решение, не считаясь совершенно с соображениями целесообразности, в своем увлечении юридическим формализмом грозит превратить *summa jus* в *summa injuria*. Основываясь на буквальном толковании правил 24 янв. 1879 г., сенат говорит: применение к присоединенной части Бессарабии законов Румынии может быть допущено исключительно в тех делах, которые возникли при действии румынских законов; во всех же прочих случаях все споры о правах гражданском, возникшие в названной местности по присоединении ее к России, должны быть разрешаемы на основании общих законов российской империи. Это утверждение сената логически и юридически неправильно. Неправильно оно потому, что сенат правила 24 янв. 1879 г. в их второй (гражданской) части считает также исключением из общего положения, содержащегося в ст. 84 зак. осн.²⁾ На самом же деле, второй отдел правил 24 янв. 1879 г. содержит не «исключение из действия» ст. 84, а частное применение другого общего принципа, о котором сенат в настоящем решении совершенно забыл. Этот принцип выражается в том, что все гражданские правоотношения, возникшие при действии известных гражданских законов, не утрачивают своей силы и значения при переходе территории в состав другого государства, под действием других гражданских законов, а возникающие отсюда конфликты разрешаются по началам частного между-

¹⁾ Ср. Мартенс, Современное международное право цивилизованных народов, т. 1, §§ 69, 75, изд. 1898 г.

²⁾ В первой части, «по делам уголовным», они, действительно, представляют исключение, распространяемое на преступления и проступки, совершенные во время принадлежности края к Румынии, действие русских уголовных законов.

¹⁾ Курсив везде правит. сената.

народнаго права¹⁾. Принципъ этотъ стоитъ внѣ спора, въ частности признанъ и правительствующимъ сенатомъ, который въ рѣшеніи по гражд. касс. д-ту 1895 г. № 7 говоритъ: «по коренному началу междунаго права, въ случаѣ отчужденія части государственной территоріи отъ одного государства въ пользу другого, имущественныя права подданныхъ, населяющихъ отчужденную часть территоріи, остаются непоколебимыми, и всѣ таковыя права, пріобрѣтеныя при прежнемъ правительствѣ и этимъ послѣднимъ санкціонированныя, остаются въ томъ видѣ, въ какомъ они пріобрѣтены и утверждены». Слѣдовательно, при обсужденіи всѣхъ гражданскихъ правоотношеній (а не только дѣлъ), возникшихъ до присоединенія новой Бессарабіи къ Россіи, наши судебныя учрежденія должны руководствоваться румынскими законами,—что подтверждается и предписаніями дѣйствующаго законодательства (напр. ср. 464 и 707 ст.ст. уст. гр. суд. и др. узак.). Конечно, законодатель можетъ въ отступленіе отъ указанного общаго начала междунаго права призвать въ присоединенной территоріи тѣ или другія уже возникшія юридическія отношенія (пріобрѣтеныя права) не дѣйствительными, но подобная воля законодателя должна быть выражена въ законѣ положительно, такъ какъ она въ этомъ случаѣ представляетъ отступленіе (исключеніе) отъ основныхъ началъ междунаго права и постановленій дѣйствующаго законодательства²⁾. Правила 24 января 1879 г. говорятъ лишь о дѣлахъ, возникшихъ при румынскомъ правительствѣ, регулируютъ ихъ направленіе и завершеніе, но совершенно умалчиваютъ вообще о юридическихъ правоотношеніяхъ, возникшихъ до 9 окт. 1879 г. Дѣлать же безъ положительнаго постановленія закона, а лишь на основаніи умолчанія его, а соплагіо выводы о волѣ законодателя въ данномъ вопросѣ, по указаннымъ соображеніямъ, недопустимо. И мы видимъ, что правительствующій сенатъ въ рѣш. гр. касс. д-та 1886 г. № 93 рассматриваетъ юридическія правоотношенія, возникшія при румынскомъ правительствѣ, по румынскимъ законамъ; тотъ же взглядъ замѣтенъ и въ рѣшеніи общ. собр. сената 1893 г. № 38. Этотъ взглядъ, безъ сомнѣнія, и представляется наиболѣе правильнымъ.

Такимъ образомъ, на территоріи новой Бессарабіи румынскіе гражданскіе законы должны быть примѣняемы, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда ихъ дѣйствіе оставлено въ силѣ положительнымъ предписаніемъ нашего законодательства, также и ко всѣмъ не только судебнымъ дѣламъ, но вообще гражданскимъ правоотношеніямъ, возникшимъ до 9 окт. 1879 г.³⁾

¹⁾ О нормахъ частнаго междунаго права ср. ст.ст. 914, 1077, 1279—1295 т. X ч. 1, 464, 707 уст. гр. суд. и иѣк. др.; Мартенсъ, ук. соч., т. II, §§ 65—83; Гамбаровъ, Курсъ гражд. права, I, стр. 288—315.

²⁾ Ср., напр., п.п. 2 и 3 закона 12 марта 1888 г., п. с. з. № 5061. Здѣсь законодатель объявляетъ, что гражданскіе браки, совершенные въ присоединенной по берлинскому трактату части Бессарабіи дѣйствительны лишь по день обнародованія настоящаго закона, для приданія же имъ силы на будущее время необходимо совершить обрядъ вѣчанія по правиламъ церкви.

³⁾ Единственное исключеніе—вышеприведенный законъ 12 марта 1888 г.

Слѣдовательно, если происходитъ утвержденіе въ правахъ наслѣдства къ имуществу лица, умершаго до присоединенія новой Бессарабіи къ Россіи, если права сторовъ основываются на документахъ, актахъ, договорахъ и соглашеніяхъ и т. д., возникшихъ до 9 окт. 1879 г., всѣ эти правоотношенія должны обсуждаться на основаніи румынскихъ законовъ, причемъ договоры и акты не только съ формальной стороны (какъ полагаетъ сенатъ въ рѣш. гр. касс. д-та 1880 г., № 119), но и по своему матеріальному содержанию.

Приведенное разъясненіе не должно быть упускаемо изъ виду при руководствѣ рѣшеніемъ 1912 г. № 63. Но въ основѣ своей это рѣшеніе остается правильнымъ. Вслѣдствіе ошибочнаго истолкованія закона, румынское законодательство въ его цѣломъ было признано у насъ дѣйствующимъ правомъ новой Бессарабіи, по недоразумѣнію считалось оно мѣстнымъ правомъ данной территоріи. Со времени распулканія рѣшенія гр. касс. д-та 1912 г. № 63 этому недоразумѣнію положенъ конецъ. Въ присоединенной по берлинскому трактату части Бессарабіи восстановлено примѣненіе общихъ законовъ Имперіи, какъ дѣйствующаго права. Постановленія же румынскихъ законовъ остаются въ нѣкоторыхъ случаяхъ по волѣ законодателя въ силѣ въ видѣ исключеній, помѣщенныхъ въ соответствующихъ мѣстахъ свода законовъ, подобно тому, какъ послѣ упраздненія въ 1859 г. дѣйствія мѣстнаго законодательства Грузіи, Имеретіи, Гуріи (законовъ царя Вахтанга и пр.), нѣкоторыя постановленія этого законодательства были оставлены въ силѣ и вошли въ сводъ законовъ.

В. А. Рязановскій.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ правительствующему сенату.

На основаніи статьи 99 основныхъ государственныхъ законовъ, повелѣваемъ: занятія государственнаго совѣта прервать съ 30 іюня сего года, назначивъ срокомъ ихъ возобновленія 1 ноября 1914 года.

Правительствующій сенатъ не оставитъ къ исполненію сего учинить надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„НИКОЛАЙ“

Въ Царскомъ Селѣ,
11 іюня 1914 г.

Скрѣпилъ: Предсѣдатель совѣта министровъ,
статсъ-секретарь Горемыкинъ.

Собраніе узаконеній и распоряженій правительства.

№ 144 отъ 27 іюня 1914 г.

Ст. 1597. О продажѣ городу Москвѣ участка казенной земли подъ названіемъ „Ангенофская роща“.

Ст. 1598. Объ установленіи положенія о страхованіи доходовъ и капиталовъ въ государственныхъ сберегательныхъ кассахъ.

Ст. 1599. Объ установленіи по границѣ туркестан-

скаго и степного генераль-губернаторствъ, а также томской и енисейской губерний, съ Китаемъ и Монголією безпошлиннаго пропуска произведеній китайской и монгольской почвы и промышленности.

Ст. 1600. Обь обложении таможенными пошлинами хлебныхъ продуктовъ, привозимыхъ изъ-за границы въ Великое Княжество Финляндское.

Ст. 1601. О пониженіи русской транзитной посылной платы въ телеграфныхъ сношеніяхъ Монголіи со станціями китайской восточной желѣзной дороги и въ таковыхъ же сношеніяхъ монгольскихъ провинцій между собою транзитомъ черезъ Россію.

Ст. 1602. О пониженіи русской оконечной посылной платы при передачѣ по кабелю Одесса—Константинополь телеграммъ, написанныхъ на русскомъ и турецкомъ языкахъ русскими или турецкими буквами.

Ст. 1603. Обь обращении слободы Покровской, новозуевского уѣзда, самарской губерніи, въ безуздный городъ съ введеніемъ въ немъ городского общественнаго управления на началахъ городского положенія 1892 года.

Ст. 1604. Обь утвержденіи описанія монеты рублевого достоинства, отчеканенной въ память 200-лѣтняго юбилея гангутской побѣды.

Ст. 1605. О срокъ введенія въ дѣйствіе закона объ установленіи положенія о с.-петербургской и московской ссудныхъ казнахъ и распisanія должностей по сямъ учрежденіямъ.

Ст. 1606. Обь увеличеніи сроковъ доставки грузовъ малой скорости, адресованныхъ въ частные склады при путяхъ станцій Одесса-Застава, Одесса-Пересынь, Таганрогъ-Портъ и Мариуполь-Портъ.

№ 145 отъ 27 іюня 1914 г.

Ст. 1607. О вознагражденіи за землю, отчужденную изъ владѣнія общества крестьянъ села Песчаного, мелитопольскаго уѣзда, таврической губерніи, а также крестьянъ Степана Симоненки и другихъ подь устройство городского кладбища.

Ст. 1608. О предоставленіи правъ и преимуществъ государственной службы должности надзирателя пестриковского уѣзднаго училища для учениковъ калужскихъ техническихъ желѣзнодорожныхъ и реальнаго училищъ.

Ст. 1609. О разсрочкѣ числящихся за городомъ Вологдою недоимокъ пособій казнѣ въ суммѣ 20.120 рублей 06 коп.

Ст. 1610. О разсрочкѣ числящихся за гор. Троицкосавскомъ недоимокъ казнѣ въ суммѣ 28.758 руб. 38 коп.

Ст. 1611. О разрѣшеніи городу Нижнему-Новгороду выпуска облигаціоннаго займа въ 1.180.000 р. нарицательныхъ.

Ст. 1612. О разрѣшеніи городу Нижнему-Новгороду выпуска облигаціоннаго займа въ 2.000.000 рублей нарицательныхъ.

Ст. 1613. О перечисленіи деревень Вязь I и II изъ рѣдвинской волости, ямбургскаго уѣзда с.-петербургской губерніи, въ красногорскую волость, лужскаго уѣзда той же губерніи.

Ст. 1614. О разрѣшеніи городу Архангельску выпуска облигаціоннаго займа въ 3.000.000 рублей нарицательныхъ.

Ст. 1615. О разсрочкѣ числящихся за гор. Кутаисомъ недоимокъ пособій казнѣ въ суммѣ 93.840 р. 77 к.

Ст. 1616. Обь исключеніи посада Солцы, исковской губерніи, изъ распisanія городскихъ поселеній съ упрощеннымъ общественнымъ управленіемъ и о примѣненіи къ нему правилъ городского положенія 1892 г. въ полномъ объемѣ, съ переименованіемъ въ городъ.

Ст. 1617. О разрѣшеніи гор. Ростову на Дону выпуска облигаціоннаго займа въ 18.500.000 руб. нарицательныхъ.

Ст. 1618. О принятіи подь Августѣйшее Покровительство Его Императорскаго Величества всероссийскаго общества попеченія объ оставшихъ потерявшихъ трудоспособность военныхъ нижнихъ чинахъ и о назначеніи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя

Николая Николаевича почетнымъ предсѣдателемъ сего общества.

Ст. 1619. О принятіи Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Александромъ Михайловичемъ званія почетнаго члена тульской губернской архивной комиссіи.

Ст. 1620. О принятіи званія почетнаго члена состоящаго подь Августѣйшимъ Покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Петра Николаевича знаменскаго братства для ближняго—Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, Великими Князнями Анастасіи Николаевной и Милицею Николаевной, Княземъ Романомъ Петровичемъ, Князнями Маринною Петровною, Надеждою Петровною и Еленою Георгиевною Романовскою, Герцогинею Лейхтенбергскою.

Ст. 1621. О помѣшеніи изображенія Его Императорскаго Величества и Царя Михаила Феодоровича на медали Императорскаго российскаго общества садоводства.

Ст. 1622. О принятіи Его Высочествомъ Принцемъ Петромъ Александровичемъ Ольденбургскимъ предсѣдательства въ березовскомъ обществѣ сельскаго хозяйства воронежской губерніи.

Ст. 1623. О принятіи Его Высочествомъ Принцемъ Петромъ Александровичемъ Ольденбургскимъ званія почетнаго предсѣдателя совѣта казенной каменно-степной сельскохозяйственной опытной станціи, имени профессора В. В. Докучаева, въ воронежской губерніи.

Ст. 1624. О сосредоточеніи опекунскихъ дѣлъ въ раздѣляемой бронниковой дворянской опеки въ московской дворянской опекѣ.

Ст. 1625. Обь установленіи основаній для исчисленія размѣра страховыхъ взносовъ одесскаго товарищества для страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ.

Ст. 1626. О дополненіи списковъ акціонерныхъ банковъ коммерческаго кредита, во вклады и на текущіе счета которыхъ могутъ быть помѣщаемы не предназначенныя для безотлагательныхъ текущихъ расходовъ средства страховыхъ товариществъ, кромѣ средствъ пенсіоннаго фонда, а также средства больничныхъ кассъ.

№ 146 отъ 28 іюня 1914 г.

Ст. 1627. Обь учрежденіи ялтинскаго градоначальства.

Ст. 1628. Обь открытіи двухъ землемѣрныхъ училищъ.

№ 147 отъ 28 іюня 1914 г.

Ст. 1629. Обь увеличеніи содержанія нѣкоторымъ чинамъ канцелярій департаментовъ правительствующаго сената и состоящаго при немъ хозяйственнаго комитета, а также чинамъ смотрительской части сенатскаго здания и причту церкви правительствующаго сената.

Ст. 1630. Обь обнародованіи новыхъ изданій, входящихъ въ составъ 2 части XI тома свода законовъ Российской Имперіи, уставовъ: о промышленности фабрично-заводской и ремесленной и о промышленномъ трудѣ, очереднаго продолженія къ своду законовъ российской Имперіи въ составъ котораго включены узаконенія о поземельномъ устройствѣ крестьянъ губерній Царства Польскаго, и очереднаго продолженія къ своду гражданскихъ узаконеній губерній прибалтійскихъ, съ присвоеніемъ сямъ изданіямъ и продолженіямъ наименованій: „Уставъ о промышленности фабрично-заводской и ремесленной, изданія 1913 года“, „Уставъ о промышленномъ трудѣ, изданія 1913 года“ и „Продолженія 1913 года“.

№ 148 отъ 30 іюня 1914 г.

Ст. 1631. О перерывѣ занятій государственнаго совѣта.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

Прав. сенатъ.

Засѣданіе гражд. касс. департамента
30 апрѣля.

III.

Подлежатъ ли описи и продажѣ съ публичнаго торга, какъ движимость, фабричныя корпуса, построенныя на чужой землѣ?

(Рѣш. гр. касс. д-та 1908 г. № 68, общ. собр. 1881-г. № 47).

Въ жалобѣ, поданной въ московскій окр. судъ, правленіе товар. „И. и М. Василія Моргунова Сын.“ изложило, что по исполнительнымъ листамъ коммерческаго суда, перешедшимъ по передаточнымъ надписямъ къ Д. Коновалову, судебный приставъ обратилъ взысканіе на фабрику означеннаго товарищества и назначилъ опись таковой, неправильно считая фабрику имуществомъ движимымъ. Между тѣмъ, за сіюю 384 ст. X т. 1 ч. фабрика суть имущества недвижимыя, а посему должнику долженъ быть предоставленъ двухмѣсячный срокъ на добровольное исполненіе рѣшеній, приводимыхъ въ исполненіе. Въ виду этого правленіе просило окр. судъ признать дѣйствія судебного пристава неправильными. Окр. судъ жалобу оставилъ безъ послѣдствій, найдя, что при разрѣшеніи вопроса о томъ, слѣдуетъ ли считать описанное имущество недвижимымъ или движимымъ, необходимо имѣть въ виду, что описанныя строенія возведены на заарендованной землѣ, и что они были назначены въ продажу на сломъ и сносъ; что сенатъ въ рѣшеніяхъ своихъ (1881 г. № 113, 1879 г. № 226 и др.) установилъ такое положеніе, что тѣ строенія, которыя предназначены на сломъ безъ права на обладаніе строениями неразрѣдно съ землею, относятся къ имуществамъ движимымъ. Суд. палата утвердила опредѣленіе окр. суда, по слѣдующимъ соображеніямъ. Согласно 384 ст. X т. 1 ч. и неоднократнымъ разъясненіямъ сената, право собственности на постройки можетъ быть отдѣлено отъ права собственности на землю, на которой онѣ возведены; въ частности, такое отдѣленіе можетъ имѣть мѣсто въ томъ случаѣ, когда къ-мѣ-либо возведены строенія, заводъ или фабрика на чужой землѣ, взятой въ аренду на опредѣленный срокъ, причемъ возведенія строенія, имѣя на нихъ право собственности, сохраняютъ на землю лишь временное право пользованія, а самыя строенія, заводъ или фабрика, должны почитаться имуществомъ движимымъ, въ виду чего, напримѣръ, передача права собственности на такія постройки другому лицу влечетъ съ правомъ пользованія землею не составляетъ перемѣны крѣпостного владѣнія и не требуетъ посему совершенія крѣпостного акта (рѣш. 1894 г. № 76 и 1901 г. № 6). Какъ видно изъ дѣла, фабрика товарищества И. и М. Василія Моргунова Сын. до 28 іюня 1911 г. находилась на землѣ общества крестьянъ села Озеръ, а съ 28 іюня 1911 г. земля подъ фабрикой, по приговору названнаго общества, перешла во владѣніе Владиміра Михайловича Моргунова. Отсюда слѣдуетъ, что указанная фабрика, какъ находящаяся на чужой землѣ, должна быть признана движимымъ имуществомъ, а потому несоблюденіе судебнымъ приставомъ 1095 ст. уст. гр. суд. при обращеніи на эту фабрику, взысканія не можетъ быть признано правильнымъ.

Въ касс. жалобѣ повѣренный товар. мануфактуръ И. и М. Василія Моргунова Сын., прис. пов. Левашкевичъ, которую поддерживалъ прис. пов. Гомоліцкій, указавъ, что суд. палата ссылаясь въ своемъ опредѣленіи на рѣшенія сената (рѣш. 1901 г. № 6 и 1894 г. № 76), приходитъ къ тому выводу, что фабрика товар. мануфактуръ И. и М. Василія Моргунова Сын. является имуществомъ движимымъ, такъ какъ товар. не представляя доказательствъ принадлежности ему находящейся подъ этой фабрикой земли, а Эмма Урбанъ установила, что до 28 іюня 1911 г. земля подъ фабрикой принадлежала обществу крестьянъ села Озеръ, а съ

28 іюня 1911 г. она по приговору названнаго общества стала собственностью Владиміра Михайловича Моргунова. Если согласиться даже съ тѣмъ, что принадлежность состоящей подъ фабрикой товар. земли Владиміру Моргунову представленными къ дѣлу документами установлена, то и въ этомъ случаѣ спорный вопросъ получилъ неправильное разрѣшеніе. Въ текстѣ ст. 384 т. X ч. 1 ясно и опредѣленно сказано, что фабрики и заводы суть имущества недвижимыя. Въ текстѣ ст. 388 т. X ч. 1 также опредѣленно и ясно сказано, что земля суть принадлежности фабрикъ и заводовъ, а не наоборотъ. Такимъ образомъ, центръ тяжести въ возбужденномъ спорѣ заключается не въ томъ, кому принадлежатъ земля, а въ самомъ свойствѣ имущества, на которое было обращено взысканіе. Изъ обстоятельствъ дѣла видно, что взысканіе Эммой Урбанъ было обращено на фабрику, вполне оборудованную и находящуюся въ дѣйстви, что, какъ таковая, она не представляла изъ себя груды разрозненныхъ матеріаловъ, а посему судебная палата при наличности такихъ данныхъ не могла признать ее имуществомъ движимымъ. По отношенію даже къ обыкновеннымъ строениямъ сенатъ въ своихъ рѣшеніяхъ (р. 1881 г. № 113, 1878 г. № 216) признавалъ, что „строеніе, хотя бы оно и предназначалось къ сносу, но еще прикрѣпленное къ землѣ и стоящее въ томъ видѣ, который соответствуетъ понятію цѣлаго строенія, не приведенное въ состояніе груды матеріаловъ, составляетъ имущество недвижимое“. Тѣмъ болѣе такая точка зрѣнія примѣнима къ фабрикамъ и заводамъ, составлявшимъ всегда предметъ особаго вниманія законодателя въ дѣлахъ развитія отечественной промышленности. Еще до обращенія взысканія на фабрику товарищества Эммой Урбанъ она была описана по предписанію московскаго губернскаго правленія и, притомъ, какъ имущество движимое. Какъ движимое имущество, эта фабрика была навѣчена и въ продажу, но на опредѣленіе общаго присутствія московскихъ губернскихъ установлений, коимъ фабрика товарищества была признана имуществомъ движимымъ, была принесена жалоба въ сенатъ, и сенатъ по 1-му департаменту признавалъ ее имуществомъ недвижимымъ, что видно изъ имѣющагося въ настоящемъ дѣлѣ указа правительствующаго сената.

Тов. оберъ-прокурора А. Москалевъ полагалъ касс. жалобу по соображеніямъ, приведеннымъ въ рѣшеніи суд. палаты, оставить безъ послѣдствій.

Касс. жалоба оставлена безъ послѣдствій.

IV.

Въ случаѣ признанія судомъ, — по иску потерпѣлаго увѣче рабочаго завода морского вѣдомства о назначеніи ему пенсій въ размѣрѣ болѣе, чѣмъ опредѣлено особымъ присутствіемъ (ст. 7 прил. къ 156²² ст. уст. пром. по прод. 1906 г.), — то пенсія причитается иску въ размѣрѣ даже меньшемъ противъ опредѣленнаго присутствіемъ, — долженъ ли судъ постановить рѣшеніе о частичномъ присужденіи иска или объ отказѣ въ таковомъ (ст. 1 прил. къ 156²³ ст. уст. пром., ст. 45 прил. къ ст. 156²⁰, ср. 34 и 40 ст. прил. къ 156¹⁰ ст. уст. пром.)?

По иску С. Фролова къ балтійскому судостроительному и механическому заводу о вознагражденіи за увѣче — окр. судъ напелъ: 1) что при произведенномъ судебно-медицинскомъ освидѣтельствованіи испитыми врачами-экспертами трудоспособности его признана пониженной на 20% въ зависимости отъ несчастнаго случая; 2) что опредѣленная къ выдѣлѣ постановленіемъ отвѣтчика пенсія въ 166 р. 14 к. превышаетъ тотъ размѣръ пенсій, какой ему могъ быть опредѣленъ, и при доказанномъ заработкѣ въ 891 р. 41 к. и при пониженіи трудоспособности на 20%, пенсія могла быть назначена лишь въ суммѣ 118 р. 86 к. въ годъ, а потому истецъ не въ правѣ домогаться увеличенія ему пенсій. По этимъ соображеніямъ окр. судъ въ искѣ отказалъ. Суд. палата рѣшеніе окр. суд. утвердила.

Въ касс. жалобѣ повѣренный Фролова, прис. пов. Тимофеевъ указавъ, что окр. судъ и суд. палата признали, что искъ Фролова подлежитъ бы удовлетворенію въ суммѣ 118 р. 86 к. въ годъ, но все-таки въ искѣ

Фролову отказали на том основании, что назначенная заводом пенсия превышает ту, которая могла бы быть присуждена судом. В этом нельзя не усмотреть нарушения 1 ст. уст. гр. суд. В рѣш. 1879 г. № 315, сенатъ установилъ, что предъявление иска имѣетъ своею цѣлью достигнуть признанія подлежащимъ органомъ власти того права, которое истецъ считаетъ ему принадлежащимъ, и признаніе ответчикомъ права истца до судебного разбирательства лишь составляетъ одно изъ судебныхъ доказательствъ. Но можно ли считать признаніемъ назначеніе пенсiei заводомъ въ порядкѣ предусмотрѣнномъ закономъ 6 марта 1906 г.? Конечно, нельзя, — иначе судъ не производилъ бы повѣрочныхъ дѣйствій, а въ случаѣ даже производства таковыхъ, все-таки не могъ бы присудить менѣе, чѣмъ было предложено заводомъ, между тѣмъ суд. палата въ своемъ рѣшеніи устанавливаетъ, что истцу можно было бы присудить 118 рублей, — то есть менѣе пенсiei, назначенной заводомъ. Нигдѣ въ законѣ 6 марта нѣтъ указаній на то, что судъ въ случаѣ, если выяснится по суду, что пенсия должна быть назначена въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ назначено заводомъ, отклонить искъ въ полномъ размѣрѣ, а разъ такихъ указаній нѣтъ, то должны примѣняться общія нормы, изложенныя въ уст. гр. суд. Фактически Фроловъ никакому пенсiei послѣ отказа ему въ искѣ не получаетъ, такъ какъ заводъ отказывается ее ему уплачивать. Неправильно также и соображеніе суд. палаты о томъ, что требованіе истца о новой экспертизѣ въ виду ухудшенія здоровья не подлежитъ удовлетворенію за силой 706 ст. уст. гр. суд. Не допускается увеличеніе исковыхъ требованій въ смыслѣ увеличенія требуемой суммы, но если истецъ во второй инстанціи докажетъ свой искъ въ большемъ объемѣ, чѣмъ это было возможно въ первой инстанціи, то удовлетвореніе части иска въ большемъ объемѣ не будетъ нарушеніемъ 706 ст.

Касс. жалоба оставлена безъ послѣдствій.

С-Петербургскій окружной судъ.

(Дѣло 25 с.-петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ)

(Продолженіе) 1).

Свид. прис. пов. А. С. Зарудный. — Въ октябрѣ 1913 г., въ одинъ изъ послѣднихъ дней слушанія дѣла Бейлиса, защитникамъ была получена, въ числѣ сотенъ другихъ телеграммъ, которыя мы получали за время слушанія этого дѣла, телеграмма общаго собранія петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ. Въ этой телеграммѣ выразилось сочувствіе защитѣ, принявшей участіе въ отстаиваніи началъ права и справедливости, въ борьбѣ съ условіями, вредными культурѣ и процвѣтанію Россіи. Таковъ былъ смыслъ телеграммы. Телеграмма эта осталась у защитниковъ, и никѣмъ изъ нихъ содержаніе ея не было передаваемо газетнымъ сотрудникамъ. Убитію Андрея Ющинскаго совершенно было въ мартѣ 1911 г. Дѣло въ первой стадіи предварительнаго слѣдствія было закончено въ январѣ 1912 г. Затѣмъ былъ составленъ обвинительный актъ, и дѣло уже поступило въ судебную палату. И послѣ этого было представлено прокуроромъ суда дознаніе о новыхъ обнаруженныхъ по этому дѣлу обстоятельствахъ, заключавшихъ въ себѣ указаніе на другихъ виновниковъ преступленія, а не Бейлиса. Нѣсколькими днями, — насколько я помню, — раньше этого представленія прокурора въ судъ поступило и прошеніе защиты, ходатайствовавшей о дослѣдованіи въ виду новыхъ обстоятельствъ. Послѣ этого дѣло было обращено къ дослѣдованію. Товарищъ прокурора петербургской судебной палаты Вишеръ былъ назначенъ обвинителемъ по дѣлу послѣ дослѣдованія, уже послѣ составленія второго обвинительнаго акта. Впрочемъ, можетъ быть, я

и ошибаюсь. Я мало интересовался производствомъ суда въ этой стадіи. Но я вспоминаю мой личный разговоръ съ Вишеромъ, и это заставляетъ меня вспомнить, что онъ былъ назначенъ и при первомъ слушаніи дѣла. Вишеръ, я вспоминаю, рассказывалъ даже лицамъ, осведомленнымъ въ этомъ, почему назначили именно его. Онъ былъ назначенъ обвинителемъ по дѣлу еще тогда, когда въ обвинительномъ актѣ содержался лишь намекъ на ритуальный мотивъ. Что касается общихъ собраній присяжныхъ повѣренныхъ, то я знаю много случаевъ, что въ общихъ собраніяхъ присяжныхъ повѣренныхъ разрешались вопросы, не поставленные на повѣстку. Если вы меня спрашиваете не только о томъ, что было въ моемъ личномъ присутствіи, но что было вообще, то я могу сказать, что такихъ случаевъ было очень много. Я это хорошо знаю, потому что я посвятилъ полъ-года изученію протоколовъ общихъ собраній петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, привелъ эти протоколы въ болѣе или менѣе возможный для чтенія видъ, сънялъ съ нихъ копии, сдѣлалъ изъ этого толстый томъ, который я представилъ въ бібліотеку совѣта, такъ что я, можетъ быть, первый, кто сдѣлалъ это дѣло, прочелъ протоколы общихъ собраній за все время ихъ существованія. И я удивляюсь, что много очень важныхъ въ нашей сословной жизни и этическихъ правилъ и установленій было создано въ общихъ собраніяхъ, когда эти вопросы не были включены въ повѣстку и, все-таки, обсуждались. Были случаи такого предложенія къ обсужденію въ повѣстки вопросовъ, которое исходило отъ Д. В. Стасова, отъ Базунова, отъ М. В. Каплана. Я долженъ сказать, что въ одинъ изъ этихъ протоколовъ общаго собранія занесена рѣчь М. В. Каплана о томъ, что вовсе нѣтъ необходимости предварительно вносить вопросы на повѣстку, и что были прецеденты того, что и безъ внесенія на повѣстку вопросы разсматривались. Достаточно вамъ сказать, что самый основной законъ наказа, мысль о созданіи его и постановленія его были сдѣланы въ общемъ собраніи безъ предложенія этого вопроса на повѣстку. Было постановлено, противъ мнѣнія совѣта, выдать такой наказъ. Было очень много случаевъ, когда вопросы не сословнаго характера, а чисто общественные, проходили на собраніяхъ безъ постановки на повѣстку этихъ вопросовъ. За 50 лѣтъ петербургской адвокатуры мы, конечно, принимали участіе въ общественной и интеллектуальной жизни нашей родины: мы отзывались и на несчастья страны, какъ, напр., войны, голодъ, и на торжества страны; и на чествованіе памяти Государя и на литературныя торжества и юбилеи. По условіямъ созыва наши общія собранія — громоздкая машина: для созыва общаго собранія требуются мѣсяцы, надо рассылать повѣстки во всѣ города, не только въ Петербургъ. По условіямъ созыва собранія, невозможно было бы какое участіе въ нашей сословной жизни, какъ дѣлаю, какъ общественной единицы, невозможно было бы участіе и въ общественной жизни, если бы нужно было требовать предварительнаго оповѣщенія, — это значило бы откладывать вопросы на нѣсколько мѣсяцевъ. Не говоря уже о томъ, что такія выраженія чувствъ были и со стороны совѣта, такіе протесты постоянно дѣлались, дѣлаются и будутъ дѣлаться до тѣхъ поръ, пока существуетъ сословное управленіе адвокатуры. Весьма часто имѣли мѣсто случаи разсылки неофициальныхъ повѣстокъ отъ имени отдельныхъ группъ товарищей, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы тотъ или иной вопросъ былъ бы разрешенъ возможно большимъ числомъ лицъ. И эти случаи доказываютъ уваженіе къ сословию со стороны тѣхъ лицъ, которыя обращаются къ большинству сословія, и желаніе ихъ представить разрешеніе того вопроса, который возбуждается, не какому-нибудь кружку, не какой-нибудь партіи, а большинству сословія. Если бы какая-нибудь партія или фракція захотѣла бы сдѣлать то, что ей было угодно, она собралась бы нѣсколько десятковъ членовъ и сдѣлала бы то, что хочетъ. Если же они разсматриваютъ повѣстки всѣмъ присяжнымъ повѣреннымъ, безъ различія направленія, то ясно, что они желаютъ, чтобы видно было ясное мнѣніе всего сословія, а не какого-нибудь

1) См. „Право“, №№ 23 и 26.

отдельного **течения** или отдельных лиц. Были в жизни сословия и такие случаи, когда по поводу постановки какого-нибудь дела общими собраниями выносились резолюции протеста еще до решения вопроса судом. На моей памяти было несколько таких случаев, в которых принимал участие и советъ, и именно по его инициативѣ, и советъ притомъ получалъ благодарность. Но и до меня, даже в классическое время русской адвокатуры, в 70-хъ годахъ, и тогда бывали такие случаи. Если бы мнѣ разрешили, я бы называлъ. Почти во всѣхъ такихъ случаяхъ были и обращения къ власти, потому что, когда я говорю о дѣйствіяхъ общихъ собраний присяжныхъ повѣренныхъ, какъ сословія, я говорю о дѣйствіяхъ легальныхъ, потому что нелегальные дѣйствія мнѣ неизвѣстны, какъ дѣйствія цѣлаго сословія и общихъ собраний. И въ такихъ случаяхъ постоянно были ответы отъ власти и отъ министерствъ. Телеграммы и привѣтствія во время слушанія дѣла Бейлиса мы, защитники, получали не только отъ адвокатовъ. Мы получали привѣтствія отъ всѣхъ тѣхъ, кто протестовалъ противъ того дѣла, въ которомъ мы защищали, а таковыхъ было, по моему, большинство русскаго общества. Мы получали отъ сановниковъ, я лично получалъ отъ членовъ гос. думы,—даже отъ правыхъ членовъ гос. совета я лично получалъ, но отъ адвокатуры телеграмма петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ была, если не ошибаюсь, послѣдняя. Раньше ея мы получили телеграммы отъ адвокатуры многихъ другихъ городовъ, и некоторые изъ нихъ начинались,—по крайней мѣрѣ, одна, это я навѣрное помню,—выраженіями: „Собравшіеся на общемъ собраніи присяжные повѣренные шлютъ...“ Такая телеграмма была получена еще до петербургской телеграммы. И въ этой телеграммѣ выражение протеста по дѣлу Бейлиса было, по моему мнѣнію, болѣе сильное и болѣе рѣзкое. Изъ Петербурга защитники получили отъ адвокатуры телеграмму и до 23 октября. Эта телеграмма, призывавшая насъ къ борьбѣ за культуру, право и просвѣщеніе,—что-то въ этомъ родѣ,—и за свободу, подписанная Стасовыми, какъ потомъ оказалось, была послана собраніемъ около 200 присяжныхъ повѣренныхъ, въ которомъ участвовали и М. В. Капланъ и другіе. Позвольте доложить объ одномъ фактѣ, который характеризуетъ отношеніе къ настоящему дѣлу и къ этой резолюции со стороны наиболее старыхъ и наиболее уважаемыхъ членовъ нашего сословія. Послѣ дѣла Бейлиса былъ обѣдъ по поводу чествованія Д. В. Стасова, къ тому времени уже ушедшаго изъ предсѣдательствъ совета, потому что онъ отслужилъ опредѣленный нашими правилами срокъ. Советъ чествовалъ его обѣдомъ, на который были приглашены старѣйшины, т. е. нынѣшніе и бывшіе члены совета. И я былъ, какъ бывшій членъ совета. На этомъ обѣдѣ говорилъ кто-то изъ трехъ самыхъ старыхъ столповъ нашей адвокатуры,—Потѣхинъ, Люстихъ или Дорнъ, а впрочемъ, кажется, говорили всѣ эти три лица, но первый сказалъ Потѣхинъ, обращаясь къ Перверзеву. Онъ привѣтствовалъ его по поводу настоящего дѣла и выразилъ отъ имени старой адвокатуры полное сочувствіе нынѣшнимъ подсудимымъ. Какъ старый предсѣдатель совета, онъ обратился къ членамъ перенесеннаго совета съ требованіемъ, чтобы советъ принялъ участіе и сдѣлалъ все, что отъ него зависитъ, для охраненія отъ всякихъ несправностей товарищей, которые поступили согласно съ заѣздами адвокатуры. Въ томъ же смыслѣ говорили и Люстихъ и Дорнъ. Я ничего не говорилъ, все время молчалъ. Въ отвѣтъ на эти рѣчи, Перверзевъ сказалъ, что онъ сдѣлаетъ только примѣрамъ и указаніямъ этихъ стариковъ, сѣдя на головахъ которыхъ видны издали, какъ снѣговныя вершины. И эта отвѣтная рѣчь Перверзева была встрѣчена самымъ горячимъ сочувствіемъ, объятіями и лобзаніями со стороны этихъ стариковъ, нашихъ могилъ. Во всѣхъ привѣтствіяхъ и телеграммахъ, которые получали защитники Бейлиса и отъ адвокатуры, и отъ другихъ лицъ, проводилась та мысль, что обвиненіе, предъявленное къ Бейлису въ той формѣ, въ которой предъявлено, является обвиненіемъ всего еврейскаго народа и еврейской религіи. Да, это, несомнѣнно, такъ и было. Это

призналъ и одинъ изъ гражданскихъ истцовъ, Замысловскій, на публичномъ собраніи въ залѣ дворянскаго собранія, гдѣ онъ первый пошелъ въ открытую, гдѣ онъ прямо сказалъ: „Да, мы обвиняли и обвиняемъ в с е еврейство“. На судебномъ слѣдствіи киевскаго окружнаго суда по дѣлу Бейлиса выдержки изъ книжки такъ наз. Неофита отлащались, и въ этихъ извлеченіяхъ содержались мысли, противорѣчащія здравому смыслу. Но, конечно,—это мое убѣжденіе,—никакого Неофита не было, это подлогъ.

Н. Д. Соколовъ.—Послѣ того, какъ выдержки изъ Неофита были оглашены, не просить ли представитель обвиненія удержать въ памяти присяжныхъ засѣдателей нѣкоторые тезисы?

Предсѣдатель.—Я снимаю этотъ вопросъ, этого я совершенно не могу допустить. Это не можетъ относиться къ предмету настоящаго дѣла, такъ какъ это не служило предметомъ обсужденія во время резолюции. Пожалуйста, продолжайте только то, что могло бы быть совершенно ясно.

А. В. Бобрищевъ-Пушкинъ.—Когда вы получили телеграмму, какъ вы поняли ее: направлена она была противъ министра юстиціи, высшихъ чиновъ судебной палаты или не противъ какихъ либо опредѣленныхъ лицъ?

А. С. Зарудный.—Я совершенно въ эту минуту не думаю, противъ кого она направлена. И, во всякомъ случаѣ, я лично въ то время, по крайней мѣрѣ, до окончанія дѣла Бейлиса, никоимъ образомъ не отнесъ въ содержаніе этой телеграммы къ министру юстиціи, потому что я лично этого не думаю. Я не сомнѣваюсь, что есть много лицъ, которые искренно, вслѣдствіе заблужденія или неванія дѣла, думали или сейчасъ думаютъ, что Бейлисъ былъ виновенъ. Но я не допускаю, чтобы, зная правду по дѣлу Бейлиса, можно было бы не возмущаться этимъ дѣломъ: это могли бы дѣлать только нечестные люди. Поэтому возмущеніе дѣломъ Бейлиса должно стать и станетъ когда-нибудь возмущеніемъ всѣхъ честныхъ людей.

Предсѣдатель.—Я долженъ сдѣлать вамъ замѣчаніе. Въ этомъ вопросѣ нужно быть осмотрительнымъ въ выборѣ словъ, потому что лица, которые изучали это дѣло, разговоръ привелъ ихъ къ другимъ выводамъ, такъ что они имѣли право оспаривать, и связывать это съ вопросомъ объ ихъ честности—совершенно недопустимо.

А. С. Зарудный.—Позвольте вамъ привести по этому поводу такое признаніе. Я оговорился, что среди лицъ, изучавшихъ это дѣло, есть люди, которые были введены въ заблужденіе и которые искренно думали. Но, какъ свидетель, я обязанъ сказать вамъ, что среди этихъ лицъ есть лица, которые знаютъ правду...

Предсѣдатель.—Да, да, довольно, довольно...

А. В. Бобрищевъ-Пушкинъ.—Словомъ, вы не нашли, что эта резолюція направлена противъ кого-нибудь лично?

А. С. Зарудный.—Нисколько.

А. В. Бобрищевъ-Пушкинъ.—Скажите, пожалуйста, свидетель, вы, какъ защитникъ Бейлиса, изучили дѣло. Нашли ли вы, что можно считать создателями этого дѣла какія-либо правныя организаціи или представитель этихъ организацій?

А. С. Зарудный.—Не только можно, но иначе считать нельзя.

А. В. Бобрищевъ-Пушкинъ.—Теперь мнѣ нужны нѣкоторыя даты. Не помните ли вы, что 23 октября началась рѣчь товарища прокурора судебной палаты Вишнера?

А. С. Зарудный.—Этого не помню. Это былъ одинъ изъ послѣднихъ дней, потому что процессъ окончился 30 числа, кажется, ну, рѣчи продолжались около недѣли, такъ что это приблизительно совпадаетъ,—это очень легко проверить по стенографическому отчету,—но я не могу сказать точно.

А. В. Бобрищевъ-Пушкинъ.—Вы лично когда получили приглашеніе вступить въ ряды защиты по дѣлу Бейлиса?

А. С. Зарудный.—Я получилъ очень незадолго до

слушания дѣла. Если прикажете, я расскажу, при каких условиях я получил приглашеніе.

Предсѣдатель.—Нѣтъ, этого вопроса не надо.

А. С. Зарудный.—Очень незадолго до процесса: быть может, мѣсяца за 3—4 или 5.

А. В. Бобринцевъ-Пушкинъ.—Ну, словомъ, незадолго?

А. С. Зарудный.—Да, потому что я имѣлъ очень мало времени сравнительно съ тѣмъ, какое нужно было бы по такому необычному дѣлу, въ которомъ обвинялся весь еврейскій народъ и еврейская религія.

А. В. Бобринцевъ-Пушкинъ.—Вамъ было поручено?..

А. С. Зарудный.—Никто мнѣ не поручалъ. Я это дѣлалъ, потому что другіе товарищи не признали нужнымъ это сдѣлать,—и вполне свободно, безъ всякихъ обязательствъ.

А. В. Бобринцевъ-Пушкинъ.—По распредѣленію товарищей?

А. С. Зарудный.—У насъ, къ сожалѣнію, не было такого распредѣленія.

Предсѣдатель.—Мы отвлекаемся совершенно въ сторону.

А. В. Бобринцевъ-Пушкинъ.—Когда вы получили приглашеніе вступить въ ряды защитниковъ Вейлиса, вамъ было извѣстно, что я защищать Вейлиса не буду?

А. С. Зарудный.—За годъ, за полтора до этого, кажется, во время процесса Дашнакцутюнъ, товарищъ, который приглашалъ меня защищать вмѣстѣ съ нимъ Вейлиса, спросилъ мое мнѣніе, не слѣдовало ли бы пригласить прис. пов. Бобринцева-Пушкина. Я къ этому отнесся съ полнымъ сочувствіемъ и сказалъ, что, по моему мнѣнію, это будетъ вполне подходящій для этого дѣла защитникъ. Послѣ этого прис. пов. Бобринцевъ-Пушкинъ былъ приглашенъ. Затѣмъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до дѣла обратились ко мнѣ. Я говорю, что Бобринцевъ-Пушкинъ будетъ третій защитникъ, кромѣ Карабчевскаго. Мнѣ говорятъ: „Нѣтъ, онъ не будетъ“. Я отказался сначала, потому что я заявилъ, что не хочу своимъ участіемъ какъ бы вытѣснить Бобринцева-Пушкина, потому что я считаю, что онъ будетъ лучше. На это мнѣ сказали, что онъ не будетъ во всякомъ случаѣ, буду ли я или нѣтъ; только поэтому я позволилъ себѣ вступить въ дѣло, гдѣ я считалъ, что не могъ замѣнить Бобринцева-Пушкина.

А. В. Бобринцевъ-Пушкинъ.—Вы считаете, что это вамъ было сказано за нѣсколько мѣсяцевъ до дѣла?

А. С. Зарудный.—Да.

Н. Д. Соколовъ.—Скажите, пожалуйста, свидѣтель, на процессѣ Вейлиса экспертамъ по исторіи еврейскаго народа задавались ли вопросы, относящіеся по всемъ источникамъ религіознаго ученія европейскаго народа?

А. С. Зарудный.—Задавались, причемъ было два эксперта: еврейскій и русскій, православный...

Предсѣдатель.—Нѣтъ, мы не пересматриваемъ дѣло Вейлиса, это не касается.

Зарудный.—А могу я сказать...

Предсѣдатель.—Нѣтъ, нѣтъ.

Н. Д. Соколовъ.—Значитъ, вы возмущались этимъ дѣломъ?

А. С. Зарудный.—Да, въ этомъ дѣлѣ совершались преступленія.

Предсѣдатель.—Пожалуйста, свидѣтель, подчиняйтесь моимъ распоряженіямъ.

А. С. Зарудный.—Я думалъ, что это васъ интересуетъ, но если не интересуетъ, я не буду.

Н. Д. Соколовъ.—Какіе отвѣты давались экспертамъ: признавали ли они, что еврейское вѣроученіе содержитъ въ себѣ тезисы о ритуаль? Связывали ли они употребленіе евреями христіанской крови съ отдѣльными сектами еврейскими или это связывалось съ общимъ религіознымъ ученіемъ евреевъ?

А. С. Зарудный.—Видите ли, были разныя мнѣнія: одни эксперты категорически отрицали, а другіе выводили изъ Библии, которую мы, христіане, тоже чтимъ, что тѣ самые евреи, которые прославляли и обращались къ Господу Богу, что они въ это время употребляли кровь.

М. Л. Гольдштейнъ.—Но такая экспертиза была провозглашена до 23 октября?

А. С. Зарудный.—Да, до 23 октября. Это можно точно установить, пренія около недѣли продолжались.

А. Ф. Керенскій.—Когда вы прочли нашу резолюцію,—вы помните ея содержаніе,—получили ли вы впечатлѣніе, что мы произносили ругательства въ отношеніи какихъ-нибудь отдѣльных лицъ?

А. С. Зарудный.—Я думаю, что половина полученныхъ нами въ числѣ нѣсколькихъ сотъ телеграммъ содержала въ себѣ болѣе рѣзкія выраженія. Поэтому эта телеграмма не оставила такого рѣзкаго впечатлѣнія. Конечно, мы, защитники, вообще тяготились телеграммами,—намъ было не до телеграммъ. Если хотите, мы даже не сочувствовали привѣтствіямъ,—это другой вопросъ,—мы не сочувствовали этимъ привѣтствіямъ, мы хотѣли тихо, спокойно бороться съ этимъ зломъ, этой неправдой. Но если говорить о выраженіяхъ, то было много телеграммъ, гораздо болѣе рѣзкихъ.

Предсѣдатель.—Но этого вы не повторяйте.

А. С. Зарудный.—Я не говорю, что я вполне одобряю, но эта телеграмма въ числѣ другихъ, не была болѣе рѣзкая.

А. Ф. Керенскій.—Въ нашей телеграммѣ, въ самомъ текстѣ, насколько вы помните,—были указанія на опредѣленныхъ лицъ и учрежденія?

А. С. Зарудный.—Абсолютно нѣтъ. Это дѣло настолько трудное и сложное. Я желалъ бы, чтобы кто-нибудь сказалъ въ то время, кто тутъ виноватъ? Это очень трудный вопросъ. До сихъ поръ даже мы, защитники Вейлиса, разнаго мнѣнія: одинъ думаетъ такъ, другой иначе, но все сходится, на томъ, что дѣло возмутительное.

А. Ф. Керенскій.—Считаете ли вы,—вы знаете, вы работали съ нами не одинъ годъ,—если бы мы были увѣрены въ виновности конкретныхъ опредѣленныхъ лицъ и знали бы факты, ихъ уличающіе, какое бы мѣсто эти лица занимали,—прибѣгли ли бы мы, ваши товарищи, къ конкретному указанію на нихъ или прибѣгли бы къ инсинуаціямъ, по вашему мнѣнію?

А. С. Зарудный.—Нужно ли мнѣ отвѣчать на этотъ вопросъ?

Предсѣдатель.—Я думаю, что вопросъ этотъ не можетъ быть поставленъ или, вѣрнѣе, отвѣтъ свидѣтеля, такъ какъ это личное впечатлѣніе.

А. Ф. Керенскій.—Извѣстны ли вамъ случаи, когда мы, зная извѣстное дѣйствіе опредѣленныхъ лицъ, по нашему мнѣнію, преступныя, обращались къ должностнымъ лицамъ съ прямымъ указаніемъ на то, что мы считаемъ преступленіемъ въ дѣятельности такихъ должностныхъ лицъ, хотя бы и судебного вѣдомства?

А. С. Зарудный.—Извѣстны, могу сказать.

Предсѣдатель.—Нѣтъ, этого не нужно.

А. С. Зарудный.—Мы обратились, съ заявленіемъ,—вы въ томъ числѣ, Переверзевъ, Скарятинъ и я,—мы обратились и указали на уголовное преступленіе судебного слѣдователя, который и былъ привлеченъ къ ответственности за уголовное преступленіе послѣ нашего заявленія.

Гов. прокурора.—Кто, кромѣ васъ, въ Кіевѣ получилъ эту телеграмму?

А. С. Зарудный.—Получили всѣ защитники. Я только потомъ слышалъ, что Грузенбергъ не расписался.

Предсѣдатель.—Вы не знаете, получилъ онъ или нѣтъ?

А. С. Зарудный.—Я не знаю, но все остальные получили. Знаю потому, что эти телеграммы находятся у меня, я ихъ показывалъ судебному слѣдователю. Я принесъ ихъ съ собою, но онъ сказалъ, что такъ какъ тамъ телеграммы имѣются въ подлинникъ, то онъ не нужны.

Предсѣдатель.—Не знаете ли вы, въ редакціи газетъ онъ не сообщался?

А. С. Зарудный.—Нѣтъ, мы, защитники, не сообщали,—я только за себя могу отвѣчать.

Гов. прокурора.—Скажите, пожалуйста, не извѣстно ли вамъ, какое правило существовало въ наказѣ относительно того, что если бы кто-нибудь пожелалъ собрать

общее собрание, как он должен был действовать?

А. С. Зарудный.—25 членов сословия имеют право подать заявление в советъ о созывѣ общаго собранія. Затѣмъ, тутъ уже мнѣнія расходятся: одни считаютъ, что для совета это обязательно, другіе, какъ я, считаютъ, что это не обязательно, что советъ можетъ созвать и не созвать. Но если советъ не созываетъ, онъ долженъ доложить объ этомъ слѣдующему очередному общему собранію, и уже общее собраніе рѣшаетъ, нужно ли созывать или не нужно; это касается тѣхъ вопросовъ, которые не могутъ рѣшаться безъ общаго собранія.

Н. Д. Соколовъ.—Скажите, свидѣтель, не было у васъ вообще, защитниковъ Бейлиса, рѣшено, что вы никакихъ телеграммъ, привѣтствій, адресованныхъ, обращенныхъ къ вамъ, не будете передавать въ газеты?

А. С. Зарудный.—Я лично за всю мою дѣятельность никогда ни одной телеграммы, которая я получила сотнями, не печаталъ, но по этому дѣлу было дѣйствительно всѣмъ не только рѣшено, но мы много разъ говорили, что мы не будемъ печатать. Но что насъ въ самомъ коробило, это то, что ежедневно въ правыхъ газетахъ появлялось много телеграммъ, которыя получали Шмаковъ и Замысловскій, и выходило, какъ будто обществу было не на нашей сторонѣ. Это было намъ тяжело. Тѣмъ не менѣе, мы все-таки не признали возможнымъ печатать телеграммы.

Н. Д. Соколовъ.—Телеграммы, которыя вы читали въ кievскихъ правыхъ газетахъ и которыя были адресованы Шмакову и Замысловскому, не выражали ли прямую убѣжденность въ виновности Бейлиса?

А. С. Зарудный.—Это было постоянно, всегда.

Н. Д. Соколовъ.—Были ли тамъ телеграммы и отъ должностныхъ лицъ?

А. С. Зарудный.—Была отъ тогдашняго прокурора кievской судебной палаты Чаплинскаго, который до окончанія суда публично выразилъ свое убѣжденіе въ виновности Бейлиса.

А. В. Бобринцевъ-Пушкинъ.—Не припомните ли вы, незадолго до полученія нашей резолюціи не отказано ли было гражданскимъ истцамъ въ оглашеніи матеріаловъ изъ саратовскаго дѣла и не вызвало ли это въ правой печати потока прямыхъ оскорбленій суда и нареканій на него?

А. С. Зарудный.—Было и вызвало. Правая печать постоянно во время этого процесса и послѣ него въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ выраженіями, которыя были въ вашей резолюціи, нападла сплошь и рядомъ на тѣ власти, которыя были негодны имъ въ дѣлѣ Бейлиса. Политика министерства внутреннихъ дѣлъ была обливаема грязью правой печатью и изъ устъ правыхъ ораторовъ въ томъ же Кіевѣ.

А. В. Бобринцевъ-Пушкинъ.—Мнѣ важенъ одинъ фактъ. Посылка и оглашеніе этихъ телеграммъ совпадало ли съ моментомъ разногласія между судомъ и гражданскими истцами?

А. С. Зарудный.—Да, это было вкорѣ послѣ этого.

Гов. прокурора.—Свидѣтель удостоверяетъ очень категорично, что эта телеграмма не сообщалась въ редакціи газетъ; между тѣмъ на предварительномъ слѣдствіи онъ сказалъ не столь убѣренно.

А. С. Зарудный.—Я хорошо помню, что я сказалъ на предварительномъ слѣдствіи. Я могу повторить это. Я думаю, не будетъ противорѣчить тому, что я сказалъ. Я сказалъ такъ: „телеграммы болѣею частью получались въ 4 или 5 экземплярахъ—однѣмъ каждому защитнику. Я лично относился съ интересомъ къ этимъ телеграммамъ и, какъ коллекционеръ и любитель историческихъ матеріаловъ, ихъ собиралъ. Другіе защитники ихъ передавали мнѣ, а иногда я собиралъ по одному экземпляру или по два, а очень часто дубликатъ оставался на столѣ, такъ что я допускаю, что другіе защитники второй экземпляръ телеграммы забирали: Григоровичъ-Барскій—свою, а я—свою. Затѣмъ, Карабчевскій, Маклаковъ передавали мнѣ, и очень часто телеграммы Маклакова, который совершенно не интересовался и часто не читалъ ихъ, оставались лежать нераспечатанными. Но въ отношеніи этой телеграммы этого

быть не можетъ, потому что у меня сохранились, кромѣ Григоровича-Барскаго, и остальные телеграммы.

Гов. прокурора.—У васъ сохранились и копии?

А. С. Зарудный.—У меня сохранилось три экземпляра.

Гов. прокурора.—А копии сохранились?

А. С. Зарудный.—Да, каждый изъ насъ сохранилъ по телеграммѣ. У меня сохранилось три; Григоровичъ-Барскій и Грузенбергъ здѣсь, и вы можете ихъ спросить, сохранили ли они свои телеграммы.

А. В. Бобринцевъ-Пушкинъ.—Обращаю вниманіе суда и прошу занести въ протоколъ, какъ установленное для меня важное обстоятельство, что свидѣтель Зарудный согласился и, какъ защитникъ Бейлиса, напечаталъ, что создателями дѣла Бейлиса были правыя организаціи, и что иначе, по убѣжденію свидѣтеля, и думать не могъ никто, кто изучилъ дѣло. Я изучилъ дѣло и былъ въ такомъ же положеніи, какъ и свидѣтель.

Судъ переходитъ къ допросу свид. прис. пов. О. О. Грузенберга.

О. О. Грузенбергъ.—Я получилъ телеграмму съ изложеніемъ резолюціи общаго собранія отъ 23 октября. Я получилъ, вообще, много телеграммъ. Почти изъ всѣхъ тѣхъ городовъ, гдѣ имѣются болѣе крупныя группы присяжной адвокатуры, поступали телеграммы не только аналогичнаго характера съ полученною изъ Петербурга, но и болѣе ярко выраженыя. Телеграммы исходили и отъ группъ присяжныхъ повѣренныхъ и отъ общихъ собраній. Такихъ много было. Затѣмъ телеграмма, которую я получилъ тогда изъ Петербурга,—я не успѣлъ расписаться, потому что вѣлъ допросъ свидѣтелей,—впечатлѣнія особенно сильнаго не оставила, потому что я лично находилъ, что это не болѣе, какъ повтореніе того, что уже было въ печати. Вотъ, напримѣръ, то, что было въ телеграммѣ петербургскихъ коллегъ,—это повтореніе букввальное блестящей статьи Набокова; эта статья была напечатана 25 сентября и 6 октября, а валпа телеграмма отъ 23 октября, т. е. почти черезъ мѣсяцъ, и если вы сопоставите, то почти тѣ же самыя выраженія; но у Набокова болѣе развито, болѣе ярко, что ли, болѣе сильно. А тутъ какъ будто бы скопировано того, что уже было напечатано. Вотъ какое было впечатлѣніе. Поэтому я даже,—долженъ сказать откровенно,—я даже не помню отдѣльныхъ выраженій, потому что они были написаны въ обычномъ тонѣ, который тогда господствовалъ въ обществѣ и печати. У насъ, защитниковъ, было рѣшено не передавать телеграммъ, какія мы получали, въ газеты, чтобы не получалось впечатлѣнія какой-то рекламы, если мы сами будемъ передавать получаемыя нами телеграммы. И поэтому не только этой, но, могу удостовѣрить, ни одной телеграммы ни я, ни мои товарищи въ газеты не передавали. Рѣшительно во всѣхъ получавшихся нами телеграммахъ указывалось, что въ дѣлѣ Бейлиса, въ томъ, что поставлено такое обвиненіе, связанное съ религіей, не только терпимой въ государствѣ, но и охраняемой государствомъ, усматривается оскорбленіе религіи. Затѣмъ въ телеграммахъ прямо указывалось еще на то, что не въ томъ дѣлѣ, что обвиняютъ того или другого еврея,—каждый имѣетъ право свое мнѣніе имѣть, нельзя быть такимъ деспотичнымъ, чтобы всѣ одинаково думали,—но нельзя же составить обвиненіе и безъ всякой надобности вводить религіозный элементъ въ выводы обвинительнаго акта. Вотъ, въ сущности, единственный пунктъ, около котораго всѣ чувства сосредоточились, и говорили: хорошо, можно думать, какъ угодно, но зачѣмъ вводить въ выводы обвинительнаго акта указанія на злоупотребленія, которыя допускаются еврейской религіей, такъ какъ въ нашемъ законѣ только два случая, гдѣ мотивы преступленія имѣютъ значеніе, а это не подходило ни подъ одинъ изъ этихъ случаевъ. Въ качествѣ защитника по дѣлу Блондеса, слушавшемуся въ Вильнѣ 14 лѣтъ тому назадъ, я могу удостовѣрить, что по дѣлу Блондеса не только въ выводахъ обвинительнаго акта, но и въ исторической части его подробно описывались лишь извѣстныя дѣйствія вообще, но ни малѣйшаго указанія на ритуальное было, равно и на судѣ. И вотъ въ этомъ,—я вкратцѣ отвѣчу,—въ этомъ весь вопросъ и былъ, что, въ отличіе отъ всѣхъ ритуальныхъ процессовъ, которые были, начиная со второй половины XVIII в., нигдѣ не было вво-

димъ этотъ признакъ. Вотъ отчего поднялось такое сильное общественное осужденіе. У меня не было никакихъ сомнѣній, что я защищаю не только Вейлса, но защищаю и еврейскую религію отъ несправедливыхъ и клеветническихъ нападковъ. Для меня этотъ вопросъ былъ слишкомъ тяжелый, большой и близкій. Ужасно принадлежать къ религіи, которая допускаетъ человѣческія жертвоприношенія. Для меня было важно разъ навсегда опредѣлить свое отношеніе къ этому вопросу. Это есть...

Предсѣдатель.—Это уже разъясненіе.

О. О. Грузенбергъ.—Поэтому ясное дѣло, что, кромѣ желанія узнать все въ точности, ни у кого не было ничего другого, и возбуждалъ глубокое негодованіе и чувство оскорбленія этотъ моментъ, а не то, что кто-то предполагаетъ, что какіе-то евреи употребляютъ человѣческую кровь. Я не смѣю назвать имена, —лучшіе юристы, состоящіе на государственной службѣ, находили недопустимымъ, чтобы въ обвинительный актъ вводилась ссылка на религію. По нашему закону, если предать суду скотца или человѣка, нарушающаго религію, требуется предварительное установленіе секты; а тутъ приязненные должны были и секту установить и найти виновнаго. Это немалое дѣло. Въ теченіе процесса Вейлса нельзя было уловить никакихъ указаній или попытокъ указать на то, что Вейлса принадлежитъ къ опредѣленной сектѣ, объ этомъ нельзя было говорить, потому что, съ одной стороны...

Предсѣдатель.—Этотъ вопросъ я исключаю, онъ приводитъ къ пересмотру дѣла Вейлса.

О. О. Грузенбергъ.—Въ экспертизѣ Пранайтиса были прямыя указанія, что онъ усматриваетъ, какъ требованіе религіи, необходимость для евреевъ въ извѣстныхъ случаяхъ употреблять христіанскую кровь, и что это положеніе опирается на всѣ религіозные источники еврейской религіи. Я скажу кратко, чтобы васъ не утруждать, а самому мнѣ, скажу совершенно искренно, —тяжело вспоминать это дѣло. Я хотѣлъ бы забыть его, два года достаточно его прешали. Я могу сказать: ужасъ заключался въ томъ, что человѣкъ говорилъ о всей еврейской религіи, начиная съ библейскихъ временъ, говорилъ о томъ, что составляетъ святину и для христіанъ, —о Ветхомъ Завѣтѣ.

Н. Д. Соколовъ.—Значитъ, вы говорите, что въ Ветхомъ Завѣтѣ имѣются указанія на употребленіе крови, по мнѣнію Пранайтиса?

О. О. Грузенбергъ.—Онъ такъ говорилъ...

Предсѣдатель.—Нѣтъ, этого не нужно.

Н. Д. Соколовъ.—Словомъ, я понимаю вашу мысль.

О. О. Грузенбергъ.—Я кратко говорю, что это такъ. Затѣмъ оказалось, что человѣкъ, не знающій хорошо языка, на судѣ былъ удивительно...

Предсѣдатель.—Это, опять-таки, неизвѣстно, насколько это достоверно.

О. О. Грузенбергъ.—Затѣмъ, считаю долгомъ сказать, что, къ счастью, единственный человѣкъ, который такъ отозвался съ религіозной точки зрѣнія, былъ не православыи священникъ и не профессоръ, а специально взятый изъ Авіи коендъ—въ Европѣ не нашлось.

Н. Д. Соколовъ.—Цитировались ли отдѣльныя мѣста изъ книжки такъ называемаго монаха Неофита?

О. О. Грузенбергъ.—Да. Изъ той самой книжки, о которой самъ государственный совѣтъ сказалъ, что это несомнѣнно безумный бредъ...

Предсѣдатель.—Этого уже не надо.

О. О. Грузенбергъ.—Государственный совѣтъ категорически это сказалъ, да и какъ же назвать эту книгу, какъ не безумной?

Н. Д. Соколовъ.—На эту книжку не было ли ссылки въ самомъ обвинительномъ актѣ?

О. О. Грузенбергъ.—Да, были и въ обвинительномъ актѣ выписки изъ этой глупой, безграмотной книги. А затѣмъ я считаю долгомъ доложить вашему превосходительству по вопросу, который былъ предложенъ товарищемъ Соколовымъ. Я утверждаю, что та телеграмма, которую я получалъ, —въ ней я могу вамъ показать, откуда отдѣльныя мѣста взяты. Затѣмъ, меня занималъ вопросъ, для чего эта телеграмма? Если бы и былъ намекъ на какое-нибудь должностное лицо, —говорю это

совершенно искренно и не въ интересахъ товарищей, —я ни на минуту объ этомъ лицѣ не подумалъ бы, и вотъ почему: потому что, если ужъ я долженъ догадываться, оскорбленъ ли человѣкъ или нѣтъ, то извѣстное правило и для юристовъ научное, —какое я имѣю право думать, что оскорбленъ именно министръ юстиціи? Я не видѣлъ рѣшительно никакихъ указаній на личность. Вотъ я помню, что признала судебная палата и сенатъ признали, что всякое оскорбленіе личности, о которой трудно догадываться, должно быть не субъективно допустимо, а объективно неотвратимо, и потому я не считалъ себя вправе представлять не названнаго мнѣ главу судебного вѣдомства.

А. В. Бобрищевъ-Пушкинъ.—Скажите пожалуйста, какъ вы поняли эту телеграмму, —противъ какого-нибудь лица направленъ этотъ протестъ или противъ событія?

О. О. Грузенбергъ.—Мое впечатлѣніе было такое, что резолюція была вызвана дѣломъ Вейлса и той обстановкой, въ которой оно протекало въ стадіи предварительнаго слѣдствія въ теченіе 2 лѣтъ. Но чтобы это было указаніе на лица, —этого я не видѣлъ. А затѣмъ я привыкъ думать, что судъ самъ рѣшаетъ, что онъ долженъ дѣлать, и никогда не интересуется мнѣніемъ министра. Какое я имѣю право предполагать, что именно въ этомъ случаѣ судьи думали о министрѣ, если я считаю, что судъ независимъ? Въ тотъ моментъ я не имѣлъ для этого объективныхъ данныхъ.

А. В. Бобрищевъ-Пушкинъ.—До того еще, какъ я былъ приглашенъ въ защитники Вейлса, не приходилось ли вамъ читать мои статьи, гдѣ я утверждалъ, что ритуальныя убійства—средневѣковая легенда?

О. О. Грузенбергъ.—Да, я могу удостовѣрить, что Бобрищевъ-Пушкинъ по вопросу о ритуалѣ писалъ еще до этого несчастнаго дѣла Вейлса, до загадочной смерти этого мальчика. Я помню, когда года за 1½ или 2 въ сѣверо-западномъ крайъ возникла такая легенда, я помню, что А. В. Бобрищевъ-Пушкинъ ко мнѣ обратился съ просьбой дать ему литературу по этому вопросу. Я давалъ, и онъ написалъ статью, кажется, въ октябрискомъ „Голосѣ Москвы“, а затѣмъ, когда возникло дѣло и съ перваго начала, по первому обвинительному акту, оно имѣло характеръ чисто уголовнаго обвиненія даннаго лица въ предумышленномъ убійствѣ, т.-е. не было формулировки специально національной и религіозной. Тогда, помню, я просилъ своего товарища Бобрищева-Пушкина раздѣлить со мною трудъ защиты, такъ какъ я находилъ, что, по своимъ качествамъ защитника, онъ подходилъ къ этому дѣлу. Это было при первомъ обвинительномъ актѣ.

А. В. Бобрищевъ-Пушкинъ.—Вотъ уже въ качествѣ защитника Вейлса не выражалъ ли я вамъ неоднократно свое убѣжденіе, что это дѣло создано правыми организациями?

О. О. Грузенбергъ.—Да, вы говорили всегда это. Вы говорилъ мнѣ, что трудность дѣла заключается въ томъ, что вы мрачно смотрѣли съ перваго дня, что возможны всякія несчастія при полной убѣжденности въ невиновности, потому что тутъ идетъ погромная агитація. Я помню, что А. В. говорилъ мнѣ, что въ Кіевѣ г. Замысловскій пріѣзжалъ во время предварительнаго слѣдствія, а по нашему закону здѣсь должна была быть полная тайна...

Предсѣдатель.—Нѣтъ, этого уже не нужно.

О. О. Грузенбергъ.—...и читалъ лекцію, и на этой лекціи былъ прокуроръ палаты Чалшинскій.

А. В. Бобрищевъ-Пушкинъ.—Не будете ли вы добры сказать, не помните ли вы, что 23 октября, т.-е. въ день полученія телеграммы, началъ свою обвинительную рѣчь товарищъ прокурора?

О. О. Грузенбергъ.—Можетъ быть. Въ стенографическомъ отчетѣ это есть. Я боюсь сказать, что да, я не могу сказать, что именно 23 октября; но если свѣрить, то возможно, что это такъ и было.

А. В. Бобрищевъ-Пушкинъ.—Не предшествовала ли этому непосредственно экспертиза?

О. О. Грузенбергъ.—Да.

А. В. Бобрищевъ-Пушкинъ.—Во время экспертизы не вышло ли серьезное разногласіе между гражданскими

исцами и судомъ по поводу отказа въ оглашеніи свѣдѣній изъ саратовскаго дѣла, и гражданскіе истцы сказали: „если такъ, то мы уходимъ“, а прокуроръ Вишперъ сказалъ: „тогда я не могу обвинять“? Если противъ судебной палаты, противъ суда возможенъ протестъ, за то, что не исполнено желаніе Вишпера, я долженъ сказать, что это важно, и что можно и намъ протестовать.

Предсѣдатель.—Нѣтъ, нѣтъ. Тутъ былъ вопросъ свидѣтелю о томъ, былъ ли отказъ со стороны суда гражданскимъ истцамъ, и только. Затѣмъ продолжайте вопросы.

О. О. Грузенбергъ.—Былъ отказъ суда въ оглашеніи саратовскаго дѣла, такъ какъ по закону нельзя оглашать свидѣтельскихъ показаній, помѣщенныхъ въ старыхъ дѣлахъ, развѣ свидѣтели не вызваны. Это—согласно рѣшенію сената.

А. В. Бобріщевъ-Пушкинъ.—При этихъ условіяхъ разогласія суда съ гражданскими истцами, могли ли вы понять нашу телеграмму, какъ протестъ противъ суда?

О. О. Грузенбергъ.—Я вѣдь доложилъ. Я эту телеграмму понималъ опредѣленно: по моему, она не болѣе, какъ орывочный перефразъ статьи Набокова, который, какъ вы знаете, былъ оправданъ петербургскимъ судомъ, а палата приговорила его къ 200 рублямъ штрафа.

Судъ переходитъ къ допросу свидѣтеля прис. пов. Д. Н. Григоровича-Барскаго.

Д. Н. Григоровичъ-Барскій.—Въ числѣ другихъ защитниковъ Бейлиса, и я получилъ 23 октября телеграмму съ изложеніемъ резолюціи общаго собранія петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ. Я—киевлянинъ и съ рожденія постоянно живу въ Кіевѣ, до вступленія въ адвокатуру служилъ въ судебномъ вѣдомствѣ. Не только я, въ качествѣ защитника Бейлиса, но все кіевское общество считало что не въ виновности Бейлиса дѣло, что на скамью подсудимыхъ посажены еврейская религія и весь еврейскій народъ. Я не встрѣчалъ никого, кто думалъ бы иначе. Защитники Бейлиса получили нѣсколько сотенъ привѣтственныхъ и сочувственныхъ телеграммъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ телеграммъ о защитникахъ Бейлиса говорилось, какъ о защитникахъ еврейской религіи. Въ очень многихъ телеграммахъ указывалось, что, защищая еврейскую религію отъ несправедливыхъ нападокъ, защитники Бейлиса защищаютъ тѣмъ самымъ правду и достоинство русскаго суда.

Н. Д. Соколовъ.—Не считали ли вы, что если бы ритуальное убійство прошло въ кіевскомъ судѣ, что это была бы позорная страница въ исторіи русскаго суда?..

Д. Н. Григоровичъ-Барскій.—Не только я, но и очень многія близкія мнѣ лица, даже лица изъ среды судебного вѣдомства, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать, подтверждали эту мысль, и, притомъ, лица не только прогрессивнаго направленія, но и весьма консервативно настроенныя.

Н. Д. Соколовъ.—Такъ что та телеграмма, которая была послана намъ, общимъ собраніемъ, 23 октября, вполнѣ совпадала со строемъ и вашихъ мыслей, и культурныхъ словесъ населенія г. Кіева?

Д. Н. Григоровичъ-Барскій.—Я лично долженъ сказать, что получилъ полное удовлетвореніе, когда прочелъ эту телеграмму, и при бесѣдѣ съ тѣми лицами, которые читали эту резолюцію общаго собранія петербургскихъ адвокатовъ, я другихъ мнѣній не встрѣчалъ.

Н. Д. Соколовъ.—Не было ли у кіевскихъ присяжныхъ повѣренныхъ какого-либо собранія послѣ посланки телеграммы и не обсуждалось ли тамъ наше привѣтствіе вамъ, и какъ высказывалось общее собраніе кіевскихъ присяжныхъ повѣренныхъ?

Д. Н. Григоровичъ-Барскій.—Въ скоромъ времени было такое собраніе. Было общее собраніе консултанціи кіевскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, на которомъ я предсѣдательствовалъ. Возбужденъ былъ вопросъ однимъ изъ товарищей о необходимости реагировать на опредѣленіе судебной палаты, достаточно намъ извѣстное изъ газетъ, гдѣ мы усмотрѣли...

Предсѣдатель.—Это касается оцѣнки дѣятельности

петербургской палаты, которую произвела консултанція присяжныхъ повѣренныхъ въ Кіевѣ, и вопросъ этотъ, какъ не относящійся къ дѣлу, я устранию.

Н. Д. Соколовъ.—Какое мнѣніе, принимая во вниманіе опредѣленіе петербургской палаты, высказано было по отношенію къ нашей резолюціи: сочувствующее или осуждающее?

Д. Н. Григоровичъ-Барскій.—Собственно, резолюція сама по себѣ не подвергалась обсужденію, но принята была общимъ собраніемъ нашихъ присяжныхъ повѣренныхъ резолюція приблизительно такого же содержанія, въ которой констатируется посягательство на достоинство и права адвокатуры.

Предсѣдатель.—Значитъ, обсужденія самой резолюціи не было. Вотъ это важно.

Д. Н. Григоровичъ-Барскій.—Этотъ вопросъ отложимъ.
Н. Д. Соколовъ.—Но если на этомъ собраніи не было формальнаго обсужденія, то, все-таки, кіевская адвокатура сочувственно или отрицательно отнеслась къ резолюціи?

Д. Н. Григоровичъ-Барскій.—Я съ отдѣльными лицами бесѣдовалъ и не помню отзывовъ отрицательныхъ по этому поводу. Надо сказать, что въ Кіевѣ, вообще, настроеніе въ тѣхъ сферахъ, которыя относились съ интересомъ къ дѣлу Бейлиса, было нѣсколько повышенное подъ вліяніемъ всего того, что происходило на процессѣ, и со всѣхъ сторонъ я слышалъ сочувствіе къ тому, что было выражено въ резолюціи.

Н. Д. Соколовъ.—Вы телеграмму не передавали въ печать?

Д. Н. Григоровичъ-Барскій.—Нѣтъ, мы вообще ничего не передавали въ печать съ самаго начала.

Н. Д. Соколовъ.—Вамъ приходилось читать въ кіевскихъ газетахъ привѣтствія правыхъ организаций гражданскихъ истцамъ Шмакову и Замысловскому?

Д. Н. Григоровичъ-Барскій.—Я лично не слѣдилъ за правыми газетами, но слышалъ со словъ другихъ лицъ, что тамъ постоянно помѣщались привѣтствія.

М. Л. Гольдштейнъ.—О резолюціи, которая передана въ этой телеграммѣ, читали ли вы впоследствии въ кіевскихъ газетахъ—въ „Кіевской Мысли“ и „Южной Копійки“?

Д. Н. Григоровичъ-Барскій.—Я не помню.

М. Л. Гольдштейнъ.—Знаете ли вы, что газеты были привлечены къ суду?

Д. Н. Григоровичъ-Барскій.—Я точно помню о „Южной Копійки“, что она была привлечена; о „Кіевской Мысли“ не помню.

М. Л. Гольдштейнъ.—Вы не знаете, къ чему приговорили редактора?

Д. Н. Григоровичъ-Барскій.—Сколько мнѣ помнится, къ штрафу въ 200 руб.

П. Н. Переверзевъ.—Не принимали ли вы какого-нибудь участія въ дѣлѣ Бейлиса въ стадіи предварительнаго слѣдствія?

Д. Н. Григоровичъ-Барскій.—Я принималъ живѣйшее участіе.

П. Н. Переверзевъ.—Скажите, пожалуйста, во время производства предварительнаго слѣдствія, имѣли ли какое-нибудь касательство къ тѣмъ властямъ, которыя производили слѣдствіе, члены патристическихъ организаций въ Кіевѣ: „Двуглавого Орла“ и др.?

Д. Н. Григоровичъ-Барскій.—Несомнѣнно, и самое сильное вліяніе. Они оказывали вліяніе на направленіе разслѣдованія по этому дѣлу, на смѣненіе тѣхъ чиновъ полиціи, которые, по ихъ мнѣнію, неправильно вели дѣло, т. е. не въ сторону еврейскаго ритуала, а въ другую сторону. Это выяснилось на судѣ очень ярко.

П. Н. Переверзевъ.—Что, прокуроръ кіевской судебной палаты Чалышскій имѣлъ какое-нибудь касательство къ этимъ организациямъ?

Предсѣдатель.—Этотъ вопросъ я исключаю.

П. Н. Переверзевъ.—Позвольте мнѣ сдѣлать заявленіе. Я долженъ заявить суду, что поведеніе прокурора палаты Чалышскаго, которое было извѣстно мнѣ 23 октября, глубочайшимъ образомъ меня возмущало. Когда меня спрашивалъ судебный слѣдователь по этому дѣлу, далъ надлежація указанія, а когда меня обвиняютъ

за то, что я оскорбилъ нѣкихъ чиновъ судебного вѣдомства, вы не позволяете выяснитъ вопросъ о томъ, достойны ли они были оскорбленія или нѣтъ. Я считаю, что вы нарушаете мои права.

Предсѣдатель.—Занесите въ протоколъ, что говорилось о томъ, достойны ли были оскорбленія чинъ судебного вѣдомства, и предсѣдательствующій указалъ, что дѣйствія должностныхъ лицъ въ данномъ дѣлѣ не могутъ быть предметомъ судебного изслѣдованія.

Судъ переходитъ къ допросу свидѣтеля прис. пов. Идельсона.

Свид. Идельсонъ показываетъ, что онъ присутствовалъ въ общемъ собраніи 23 октября и голосовалъ за принятіе резолюціи. По преимуществу дебатировался первый вопросъ, формальный вопросъ о правѣ общаго собранія обсуждать резолюцію. Послѣ того какъ собраніе признало возможнымъ приступить къ обсужденію резолюціи по существу, было предложено высказаться противникамъ резолюціи. Желающихъ высказаться по существу резолюціи не нашлось, и поэтому предсѣдатель собранія приступилъ къ голосованію. Резолюція была принята. Въ общемъ собраніи было не мене 200 человекъ, скорбе больше.

М. Л. Гольдштейнъ.—Скажите, пожалуйста, были ли такіе товарищи, которые въ моментъ голосованія по существу чѣмъ-нибудь выдѣлились отъ остальныхъ 250, въ качествѣ воздержавшихся?

Свид. Идельсонъ.—Совершенно нѣтъ. Мы все одинаково приняли резолюцію. Я самъ голосовалъ за нее, не возражалъ, но это ни въ чемъ не выразилось, потому что подыять руки должны были тѣ, кто былъ противъ. А остальные приняли резолюцію.

Затѣмъ, просить слова подсудимый прис. пов. Ф. А. Волькенштейнъ.

Ф. А. Волькенштейнъ.—Господа судьи! Съ самаго начала я рѣшилъ, что дамъ на судѣ свои объясненія, и, если даю ихъ теперь, то это—послѣ показанія свидѣтеля Заруднаго.—Александръ Сергѣевичъ Зарудный сказалъ вамъ, что такіе протесты, какъ тотъ, за который вы судите насъ, 25 адвокатовъ, бывали всегда и всегда будутъ, доколѣ стоитъ русская адвокатура, какъ независимая корпорація.—Такъ сказалъ человекъ, знающій не только нашу, адвокатскую, жизнь и наши сословные обычаи, но знакомый прекрасно и съ вашей, г. г. судьи, жизнью, ибо къ намъ онъ пришелъ изъ вашей среды и съ вами провелъ первую половину своей судебной дѣятельности.—Такъ сказалъ человекъ, который и для меня, и для всѣхъ моихъ товарищей здѣсь, и для всѣхъ въ Россіи судебныхъ дѣятелей долженъ почитаться знатокомъ судебныхъ нравовъ, ибо его семейныя преданія и личныя воспоминанія его юности связаны съ самымъ созданіемъ судебныхъ уставовъ. А потому онъ видѣлъ, какъ эти уставы воплощались въ жизнь и тамъ и здѣсь, и у васъ и у насъ. Если этотъ человекъ присоединяетъ свой голосъ къ нашему, если онъ говоритъ, что о дѣлѣ Бейлиса русскій адвокатъ иначе думать не можетъ, то за нами—большая нравственная сила.—Въ своей нравственной правотѣ въ этомъ дѣлѣ я и раньше не сомнѣвался. Теперь Зарудный укрѣпилъ меня въ этомъ сознаніи.—Но я все время проверяю себя еще и съ другой стороны,—правильно ли я поступилъ въ дѣлѣ Бейлиса, какъ юристъ.—Тутъ я долженъ оговориться. Я объясняю теперь вамъ, почему я пошелъ на то, что обвиненію угодно называть преступленіемъ. Но, г. г. судьи, я только объясню я! Я не оправдываю съ.—Г. г. судьи! Когда человекъ обвиняютъ въ подлогѣ, кражѣ, убійствѣ, онъ можетъ оправдываться. Но когда меня, взрослого мужчину, обвиняютъ за слово мое, за то слово, которое я сказалъ открыто и гласно, тутъ я оправдываться не могу. Я могу только объяснить, почему я такъ сказалъ. А на словѣ своемъ я стою.—И еще. Тамъ, гдѣ обвиняютъ въ подлинномъ уголовномъ преступленіи, тамъ подсудимый воленъ говорить на судѣ, воленъ и молчать. Но мы—адвокаты, и когда насъ судятъ за слова, сказанныя предъ всѣмъ обществомъ, мы молчать на скамьѣ подсудимыхъ не можемъ и неправъ. Мы обязаны объяснить,—и такое объясненіе я даю вамъ, господа судьи.—Я мало надѣюсь на то, что

вы примете дѣлакомъ ту правду, которую я скажу о себѣ. Да, теперь привелось мнѣ говорить въ этомъ залѣ о себѣ, а за 15 лѣтъ я всегда говорилъ и привыкъ говорить только о другихъ, вотъ съ этой самой скамьи.—Если бы вы могли принять дѣлакомъ ту мою правду, которая привела меня на собраніе 23 октября, въ меня, думаю, теперь не судили бы. Но у меня есть надежда, что, выслушавъ меня, выслушавъ всѣхъ насъ, вы скажете послѣ этого процесса: „Да, кромѣ насъ и еще правды, есть еще нѣкая иная правда, и хъ правда, правда русскихъ адвокатовъ“. Вы останетесь при своемъ, будете, какъ и прежде, думать, что тутъ есть нарушение закона,—пусть такъ! Но если вы, судьи, если вы, русская судебная магистратура, признаете, что вы услышали правду отъ русскихъ адвокатовъ, если вы почувствуете эту правду, хотя она и не ваша, я буду считать, что не напрасно прошли эти дни,—пусть я на скамьѣ подсудимыхъ, но кое-что сдѣлано!—Господа судьи! Вы видите,—говоря о себѣ, я все время говорю объ адвокатурѣ. Здѣсь много говорилось о дѣлѣ Бейлиса. Но дѣло Бейлиса родило наше дѣло, дѣло 25-ти адвокатовъ. И теперь нашъ процессъ есть процессъ адвокатскій, и въ этомъ весь смыслъ.—Въ нашей резолюціи сказано, что, протестуя противъ дѣла Бейлиса, мы, адвокаты, считаемъ это „дашимъ гражданскимъ и профессиональнымъ долгомъ“. Я голосовалъ за резолюцію и тѣмъ самымъ поставилъ свою подпись и подъ этими словами.—Смѣю думать, что и вы, господа судьи, считаете своимъ гражданскимъ долгомъ говорить вслухъ то, что вы думаете, какъ дѣятель судебныя. Но я имѣю основанія думать, что для васъ—всего непонятнѣе, а можетъ быть, и всего преступнѣе то, что, возставая противъ нарушения основъ правосудія, мы заявили, что видимъ въ этомъ исполненіе нашего профессиональнаго долга.—Но вы слышали за эти два дня: такъ говорятъ всѣ адвокаты, во всей Россіи, а иначе думаетъ только тотъ адвокатъ, который уже 20 лѣтъ не адвокатствуетъ, да еще тотъ, который въ адвокатурѣ всего три года и называетъ нашъ совѣтъ „совѣтомъ старшинъ“, точно дѣло идетъ о какомъ-нибудь клубѣ.—Вы скажете мнѣ: „Вамъ-то что за дѣло до того, что творилось въ процессѣ Бейлиса? Вы тамъ не сторона, не защитникъ, не участвующее въ дѣлѣ лицо!“—Такъ вотъ, господа судьи, я утверждаю, что, если я адвокатъ, то адвокатомъ я остаюсь всегда, во всѣхъ случаяхъ жизни, за исключеніемъ только моихъ личныхъ, интимныхъ отношеній, и не только въ судѣ я нахожусь при исполненіи своихъ профессиональныхъ обязанностей.—Быть можетъ, мой взглядъ на адвокатское служеніе вы найдете преувеличеннымъ и чрезмерно пышнымъ. Что дѣлать! Тѣмъ красна моя жизнь, и внѣ этого не стоить быть адвокатомъ. Я заявляю: если 23 октября я, не участвуя самъ въ дѣлѣ Бейлиса, все-таки, открыто сказалъ то, что я объ этомъ дѣлѣ думаю, то я поступилъ такъ потому, что я весь, какъ я есть, вложится въ свое адвокатское дѣло, потому такъ сдѣлалъ, что ко всему, что предо мной въ общественной жизни проходитъ, я подхожу, какъ служитель права.—Ибо не ремесло наша профессія! Адвокатское служеніе, служеніе праву не только тогда, когда я при значѣй защищаю подсудимаго или сочиняю кассационную жалобу за своимъ столомъ.—Я и адвокатомъ стать потому, что такова моя природа, таковъ мой внутренний, душевный строй. А за 15 лѣтъ, что я хожу по судамъ, адвокатство со всѣми навыками и взглядами образовало во мнѣ и вторую мою натуру, и адвокатскимъ духомъ я теперь живъ.—Если только вы, г. г. судьи, признаете,—а это всегда признавалось,—что мы, адвокаты, имѣемъ право судить о законахъ страны, имѣемъ право, какъ корпорація, участвовать въ разработкѣ гражданскаго и уголовного уложенія, если только вы признаете, что мы служимъ праву родной страны не только тогда, когда отправляемъ свое ремесло, то вы уже на-половину согласны съ нами и въ остальномъ, на-половину уже отказались насъ обвинять. Ибо, если вы только признаете, что для насъ, адвокатовъ, судебная дѣятельность не только ремесло, но и нравственная задача, то вы должны признавать, что судъ для меня не только власть, и что все, что творится въ русскомъ судѣ, есть

и мое, присяжного повѣреннаго, дѣло, ибо для этого я учился и работал. Вы уже не можете меня обвинять за мое вмѣшательство въ дѣло Бейлиса, вы должны смотрѣть на меня въ этомъ дѣлѣ такъ, какъ вы смотрите на самихъ себя, когда вы беретесь за гласное въ судѣ, въ литературѣ, въ ученыхъ обществахъ, истолкованіе законовъ. Вы всё,—всѣ судьи, всѣ судебныя инстанции,—толкуете законы. И всё вы, отъ мирового судьи до правительствующаго сената, всё тутъ равны, свободны и независимы. Такъ дозволяете же и намъ, тоже судебнымъ дѣятелямъ, свободно толковать и обсуждать дѣятельность судебныхъ мѣстъ, ибо, повторяю, судъ для меня всегда—авторитетъ, но власть онъ для меня лишь тогда, когда я ставлюсь съ нимъ въ личное отношеніе. Вотъ теперь, въ залѣ суда, что касается моего поведенія, я—въ подчиненіи передъ властью судебной. Когда судъ выноситъ приговоръ по дѣлу, въ которомъ я участвую, я подчиняюсь судебному рѣшенію и въ дальнѣйшемъ дѣйствую согласно велѣнію судебной власти. Тамъ судъ и я есть власть и подчиненіе. Въ остальномъ судъ—авторитетъ и родное мнѣ дѣло, жизненно мнѣ близкое.—Господа судьи! Представьте себѣ, что я не адвокатъ, а врачъ и бактериологъ. Какой-нибудь профессоръ Кохъ изобрѣтаетъ новое средство противъ туберкулеза, а я, въ своей лабораторіи, вижу, что это средство—губительно для человѣческаго организма. Скажите, имѣю ли я право предъ самими собой, въ силу своего профессиональнаго долга, имѣю ли я право предъ человечествомъ, въ силу своей профессиональной присяги,—молчать и не сказать во всеуслышаніе, что новый способъ лѣченія не спасаетъ, а губить будетъ человѣчскій родъ?!—Господа судьи! Рабочій годъ-за-годомъ стоитъ у машины и начинаетъ любить ее. Французскіе машинисты даютъ своимъ паровозамъ ласкательныя женскія имена. Такъ дозволяете же мнѣ, адвокату, уже полтора десятка лѣтъ защитнику, любить ту машину, при которой я служу! Дозволяете же мнѣ любить свое дѣло и страдать, негодовать и какъ личное несчастье переживать, когда я вижу, что машина эта испорчена, когда на мой взглядъ машина эта, такая для меня дорогая и родная, засорена, изуродована, искалечена!—Господа судьи! Я читалъ обвинительный актъ по дѣлу Бейлиса, я читалъ во время процесса, эту невѣроятную экспертизу и послѣ нея пошелъ на собраніе 23 октября. Но не это было предметомъ моего протеста. Вы—юристы и судьи и вы должны понять это различіе: все, происходившее тогда на судѣ, было для меня лишь доказательствомъ, вещественнымъ, документальнымъ доказательствомъ того, что я былъ правъ съ самаго начала въ своемъ взглядѣ на это дѣло, еще до суда, когда предо мной только выслушивалось это ужасное, злое ядро, которое именовалось—обвиненіемъ „человѣка съ черной бородой“ въ ритуальномъ убійствѣ.—Я сѣдѣлъ за ходомъ дѣла, ждалъ телеграммъ изъ залы суда, какъ, вѣроятно, ждали ихъ все до одинаго, кто теперь въ этомъ залѣ. Еще только два раза въ жизни я зналъ такое ожиданіе: это—во время войны и во время кишиневскаго, —на моей родинѣ,—погрома. Всякое утро, проглотивъ эти жестокіе газетные отчеты, я чувствовалъ, что задыхаюсь, что остаюсь наединѣ съ самимъ собой невыносимо.—Считайте, что я былъ не правъ. Считайте, что я долженъ былъ думать о дѣлѣ Бейлиса такъ, какъ думаетъ нашъ обвинитель, какъ думалъ обвинитель Бейлиса. Пусть такъ! Я все-таки остаюсь на другой сторонѣ человечества, ибо въ дѣлѣ Бейлиса мѣръ раскололся на двѣ половины, и на какой сторонѣ большинство количественное и качественное, спорить теперь не будемъ. Но т а к ъ думалъ и чувствовалъ тогда я.—Нужно было бѣжать къ кому-нибудь, понимающему, хотѣлось кричать о томъ, что творится въ дѣлѣ, которое я считалъ своимъ роднымъ, своей жизнью. И я пошелъ, господа судьи, измученный, къ своимъ товарищамъ,—пошелъ къ роднымъ адвокатамъ.—Въ ихъ сочувствіи, въ ихъ единодушій я былъ увѣренъ. Не было нужды агитировать, подстрекать и поддѣлывать рѣчами. Я зналъ это и видѣлъ, а, если я заговорилъ тогда, то потому, что Максимъ Васильевичъ Капала, который и самъ вовсе не былъ противъ резолюціи, былъ не понятъ собраніемъ. Такой пожаръ страстей и страданій горѣлъ тамъ, такой обвалъ негодованія и возмущенія тво-

рился тогда, столько муки и обиды, выношенной за тѣ долгіе мѣсяцы русской адвокатуры, рвалось наружу, такъ все было охвачено единодушнымъ порывомъ и сливалось въ одномъ воплѣ, что каждое слово возраженія, хотя бы и по формальному вопросу, вызвало всеобщее негодованіе.—Быть можетъ, я, подлинно, и сказалъ тѣ слова, что записаны въ протоколѣ. Стоить ли спорить о словахъ! Но смыслъ былъ вотъ какой, вотъ-что я говорилъ Капалау: „Не требуйте отъ меня выдержки и самообладанія, когда люди далеки и чужды, на другомъ концѣ свѣта, люди, которымъ нѣтъ дѣла до русскаго суда, нѣтъ дѣла, быть можетъ, и до еврейскаго народа, не выдержали и не сохранили самообладанія“.—Господа судьи! Мы, уголовные защитники послѣдняго десятилѣтія, прошли жестокою школою. Мы годами ходили подъ висѣльницами, мы десятки людей провозили на смертную казнь, мы терзались своимъ безспасимъ предъ лицомъ судебныхъ ошибокъ, которыя оплачивались человѣческими жизнями. Пройдя такую школу, можетъ ли человѣкъ иначе, какъ съ чувствомъ остраго страданія, взирать на то, что ему представляется жесточайшимъ нарушеніемъ процессуальнаго права,—права, охраняющаго на судѣ права истины и человѣческой личности, да еще въ какомъ судѣ,—въ судѣ присяжныхъ!..—Такъ чувствовалъ я, юристъ.—Не нужно быть юристомъ для того, чтобы знать, что есть у человѣка двѣ святыни, которыя да не дерзнетъ никто коснуться: мать и вѣра въ Бога.—А на мнѣ еще грузъ специальныхъ юридическихъ званій. Я—криминалистъ, я читаю уголовные законы и знаю, что законодатель такъ недавно еще издалъ новый законъ, насаждая въ странѣ вѣротерпимость, и провозглашалъ при этомъ слова Епископскаго Соборанія 1885 года: „Будьте истинными послѣдователями Христа, любите шовѣрцевъ и заблуждающихся, какъ братьевъ своихъ“. И еще напоминалъ тогда законодатель посланіе святѣйшаго синода отъ 18-го вѣка, не по поводу евреевъ, а по поводу татаръ полудикихъ, утѣшенемъ миссіонерами: „Не насилуйте сердца человѣческаго. Сердце человѣческое, насильственно оскорбляемое въ своей вѣрѣ, окаменѣваетъ“.—И вдругъ я увидѣлъ, что то, чему я учился у русскихъ профессоровъ, то, чему наставлялся отъ русскаго законодателя, это исчезло, перестало исполняться, и гдѣ же!—въ русскомъ судѣ!—Вы не позволите мнѣ цитировать теперь обвинительный актъ по дѣлу Бейлиса. Но вы не возбраните мнѣ сказать вамъ за своей отвѣтственностью: въ этомъ обвинительномъ актѣ я, имѣющій многолѣтній опытъ въ чтеніи обвинительныхъ актовъ, не нашелъ по вопросу о религіозномъ изувѣрствѣ, т.-е. по вопросу о внутреннихъ побужденіяхъ обвиняемаго, не нашелъ ни одной строчки, ни единого слова, которое бы касалось лично Бейлиса, ни единой улики или доказательства, его лично участвующихъ въ ритуальномъ изувѣрствѣ. Въ этомъ, главнымъ, вопросѣ тамъ рѣчь не о немъ, судимомъ человѣкѣ, а о народѣ его и о религіи его.—Говорю вамъ,—непосредственно свои нравственные впечатлѣнія, притягивающія меня къ явленіямъ жизни или отвращающія меня отъ нихъ, я проверяю, какъ юристъ. И здѣсь я проверялъ себя, читалъ и перечитывалъ и спрашивалъ себя: Да что же это такое!.. Здѣсь не лѣсъ по деревьямъ опредѣляютъ, а дерево по лѣсу именуютъ. Не потому лѣсъ дубовый, что въ немъ дубы растутъ, а дерево потому дубъ, что оно изъ дубоваго лѣса. Единственная въ изувѣрствѣ улика противъ человѣка была та, что онъ—изъ опредѣленной расы и такой-то религіи.—Господа судьи! Здѣсь было нестерпимое для юриста нарушеніе первѣйшихъ основъ уголовного процесса. Это—не промѣія слова. Типины нѣтъ въ моей душѣ, не было и тогда. Но это какъ разъ отъ того, что доказывать приходится и напоминать о простѣйшихъ вещахъ, которыя тогда вдругъ стали непонятными, вдругъ были забыты. Вамъ, судьямъ, эти истины должны быть близкими и родными.—Вы подумайте только! Если Бейлиса вчера обвиняли въ изувѣрствѣ (не въ убійствѣ, а въ изувѣрствѣ!) потому и только потому, что онъ еврей, что изувѣрна его религія, что съ древнѣйшихъ временъ извѣстна „вендетта сыновъ Іакова“, то почему бы сегодня не обвинять другого еврея въ ростовщической сдѣлкѣ на томъ основаніи, что ростовщичество есть расоваѣ

черта еврейской народности съ средних вѣковъ и объ этомъ писалъ еще великій сердцевѣдъ—Шекспиръ!.. А завтра съ равнымъ правомъ можно обвинять какого-нибудь татарина въ истязаніи христіанина по тому соображенію, что татары—народъ искони жестокой, чему примѣромъ времена Батыевы, а позднѣйшее испроверженіе татарскаго ита есть вѣковичный источникъ татарской „вендетты“!—Конструкция обвинительнаго акта по дѣлу Бейлиса ясна и проста,—я говорю, какъ юристъ, и говорю вамъ, криминалистамъ:—совершенно убійство, въ которомъ предполагается изувѣрство; еврейскій народъ, черезъ всю религію котораго проходитъ догматъ крови,—изувѣрнъ; Бейлисъ—еврей; выводъ: Бейлисъ обвиняется въ изувѣрскомъ убійствѣ.—Господа судьи! Я говорю о томъ, какъ я понималъ дѣло. Придите послѣ суда домой, въ своемъ кабинетѣ провѣрите меня по обвинительному акту Бейлиса, и, если вы найдете, что я изложилъ дѣло невѣрно, что я хоть въ единомъ словѣ отступилъ отъ того, что тамъ написано чернымъ по бѣлому, если вы найдете въ томъ обвинительномъ актѣ хоть единую дулику лично противъ Бейлиса, какъ изувѣра,—ваше будетъ право, закройте меня предъ всемъ обществомъ, какимъ угодно, клеймимъ!.. Такъ шло дѣло Бейлиса до суда, такъ оно шло и во время экспертизы. Я иду дальше въ своей самопровѣркѣ, и все—какъ юристъ. И когда я вижу, что эксперты на судѣ говорятъ присяжнымъ засѣдателямъ, къ тому же еще малограмотнымъ, говорить о томъ, что первоисточники еврейской религіи построены на догматѣ крови, говорить обо всемъ еврейскомъ народѣ, что его сыны проникнуты челоѣконенавистничествомъ, ибо гордыня и ненависть къ иноплеменикамъ есть основная черта еврейской расы; когда я вижу, что дѣтскую душу и той даже не щадятъ, ибо объ этомъ народѣ говорятъ, что дѣти его отъ рожденія уже ненавидятъ христіанъ, что дѣти Бейлиса смѣялись, когда ихъ отецъ ташилъ Андрию въ печь,—когда я вижу и слышу все это, меня оторопь беретъ. Да гдѣ же я живу?.. А это все было, было! Прочтите экспертизу, провѣрите!...—За всѣ 15 лѣтъ я подобно въ русскихъ судахъ не слышалъ.—И снова я себя провѣрялъ,—прежде всего по законодателью. У него я читаю, что основными законами страны этой вѣрѣ присвоена свобода, что этимъ миллионамъ дано „славить Бога Всемогущаго... по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ“. Господа судьи! Мы съ вами—юристы: мы должны вдумываться въ законъ и додумывать до конца. Разъ допущено законодательемъ свободное въ странѣ исповѣданіе религіи, значитъ допущены къ обращенію и книжные ея источники. Значитъ, просмотрѣны и провѣрены законодательемъ эти религіозныя книги,—просмотрѣна Бибія, провѣрены Талмудъ и Зогаръ. Значитъ, издавая ту статью основныхъ законовъ о еврейской религіи, законодатель установилъ, что нѣтъ въ этой религіи догмата крови, что нѣтъ тамъ призыва къ употребленію крови христіанскихъ дѣтей, не любодѣская эта религія! И вотъ, послѣ этого, присяжнымъ засѣдателямъ, малограмотнымъ людямъ, въ порядкѣ судебного разбирательства, отдается на пересмотръ вопросъ о чѣлѣ религіи, о вѣрѣ чѣлаго народа въ своего Бога, пересмотръ вопроса, рѣшеннаго законодательемъ и закрѣпленнаго имъ въ основныхъ законахъ имперіи!—Вотъ второе, прямо неимовѣрное, процессуальное нарушеніе, которое я видѣлъ и вижу въ дѣлѣ Бейлиса.—Господа судьи! Вы видите, я все время, отъ начала и до конца оставался и остаюсь юристомъ и къ дѣлу Бейлиса подходилъ и подхожу со стороны своихъ профессиональныхъ знаній, своего профессиональнаго опыта и по духу своего адвокатскаго служенія.—Господа судьи! Если вы считаете, что мы, адвокаты,—ремесленная корпорація и только, если вы полагаете, что вся наша дѣятельность есть одна легальность и больше ничего, что все для насъ исчерпывается ремесленнымъ примѣненіемъ закона, то, конечно, взаимное пониманіе между нами дѣло безнадежное. Но, быть можетъ, вы признаете и для себя и для насъ, сотрудиниковъ суда и права, что законъ это только рамки, только наложенныя пути нашей дѣятельности, а въ этихъ предѣлахъ и въ этихъ рамкахъ заданіе нашей профессиональной жизни гораздо глубже, что въ этихъ рамкахъ мы воплощаемъ въ жизнь высшія нравственныя цѣнности, которыя

должны лежать въ основѣ всякаго правопорядка, что наша задача, задача адвокатовъ, не одна только легальность, но и моральность, т. е. нравственный порядокъ, которому служите и вы, и мы, и самъ законъ.—Какъ только вы признаете это, вы скажете намъ: „Да, ваше право,—любить свое, судебное, дѣло. Ваше право,—сражаться тогда, когда это дѣло, на вашъ взглядъ, уродуется. Ваше право,—блести, судить и вѣдухъ говорить объ этомъ, своемъ, дѣлѣ“.—Господа судьи! Въ дѣлѣ Бейлиса есть еще одна черта, мрачная и мучительная. Эта черта—дѣти. Они-то, дѣти, привели меня въ собраніе 23 октября. Это было—дѣтскій процессъ, господа! Съ дѣтей все и началось. Изъ дѣтскихъ игръ создали кошмарную, кровавую сказку. Черезъ дѣтей и по дѣтскимъ душамъ шествовало это дѣло. Ибо дѣти проходили тамъ чрезъ жестока, безжалостныя, безчестныя руки всякаго рода добровольцевъ сыска, прежде чѣмъ попасть въ обставленное гарантіями слѣдственное мѣсто. „Задержали дѣтскую душу“, восклицала защита Бейлиса на судѣ.—Господа судьи! Мы всѣ уже въ томъ возрастѣ, когда мы отвѣчаемъ не только за себя самихъ, но и за дѣтей нашихъ. Вы вѣроятно, какъ и я, растите или растите дѣтей. Вы согласитесь со мной! Вѣдь, дѣти наши—это зеркало, прямое, неподкуное, во всей правдѣ отражающее нашу, взрослую жизнь. Дѣтская душа воспринимаетъ жизнь, какъ она есть, безъ отговорокъ, не хитря съ самой собой и безъ уступокъ, на которыя такъ часто идемъ мы, усталые и залуговившиеся въ нравственныхъ противорѣчіяхъ.—И я представлялъ себѣ, господа, что, вѣдь, это на годы, на десятилѣтія, заложена наша жизнь этой невѣроятной, вопиющей клеветой, на чѣлѣй народъ воздвинутой. Этимъ ядомъ самый воздухъ отравленъ, которымъ дышутъ наши дѣти. Какъ и чѣмъ отзовется эта отравна на моемъ ребенкѣ?!—Судябѣ было угодно, чтобы въ моемъ сынѣ сллилась кровь еврейскихъ раввиновъ и православныхъ священниковъ. И я сталъ бояться за свое дитя.—Когда въ городѣ становится извѣстно, что изъ вѣрнца вырвался тирѣрь, людей охватываетъ паника и матери загоняютъ съ улицы своихъ дѣтей и прячутъ ихъ отъ вырвавшася на улицу хищника. Но когда всенародно нзо дня въ день разглашаютъ, что въ странѣ, въ пережку съ остальнымъ населеніемъ, на свободѣ живетъ семь миллионъ хищниковъ—людоѣдовъ, хищниковъ тайныхъ и коварныхъ, ибо неизвѣстно и никто не знаетъ, кто изъ нихъ пьетъ дѣтскую кровь, а кто пѣтъ,—тогда становится страшно. И намъ и вамъ должно быть страшно, господа! Становится нестерпимо жить!—Ибо вы, если вы вѣрите въ насъ—людоѣдовъ, тогда кончены прогулки вашихъ дѣтей и дѣтскія игры на вольномъ воздухѣ, заберите ихъ въ дома, ни на шагъ ихъ отъ себя не отпускайте, на засовы закройте, заколите двери и окна! А мы, а я,—я прихожу въ домъ своего друга и не знаю, что думаютъ обо мнѣ въ его домѣ,—а вѣрнуть у нихъ въ души шевелятся тайное, жуткое подозрѣніе,—кто знаетъ, можетъ быть, и я принадлежу къ тѣмъ людѣдамъ, столь таинственнымъ никогда не изобличаемымъ, которыхъ ищутъ и найти не могутъ въ теченіе вѣковъ! И самое ужасное можетъ случиться со мной: дѣти будутъ пугаться меня...—Я этого ждалъ. Вѣдь, было время—не такъ давно это было,—дѣти играли въ смертную казнь. Теперь, быть можетъ, будетъ новая дѣтская игра—въ ритуальное убійство...—Въ одинъ прекрасный день придетъ мой маленький сынъ изъ Лѣтянога Сага, наслушавшись яньюшкихъ пересудовъ, и спроситъ меня: „А что, бабушка и дѣдушка, вправду, тоже бѣдятъ маленькихъ дѣтей?“...—Послѣ сказки о людѣдахъ, мое дитя будетъ ночью кошмарить и въ страшномъ дѣтскомъ снѣ людѣдъ представится ему въ образѣ моего отца или матери...—Господа судьи! Съ этимъ жить было нестерпимо!...—Мой сынъ подрастетъ и спроситъ меня: „Родившихъ тебя, отца твоего и мать твою, позорили обвиненіемъ въ людѣдствѣ, ибо такъ клеймили ихъ, еврейскую народность, ихъ еврейскую вѣру, а ты молчалъ?“...—И мнѣ стыдно будетъ смотреть въ глаза моему сыну...—Вы судите меня теперь за то, что я не молчалъ. Быть можетъ, этимъ я снялъ съ себя хоть часть того стыда!...—

Судъ возвращается къ допросу свидѣтелей.

Свид. прис. пов. Юдицкий показывает, что в общем собрании 23 октября он не был. Около 2 час. свидетель встретил на лестнице А. В. Бобринцева-Пушкина.

Свид. прис. пов. А. Я. Гальперн показывает, что он в общем собрании 23 октября присутствовал. Голосование производилось таким образом, что формальный вопрос было предложено голосовать поднятием рук. Засемь была произведена обратная проверка, т. е. было предложено поднять руки тем, кто считает, что общее собрание, вследствие отсутствия вопроса на повестку, некомпетентно обсуждать этот вопрос. После того, как большинством всех голосов против семи, формальный вопрос был разрешен утвердительно, было предложено поднять руки тем, кто против самой резолюции по существу. Таковых не оказалось. Потому кто-то из товарищей заявил: следует занести в протокол, что резолюция принята единогласно. Тогда двое товарищей, Алексеев и, кажется, прис. пов. Раздольский, заявили, что этого заносить не следует, потому что они воздержались от голосования по существу, в виду того, что они по первому, формальному вопросу голосовали против. Свидетель оставил общее собрание непосредственно после того, как резолюция была принята большинством всех присутствовавших против двух. Воздержавшихся было только двое. Все остальные голосовали совершенно одинаково. Присутствовало в собрании от 200 до 250 человек. Ни одного помощника присяжного поверенного свидетель в общем собрании не видел.

Н. В. Тесленко.—Скажите, как вы понимали смысл резолюции, против кого она была направлена?

А. Я. Гальперн.—По существу резолюции в самом собрании прений не происходило, потому что прения происходили по вопросу формальному. Вообще, говорили только о том, можно ли голосовать и обсуждать или нет. Могут сказать, как я лично понимал, именно, как протест против той агитации, которая создавалась в связи с делом Вейлиса, в связи с обвинением еврейского народа и его религии в употреблении христианской крови, в связи с той агитацией, которая правыми организациями была поднята по поводу этого дела.

Н. В. Тесленко.—Скажите, не раздавались ли, или не ходила ли по рукам в собрании резолюция в письменном виде, или она только была оглашена?

А. Я. Гальперн.—Она не ходила по рукам, насколько мне известно. Я ее не видал.

Н. Д. Соколов.—Вы не были в числе тех, которые воздержались, когда было предложено высказаться против?

А. Я. Гальперн.—Я считаю себя так же принявшим резолюцию, как и все сидящие здесь.

Свид. прис. пов. А. А. де-Плансон показывает, что он в общем собрании 23 октября принимал участие. И вопрос о допустимости обсуждения резолюции и самая резолюция голосовались. Резолюция была принята без прений.

Свид. прис. пов. Е. М. Шафирь показывает, что он в общем собрании 23 октября присутствовал. Резолюция была принята без возражений.

Свид. прис. пов. Ярославский в общем собрании 23 октября присутствовал, в голосовании формального вопроса участия не принимал, но против принятия резолюции не возражал. Рядом со свидетелем сидел прис. пов. Раздольский. Когда произносились речи по вопросу о допустимости или недопустимости обсуждения дела Вейлиса в собрании, он как будто бы порывался как-то замечания делать, но на самом деле эти замечания он обращал в сторону свидетеля своего соседа, что вызвало со стороны последнего совет обратиться к общему собранию. Тем не менее, по этому вопросу он ничего не говорил и только под конец собрания, когда было предложено считать резолюцию принятой общим собранием единогласно, и встал прис. пов. Алексеев и заявил, что если единогласно нельзя говорить, потому что некоторые были формально против допустимости обсуждения этого вопроса в собрании, а потому они должны считаться возражавшими и

по существу этой резолюции, тогда прис. пов. Раздольский стал говорить, но стал говорить опять-таки по вопросу о недопустимости обсуждения этого вопроса, на что ему замечали, что этот вопрос уже разрешен баллотировкой. При этом ему предложили возражать против резолюции по существу. На это он сказал, что против резолюции по существу он ничего не имеет сказать. Член совета М. В. Каляга высказался, по формальным соображениям, против обсуждения резолюции. Ему возражал Ф. А. Волкешинский.

Свид. прис. пов. Ульяновский в общем собрании 23 октября был. Резолюция была принята большинством всех голосов против 6—7 человек.

Свид. прис. пов. С. В. Каминский в общем собрании 23 октября был. Свидетель слышал речь прис. пов. Файншмидта, высказывавшегося против обсуждения резолюции по делу Вейлиса в данном общем собрании. Речь эта была встречена крайне несочувственно. Все общее собрание было единодушно за принятие резолюции. Даже прис. пов. Алексеев и другой, к нему присоединившийся, были, насколько понял свидетель, не против резолюции по существу, а против обсуждения ее в данном общем собрании. Утром 23 октября свидетель был по делу у В. В. Исаченко, причем последний долго не мог вспомнить, какое такое общее собрание должно в тот день состояться.

Свид. прис. пов. Н. Е. Штильмань в общем собрании 23 октября был, по вопросу о допустимости обсуждения резолюции от голосования воздержался, но за принятие резолюции голосовал вместе со всеми.

Допрос свидетелей закончен. С объяснениями выступают подсудимый В. В. Исаченко.

В. В. Исаченко.—Я хотел бы так фактическое объяснение. Здесь шла речь о том, что в собрании присутствовало несколько помощников присяжных поверенных. В том, что подписи их имеются в этом листе, в этом в значительной степени виноват я. Относительно пом. прис. пов. Михельсона меня спрашивал судебный следователь. Действительно, Михельсон расписался на листе и тут же заявил, что он пом. прис. пов., и немедленно вычеркнул себя. По этому вопросу судебный следователь меня допрашивал вторично, и я ему дал то же объяснение. Как попали пом. прис. пов. Куртужанский и Запорожец, я не помню. Но их имена стоят рядом с подписью Гаврилова, а так как Гаврилов сказал, что это Куртужанский передал ему лист для подписи, то, так как, они стояли рядом, то Запорожец передал также и ему. По вопросу относительно протокола я имю дать следующее объяснение: когда в конце собрания на меня была возложена обязанность составить протокол, я не считая себя вправе, да и не хотел отказываться от этой обязанности. Но, вместе с тем, я оказался в затруднительном положении, так как никаких заметок во время собрания, не будучи секретарем, не вел, и мне пришлось составлять протокол на память о заседании, которое происходило чрезвычайно бурно и во время которого я сам был чрезвычайно взволнован. Этим и объясняется некоторая неудачность протокола, и неточность. Невзрно приписана в нем речь и Идельсону. В не соответствующем действительности изложении переданы речи других ораторов. Я записывал так, как помнил. Я считал, что протокол, который в течение двух недель должен лежать в совете, может быть во всяком случае исправлен, если бы кому-нибудь было приписано не то, что он сказал. Но было два протокола. Особый протокол через несколько дней пошел по инстанциям и в общее собрание департаментов судебной палаты. Я составлял протокол тут же, в собрании, продиктовал машинисту и здесь же его составил. Но не подписал тогда протокола, потому что нужно было включить еще большую часть этого протокола, или, вкратце, не включить, а приобщить. Впоследствии это, конечно, и было сделано, а именно на другой день. Но на другой день меня уже не было в Петербурге, я уехал. По поводу слов прис. пов. Корша, будто в протокол занесено, что резолюция была принята единогласно, я думаю, что

прис. пов. Корш ошибается. Въ дѣлѣ есть черновикъ протокола, и въ черновикѣ нѣтъ слова „единогласно“ и только вставлены слова „большинствомъ собранія“ при словахъ: „голосуется и принимается“. Затѣмъ, по окончаніи собранія, я счелъ своею обязанностью, какъ секретарь, отправить на почту телеграмму. Подписалъ я ее тоже, какъ секретарь общаго собранія.

М. Л. Гольдштейнъ.—Имѣю честь покориѣше просить, разбить ссылку на наказъ присяжныхъ повѣренныхъ, на протоколъ осмотра 17 января 1914 г. дѣла кievскаго окружнаго суда о кievскихъ газетахъ „Кievская Мысль“ и „Южная Копѣйка“, въ которыхъ была напечатана въ выдержкахъ резолюція, вмѣняемая въ вину подсудимымъ. Затѣмъ покориѣше прошу принять отъ насъ приговоръ петербургскаго окружнаго суда по дѣлу Векермана, объявленный въ окончательной формѣ 13 мая, т.-е. мѣсяць тому назадъ, по поводу напечатанія статьи, почти совпадающей по смыслу, но болѣе рѣзкой по выраженіямъ, чѣмъ тѣ, о которыхъ идетъ рѣчь въ нашемъ дѣлѣ. По этому дѣлу, однако, послѣдовалъ оправдательный приговоръ петербургскаго окружнаго суда.

А. В. Бобрищевъ-Пушкинъ поддерживаетъ ходатайство **М. Л. Гольдштейна**.

Гов. прокурора высказывается противъ удовлетворенія ходатайства защиты.

Судъ, по совѣщаніи, постановляетъ огласить протоколъ осмотра дѣла о кievскихъ газетахъ, отказывая защитѣ въ ея ходатайствѣ о приобщеніи къ дѣлу приговора по дѣлу Векермана.

Судъ вновь допрашиваетъ свид. **О. О. Грузенберга**.

А. В. Бобрищевъ-Пушкинъ.—Скажите, пожалуйста, можете вы намъ вкратцѣ изложить исторію направленія дѣла Вейлиса къ дослѣдованію. Въ 1912 г. это ходатайство защиты не было удовлетворено?

О. О. Грузенбергъ.—Это было такъ. Я обратился въ кievскій судъ съ прошеніемъ, въ которомъ ходатайствовалъ о направленіи дѣла къ дослѣдованію въ виду вновь открывшихся обстоятельствъ. Боюсь быть неточнымъ, поэтому позвольте мнѣ сказать примѣрно:—прошеніе, скажемъ, поступило 10 или 12 июня, не помню, и оно лежало въ судѣ, приблизительно, 8 дней, а затѣмъ, послѣ того, какъ прошеніе уже лежало дней 8, оказывается, что прокуроръ палаты, пріѣхавъ изъ Петербурга, внесъ предложеніе о направленіи дѣла къ дослѣдованію въ виду вновь открывшихся обстоятельствъ, и вотъ тогда было произведено дополнительное слѣдствіе. Тогда и былъ поставленъ вопросъ о ритуальномъ убійствѣ и прокуроромъ ритуальный мотивъ былъ включенъ въ обвинительный актъ.

А. В. Бобрищевъ-Пушкинъ.—Скажите, вотъ тогда, когда былъ отказъ въ оглашеніи материаловъ по саратовскому дѣлу, не разгорѣлись ли страсти и въ правой печати не было ли оскорбленія суда?

О. О. Грузенбергъ.—Да, прямо указывалось. Я лично возражалъ противъ оглашенія данныхъ саратовскаго дѣла утверждая, что это недопустимо. Судъ согласился съ этими юридическими выводами, и тогда начались нападки въ правой печати на судъ. Но, какъ я уже имѣлъ честь доложить суду, эти нападки начались раньше со стороны товарища прокурора Вишера и гражданскихъ истцовъ, и они стали говорить, что „разъ нѣтъ Саратова, нѣтъ и Кieва“.

А. В. Бобрищевъ-Пушкинъ.—Я имѣю небольшое ходатайство: изъ стенографическаго отчета по дѣлу Вейлиса судъ можетъ убѣдиться, что пренія начались именно только 23 октября.

Судъ удовлетворяетъ, что пренія сторонъ въ дѣлѣ Вейлиса начались 23 октября.

По ходатайству подсудимаго прис. пов. **И. М. Рабиновича**, судъ удовлетворяетъ, что экспертиза по вопросу о ритуалѣ имѣла въ дѣлѣ Вейлиса мѣсто до 23 октября.

Предсѣдатель предлагаетъ каждому изъ подсудимыхъ, не дававшихъ объясненій суду, представить таковыя объясненія.

Прис. пов. А. О. Кань.—То объясненіе, которое я далъ судебному слѣдователю, могло представиться недостаточно опредѣленнымъ и яснымъ. Между тѣмъ, это объясненіе является единственнымъ матеріаломъ для

сужденія о моихъ дѣйствіяхъ. Поэтому я считаю долгомъ добавить и заявить, что я раздѣлялъ взгляды, выраженные въ резолюціи 23 октября, и голосовалъ вмѣстѣ съ товарищами за эту резолюцію.

Прис. пов. Я. Я. Селюкъ.—Мнѣ немного трудно говорить. Резолюція о такомъ крупномъ явленіи, какимъ было дѣло Вейлиса, настолько связана съ сложными переживаниями, что я боюсь затруднить васъ долгими разсужденіями. Съ другой стороны, нѣкоторые переживанія были у меня такія горькія, что я и сейчасъ не хочу о нихъ говорить.—То, что здѣсь высказалъ прис. пов. Соколовъ и Керенскій, конечно, въ общей части относится и ко мнѣ. Я хочу только добавить: то, что говорилъ сегодня **Ф. А. Волькенштейнъ**, напоминаетъ мнѣ и мое состояніе въ то время. Это время я пережилъ нѣсколько своеобразно. Я былъ боленъ, лежалъ въ больницѣ проф. Чистовича и каждое утро прочитывалъ почти всѣ газеты. Все это я переживалъ тамъ одинъ, не имѣя ни товарищей, ни возможности придти на общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ. Адвокатура для меня—моя большая семья. Адвокатура—единое цѣлое. Ибо адвокатъ не то, что студентъ, который одинъ ходитъ въ учебное заведеніе. Мы имѣемъ самоуправленіе. Оно насъ объединяетъ. Тѣ переживанія, которыя у меня были тамъ, въ больницѣ, усложнили мое состояніе. Какъ только я получилъ возможность выписаться, я немедленно явился въ общее собраніе, чтобы пообщаться съ товарищами и переболѣть все то, что я переживалъ, какъ и **Ф. А. Волькенштейнъ**, но, конечно, въ нѣсколько иныхъ условіяхъ. Къ этому добавлю: мое вполне сознательное отношеніе къ резолюціи, мое голосованіе за нее обусловливались кое-чѣмъ еще болѣе важнымъ. Это правильно отмѣтилъ прис. пов. **Бобрищевъ-Пушкинъ**, хотя онъ и отмѣлялся отъ другихъ подсудимыхъ. Онъ правильно указалъ, что для насъ, русскихъ людей, это была культурная задача, это было вопросомъ русской культуры. Это было то, противъ чего каждый изъ насъ, кто гордится своимъ званіемъ, не можетъ не протестовать. Разъ въ 20-мъ вѣкѣ возводится такое суровое, средневѣковое обвиненіе, разъ оно проходитъ черезъ сложный судебный аппаратъ, я, какъ адвокатъ, не могу не протестовать. Но протесты бывають разные. Протестъ студента, сидящаго еще на школьной скамьѣ, выливается въ одиночную или групповую форму. Конечно, если бы мы хотѣли протестовать такъ, мы прибѣгли бы къ другимъ способамъ. Но дѣло въ томъ, что наше профессиональное воспитаніе приучило насъ къ тому, что мы дѣйствуемъ и высказываемся отъ имени единаго цѣлаго. Такимъ единствомъ для насъ, конечно, является общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ. Предложеніе прис. пов. **Переверзева** послать резолюцію отъ имени общаго собранія присяжныхъ повѣренныхъ давало намъ чувство удовлетворенія. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать.

Прис. пов. Б. Г. Бергъ.—Я считаю своимъ долгомъ еще разъ подтвердить все то, что сказано мной на предварительномъ слѣдствіи. Во избѣжаніе недоразумѣній, повторяю, что я на этомъ собраніи былъ, голосовалъ за резолюцію съ полнымъ сознаніемъ того, что я дѣлалъ, и того, что обязанъ былъ сдѣлать. Затѣмъ я считаю нужнымъ въ нѣсколькихъ словахъ остановиться на мотивахъ, которыми я лично руководствовался, когда принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Вѣдь, каждый, понятно, какъ въ здѣсь уже и слышали, вкладывалъ немного свой отбѣнокъ, руководствовался тѣми или иными своими мотивами, свойственными его манерѣ понимать и чувствовать общественную жизнь и общественныя обязанности. Разумѣется, если бы только было выдвинуто обвиненіе въ ритуальномъ убійствѣ и только бы это и было характерно въ дѣлѣ Вейлиса, то я, все равно, такъ же какъ и мои товарищи, счелъ бы своей обязанностью по этому поводу публично высказаться. Ибо, дѣйствительно, предьявлять въ 20-мъ вѣкѣ средневѣковое обвиненіе по меньшей мѣрѣ странно, чтобы не сказать больше. Но, можетъ быть, одинъ фактъ еще не вывелъ бы меня изъ равновѣсія окончательно. Ибо, съ одной стороны, я счи-

тать и продолжая считать и до сих пор, что, в сущности, ни один здравомыслящий человек в настоящее время в подобное обвинение искренно верить не может, и поэтому влияние такого рода пропаганды не может быть особенно страшно. А с другой стороны, я глубоко вѣрил и страшно радъ констатировать, что меня не обманула моя вѣра въ то, что никогда и нигдѣ никакой составъ русскихъ присяжныхъ засѣдателей съ ихъ чужестранностью къ правдѣ и совѣстливостью своего штемпеля на подобнаго рода обвинение не поставитъ. Я въ этомъ смыслѣ высказывался во время хода процесса и могу привести свидѣтельство многихъ моихъ товарищей, съ которыми я бесѣдовалъ, взволнованный ходомъ событій во время процесса Бейлиса. Я тогда категорически утверждалъ и подчеркивалъ, что я вѣрю и знаю, что русскіе присяжные засѣдатели не способны вынести другой приговоръ, кромѣ оправдательнаго. Поэтому я говорю, что одна эта сторона дѣла, а именно введеніе ритуально мотивированнаго обвинительнаго акта, далеко еще не все, что меня въ этомъ дѣлѣ взволновало. Меня, собственно, волновало не столько то, что создано такое дѣло, сколько то, какъ оно создано. Въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, есть цѣлый рядъ фактовъ, которые обнаруживались каждый день во время хода процесса и производили подавляющее впечатлѣніе и указывали на наличность такихъ обстоятельствъ, передъ которыми невольно опускались руки. Оказывалось, что всѣ тѣ, кто, руководствуясь своей собственной совѣстью и просто своимъ здравымъ смысломъ, были противъ версіи о ритуалѣ, всѣ въ той или иной формѣ, въ той или иной степени гибли и страдали. Однихъ удаляли со службы, другихъ отстраняли отъ дѣла, которому они были преданы, третьимъ чинилась масса всевозможныхъ несправедливостей. Это не голословное утверждение. Достаточное доказательство тому—наше здѣсь присутствіе,—на скамьѣ подсудимыхъ. Неожиданно выплывали изъ преступныхъ подоловъ, облеченныхъ какимъ-то страшнымъ иммунитетомъ, фигуры людей, принесшихъ сознание въ совершенныхъ преступленіяхъ, и дѣла о коихъ оказывались прекращенными. Появлялись лица, которымъ надо бы отбывать уже наказаніе, но которыхъ почему-то оставались на свободѣ, окруженные своеобразнымъ почетомъ. Вотъ, вся эта атмосфера, которая создавалась вокругъ дѣла Бейлиса, дѣйствительно, подавляющимъ образомъ вліяла на меня, какъ на человѣка, который не можетъ относиться равнодушно къ судьбамъ своей родины и къ тому, что творится вокругъ него. Все это, повторю, можетъ быть, угнетало меня еще больше, чѣмъ то, что въ обвинительный актъ былъ введенъ средневѣковный предрасудокъ. Мы всѣ вѣдь понимали, что сказка о ритуалѣ есть только орудіе политической борьбы, орудіе, которое будетъ выброшено завтра, когда въ немъ не будетъ больше надобности. Между тѣмъ, тѣ—другія явления грозили надолго вѣдриться въ русскую жизнь. При такихъ условіяхъ, я и почувствовалъ, что то, что, можетъ быть, осталось единственно дорогимъ въ русской жизни—авторитетъ, независимость и безпристрастность суда—готово окончательно погибнуть въ этомъ водоворотѣ неблагоприятныхъ и гнусныхъ пріемовъ политической борьбы. Г.г. судьи. Я лично, какъ и всѣ мои товарищи, которые посвятили всю жизнь судебному дѣлу, мы всѣ прежде всего вѣримъ въ глубокое культурное и общественное значеніе суда, какъ такового, какъ идеи. И намъ всѣмъ представлялось, что только судъ, независимый и безпристрастный, въ который население вѣритъ, можетъ обезпечить странѣ достойное существованіе, ибо, вѣдь, роль суда сводится не только къ тому, чтобы бороться съ преступленіемъ, но, прежде всего, къ тому, чтобы служить оплотомъ честному человѣку противъ произвола, откуда бы онъ ни исходилъ и во имя чего бы онъ ни творился. Вотъ, въ тѣ дни величайшей опасности для русскаго суда мнѣ казалось бы страшнымъ, непонятнымъ и совершенно невозможнымъ, чтобы русская адвокатура не подняла своего голоса. Вѣдь, русская адвокатура съ момента своего возникновенія привыкла считать, что она не только занимается ремесломъ,

которое въ той или иной степени матеріально обезпечивается ея членами. Она вѣрила, вѣритъ и будетъ вѣрить всегда, что она несетъ извѣстныя общественныя и государственныя обязанности, что мы недаромъ облечены довѣріемъ общества и привилегіями, основанными на законѣ, что это насъ обязываетъ. Въ историческій моментъ, когда суду, дѣйствительно, грозила полная гибель—что бы сказали о насъ, если бы въ такую минуту мы промолчали. Поэтому наша резолюція не есть только крикъ наболѣвшей души. Это—прежде всего исполненіе той обязанности, которую мы приняли на себя въ день рожденія адвокатуры въ 1864 г. И теперь, когда наступаетъ 50-лѣтіе нашего существованія, мы съ гордостью можемъ сказать: того знамени, которое намъ было поручено 50 лѣтъ тому назадъ, мы въ рѣшительную минуту не опустили.

Прис. пов. С. И. Шировиндъ.—Я остаюсь при своихъ объясненіяхъ, данныхъ мною на предварительномъ слѣдствіи. Но на предварительномъ слѣдствіи не вполне отчетливо выяснено мое личное отношеніе къ этому дѣлу. Поэтому я долженъ добавить, что я вполне сознательно, въ полномъ убѣжденіи, что мы должны вынести резолюцію въ силу тѣхъ обстоятельствъ, о которыхъ я буду говорить или впоследствии или въ послѣднемъ словѣ, присоединился къ моимъ товарищамъ.

Прис. пов. В. С. Фришштейнъ.—Я остаюсь при своихъ объясненіяхъ, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи, и ничего добавитъ не могу, въ виду довольно подробныхъ объясненій, которыя я давалъ на предварительномъ слѣдствіи.

Прис. пов. В. А. Гольдбергъ.—Считаю необходимымъ категорически указать, что я голосовалъ вполне сознательно.

Прис. пов. А. Ю. Блохъ.—Я считаю нужнымъ подтвердить то, что мною было заявлено слѣдователю на предварительномъ слѣдствіи. Здѣсь, на судѣ, считаю долгомъ объяснить тѣ мотивы, которыми я руководился, когда принялъ участіе въ общемъ собраніи и голосовалъ за резолюцію. Какъ свѣрю, мнѣ было хорошо извѣстно, что у моихъ соплеменниковъ религіозныхъ преступленій ритуальнаго характера никогда не было и нѣтъ. Мнѣ было извѣстно, что всѣ процессы были либо плодомъ невѣжества и суевѣрія, либо преступленіемъ. Поэтому всякое обвиненіе ритуальнаго характера не могло не вызывать во мнѣ чувства глубокаго нравственнаго возмущенія. А тутъ были основанія думать, что не только невѣжество и суевѣріе, выдвигавшіяся на этой почвѣ противъ евреевъ всегда, но и сознательный расчетъ создавалъ такого рода обвиненія. Мнѣ еще хорошо извѣстно, по личнымъ переживаніямъ и по личному опыту, къ какимъ послѣдствіямъ, реальнѣйшимъ послѣдствіямъ для евреевъ, могутъ привести такія обвиненія. Еще помощникомъ присяжнаго повѣреннаго, въ 1905 году, я принялъ участіе въ разслѣдованіи погрома. На мѣстѣ своими глазами я видѣлъ тѣ результаты, къ которымъ приводитъ антисемитская пропаганда. Для меня было очевидно, что дѣло по обвиненію Бейлиса въ ритуальномъ убійствѣ возбуждено тѣми мрачными элементами, которымъ дорого не процвѣтаніе Россіи, а важно посягать зло. Вся обстановка дѣла приводила меня къ этому убѣжденію. Резолюція, которая голосовалась 23 октября, казалась мнѣ направленной именно противъ такой агитаціи, противъ черныхъ силъ. Такая резолюція не могла не встрѣтить во мнѣ самаго горячаго сочувствія. Тутъ свидѣтель фонъ-Эгертъ говорилъ, что, по его мнѣнію, резолюція была направлена противъ всего судебного вѣдомства. Это невѣрно. Она была направлена не противъ судебного строя и не могла быть противъ него направлена. Наоборотъ. Судебные уставы дороги не только г. фонъ-Эгерту. Мы считаемъ ихъ надежнѣйшимъ оплотомъ противъ повторенія подобнаго рода обвиненій. Но тѣмъ больше, когда за кулисами, укрываясь судебными уставами какъ щитами, создается такое дѣло. Мнѣ приходилось близко знакомиться съ общественными явлениями, въ частности съ жилищнымъ вопросомъ въ городѣ Петербургѣ. Позволю себѣ сослаться на совсѣмъ недавній примѣръ.

Совсем недавно, на Васильевском острове были обнаружены такие условия человеческого существования, такие жилищные условия, которые вызвали ужас и возмущение. Я делал доклад, сослался на этот примѣръ и указал, что это—поворот для г. Петербурга. Неужели из такого рода моего сообщения путем умозаключения можно вывести, что я имѣлъ въ виду оскорбить определенных лиц? Развѣ из такого моего заявления можно было сдѣлать выводъ, что здѣсь я имѣлъ въ виду петербургскаго градоначальника или петербургскую управу? Нѣтъ. Наша резолюція имѣла въ виду тѣ ужасныя явленія, которыя происходили передъ нашими глазами. Не реагировать на нихъ мы не могли.

Прис. пов. С. К. Вржосекъ.—Я остаюсь при первыхъ своихъ объясненіяхъ, данныхъ судебному слѣдователю, и оставляю за собою право дополнить ихъ въ послѣднемъ словѣ.

Прис. пов. П. А. Коровиченко.—Въ объясненіяхъ своихъ, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи, я ничего не измѣнилъ и оставляю за собою право послѣдняго слова.

Прис. пов. А. А. Исаевъ.—Я остаюсь при своихъ объясненіяхъ, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи, и оставляю за собою право послѣдняго слова.

Прис. пов. А. Ф. Яновскій.—Я хочу дать нѣкоторые объясненія. Мы, какъ подсудимые, находимся въ рѣдко счастливыхъ условіяхъ. Все мы единодушны. Все мы единогласно признали, что были на общемъ собраніи 23 октября. Правда, между многими изъ насъ, скажу даже, между всеми нами, есть расхождение во взглядахъ на вопросы общественной жизни. Этого никто не станетъ отрицать. Это вполне естественно и понятно. Но это не важно. На мой взглядъ, тутъ важенъ вопросъ адвокатской дисциплины. Важно то, чѣмъ должна быть адвокатура и какъ она должна себя проявлять. На мой взглядъ, поведение товарища Бобрішева-Пушкина въ нашемъ общемъ собраніи имѣетъ большее значеніе, чѣмъ поведение другихъ, фигурировавшихъ въ томъ залѣ 23 октября, а теперь здѣсь блистательно отсутствующихъ. Дѣло въ томъ, что меня, вмѣстѣ съ остальными подсудимыми, обвиняютъ, между прочимъ, въ томъ, что нашу резолюцію мы приняли самозванно отъ имени общаго собранія. Устанавливается вина лишь немногихъ изъ всѣхъ тѣхъ духостъ,—а можетъ быть, и больше,—которые, по удостовѣренію свидѣтелей, всѣ голосовали тогда за резолюцію и всѣ тогда понимали, какъ происходитъ это голосованіе. Все должны были понимать, что неподнятая рука означаетъ согласіе, такъ какъ то была отрицательная баллотировка: „кто противъ?“ Но этому есть свое объясненіе и свои случайныя причины. Причиной тому отчасти и то хожденіе на предварительное слѣдствіе, въ которомъ и я самъ фигурировалъ, въ роли подсудимаго. Насъ поражало, что, когда мы входили въ камеру судебного слѣдователя, насъ встрѣчали вопросомъ: „Вы, вѣроятно, 23 октября, пришли на собраніе очень поздно?“ Это насъ спрашивали по дѣлу, въ которомъ участіе наше было ясно съ начала и до конца. Обычно, вѣдь, спрашиваютъ какъ разъ наоборотъ: „какъ рано вы пришли на собраніе?“ Насъ спрашивали: „Вы были въ моментъ принятія резолюціи?“ Мы отвѣчали: „Да, были“. И намъ послѣ того ставилось на видъ, что „никакихъ уликъ противъ васъ нѣтъ, кромѣ вашего собственнаго признанія“. Выходило такъ, будто насъ хотятъ отдѣлать отъ остальныхъ привлеченныхъ. Вотъ чѣмъ, господа судьи, объясняется, я полагаю, что насъ здѣсь всего 25 человекъ, а не 200, которые были въ собраніи, и даже не 88, которые были записаны на листѣ явившихся. Меня обвиняютъ еще въ томъ, что резолюцію нашу я распространялъ. Объ этомъ достаточно говорилъ въ своей рѣчи товарищъ, посвятившій свою дѣятельность уголовнымъ дѣламъ. Я этого касаться не стану. Я хочу только сказать по вопросу о томъ, кого именно имѣла въ виду резолюція 23 октября. Объ этомъ я впервые узналъ изъ обвинительнаго акта. Оттуда я впервые узналъ о той громадной роли, которую имѣлъ министръ юстиціи, генераль-прокуроръ, въ дѣлѣ Вейлиса, какъ это приписывается ему,—не я подсудимый, а прокурорская власть, авторъ нашего обвинительнаго акта. Только отсюда и

тогда я и узналъ объ этомъ впервые. Послѣ этого, обсуждая наша резолюція теперь, быть можетъ, теперь и сужденія и пренія наши были бы иныя. Но тогда, 23 октября, никто изъ насъ, а въ частности и я, этого не имѣли въ виду и имѣть не могли. Я всегда посѣщаю наши общія собранія. Помель я на собраніи и 23 октября. Я ежедневно читалъ газеты самыхъ разнообразныхъ направленій. И тогда я зналъ изъ газетъ и по слухамъ, что руководящее направленіе дѣла Вейлиса приписывается не отдѣльнымъ лицамъ и не отдѣльнымъ учрежденіямъ. Главная фигура представлялась въ образѣ „студента на бѣломъ колѣ“, того студента, который впоследствии развѣзжалъ по Кіеву и въ подчиненіи которому были всѣ полицейскія власти въ городѣ Кіевѣ, отъ низшей до высшей. Если уже говорить о томъ, кого мы лично разумѣли подъ создателями дѣла Вейлиса, то я скажу: ни правыхъ, ни лѣвыхъ, а тѣ организациі, которыя теперь, послѣ разрухи, послѣ 1905 года, получили въ русской жизни какое-то особенное значеніе, безответственное значеніе. Истинные консерваторы, истинные „русскіе люди“, какъ А. В. Бобрішевъ-Пушкинъ, всегда отворачиваются отъ этихъ организациі, но онѣ, все-таки, имѣютъ громадное значеніе. Если меня теперь судятъ за то, что я нашей резолюціей выступилъ противъ этихъ организациі, если въ этомъ меня обвиняютъ, то, конечно, я вполне понимаю и ничего не имѣю противъ того, что сажу на скамью подсудимыхъ. У насъ, у адвокатовъ, есть разнаго рода оружіе. Въ частности, я принадлежу къ тѣмъ адвокатамъ, которые посвятили себя дѣламъ гражданскимъ. Но при всемъ различіи специальностей, каждый изъ насъ, все мы, адвокаты, въ нашемъ общемъ собраніи—не узкіе профессионалы и не узкіе ремесленники. Если теперь насъ обвиняютъ въ томъ, что въ обстановкѣ собранія 23 октября мы, самозванно и внѣ нашей компетенціи, всемъ собраніемъ приняли къ обсужденію и вынесенію резолюцію по вопросу общественнаго характера, если въ этомъ обвиненіе противъ насъ, то я заявляю, что стою за одно со всеми товарищами, бывшими на томъ собраніи. Я подтверждаю свои показанія, данные на предварительномъ слѣдствіи. Я хочу еще сказать, что, говоря о насъ, объ адвокатахъ, никакъ не говорить, чтобы на насъ могъ вліять кто-нибудь изъ участвовавшихъ въ собраніи. Передъ вами, господа судьи, прошелъ рядъ свидѣтелей. Все удостовѣрили, что резолюція сама по себѣ не обсуждалась. Ораторы на собраніи содержанія резолюціи не касались, ибо все, что было сказано въ этой резолюціи, было ясно и не требовало поясненій для насъ, присяжныхъ повѣренныхъ. Все мы въ каждый изъ насъ, прийдя на это собраніе, съ самаго начала уже знали и видѣли, что резолюція будетъ принята громаднымъ большинствомъ. И всѣ къ этому большинству, конечно, принадлежали. Стоялъ передъ нами только формальный вопросъ, поднятый однимъ изъ участниковъ собранія, я только по этому вопросу обнаружилось нѣкоторое разногласіе. Оно выразилось въ единицахъ, не свыше десяти человекъ, по удостовѣренію одного изъ главныхъ свидѣтелей обвиненія. Поэтому я отвергаю всякую мысль о какой бы то ни было „агитаціи“. Я отвергаю мысль, что на меня могъ повліять въ ту или другую сторону кто-нибудь изъ ораторовъ, говорившихъ въ собраніи 23 октября. Всею своею виною я всецѣло принимаю на себя, какъ на одного изъ участниковъ нашего общаго собранія.

Прис. пов. Л. М. Ямпольскій.—Остаюсь при тѣхъ объясненіяхъ, которыя я далъ на предварительномъ слѣдствіи. Могу только подтвердить, что голосовалъ вполне сознательно. Считаю, что исполнялъ этимъ свой долгъ, какъ адвоката и гражданина.

Прис. пов. Я. С. Розень.—Я подтверждаю то показаніе, которое далъ у судебного слѣдователя, и оставляю за собою право послѣдняго слова.

Прис. пов. Д. И. Хіенкинъ.—Я подтверждаю показаніе, данное на предварительномъ слѣдствіи, и оставляю за собою право высказаться въ послѣднемъ словѣ.

Предсѣдатель.—Имѣютъ стороны чѣмъ-нибудь дополнить судебное слѣдствіе?

Прис. пов. М. Е. Феодосьевъ.—Разрѣшите мнѣ сдѣлать поправку. Я взялъ протоколъ своего допроса и

боюсь, как бы потом не было недоразумѣнія. Это на листѣ дѣла 92. Въ этомъ протоколѣ, между прочимъ, значится: „по существу предъявленнаго мнѣ обвиненія объясняю: 23 октября на общемъ собраніи былъ при подсчетѣ бюллетеней“... Само собой разумѣется, что я голосовалъ не только по одному формальному вопросу, но, конечно, и по поводу резолюціи. Я вполне сознательно присоединился къ той резолюціи, которая была вынесена на общемъ собраніи. Я просилъ бы судъ относить мое голосованіе не только къ формальному голосованію, но и къ голосованію по существу.

Засѣданіе 5 июня начинается предложеніемъ председателя сторонамъ о дополненіи судебного слѣдствія.

М. Л. Гольдштейнъ.—9 ноября А. Ф. Керенскому, обвиняемому по настоящему дѣлу, врученъ обвинительный актъ за статью его, также по дѣлу Бейлиса, за почти аналогичныя выраженія, которыя имѣются въ резолюціи. Я просилъ о приобщеніи дѣла Векермана и Демидова, но это дѣло отличается отъ дѣла Векермана тѣмъ, что въ немъ обвиняется тотъ же Керенскій, который нынѣ судится по поводу того же дѣла Бейлиса. Поэтому, мнѣ кажется, предыдущій отказъ председателя не можетъ съ формальной стороны быть связанъ съ этимъ, а по существу имѣть, конечно, огромное значеніе, когда одно и то же лицо, по одному и тому же дѣлу, въ одномъ и томъ же судѣ будетъ судиться по разнымъ статьямъ.

Слово предоставляется подсудимому П. А. Коровиченко.

П. А. Коровиченко.—Вчера на вопросъ, подтверждаю ли я свое показаніе, я отвѣтилъ утвердительно, но я боюсь, что тутъ можетъ произойти недоразумѣніе: мое показаніе, данное у судебного слѣдователя, не было оглашено на судѣ, а потому матеріаломъ судебного слѣдствія оно можетъ служить лишь въ той его части, которая попала въ обвинительный актъ. Поэтому я считаю своимъ долгомъ подтвердить, что я просилъ бы все мое показаніе, записанное у судебного слѣдователя, во всемъ его объемѣ, считать правильнымъ и оглашеннымъ. А затѣмъ, такъ какъ я началъ уже говорить, то позвольте мнѣ дать нѣсколько дополнительныхъ поясненій. Получивъ утромъ 23 октября повѣстку отъ группы товарищей, я явился на общее собраніе, присутствовалъ на немъ до конца и голосовалъ за принятіе резолюціи и по формальнымъ основаніямъ и по существу. Голосовалъ я вполне сознательно, такъ какъ, дважды прослушавъ и прочитавъ ея текстъ, я хорошо зналъ каждую фразу этой резолюціи. Если я не выступалъ на общемъ собраніи съ рѣчами, то только потому, что самый вопросъ представлялся мнѣ достаточно выясненнымъ, и мнѣ казалось, что мое выступленіе будетъ уже излишнимъ. Я не принималъ рѣшительно никакихъ мѣръ къ распространенію этой резолюціи, но, разумѣется, я понималъ отлично, что она станетъ достояніемъ гласности. Если бы я предполагалъ, что она не будетъ достояніемъ гласности, то, быть можетъ, я и вовсе не явился бы на это общее собраніе, ибо для меня было крайне важно, чтобы наша резолюція получила наибольшее широкое распространеніе. Если бы я имѣлъ основаніе думать, что резолюція не получитъ такого распространенія, то, конечно, я принялъ бы мѣры къ ея распространенію. Думаю, что въ этомъ отношеніи мы все были въ равныхъ условіяхъ; вотъ почему никто изъ насъ не заботился о томъ, чтобы наша резолюція стала общезвѣстной. Я прекрасно зналъ, что нѣтъ такого постановленія общаго собранія присяжныхъ повѣренныхъ, которое не сдѣлалось бы достояніемъ гласности, безъ всякой съ нашей стороны активной къ тому дѣятельности. Въ этомъ отношеніи у меня лично никакихъ сомнѣній не было и быть не могло. Затѣмъ, мнѣ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ по поводу нѣкоторыхъ особенностей настоящаго процесса. Существуютъ такія болѣзни, которыя страшны не столько тѣмъ, что онѣ причиняютъ извѣстныя страданія, сколько тѣмъ, что онѣ передаются по наследству. Одною изъ такихъ болѣзней являлось дѣло Бейлиса. На организмѣ русскаго суда, въ лицѣ кievскаго суда, образовалась злокачественная опухоль—Вѣра Чеберякъ, которая, какъ наследственная болѣзнь, стала передаваться каждому новому

судебному процессу, связанному съ дѣломъ Бейлиса. Почти въ каждомъ новомъ процессѣ, имѣющемъ связь съ Вѣрой Чеберякъ, наблюдается какой-то порокъ, какое-то мучительное явленіе, которое разрушаетъ самую сущность, самый, такъ сказать, разумъ правосудія. И наше дѣло не является исключеніемъ въ этомъ отношеніи. Что это такъ, достаточно припомнить нѣкоторыя подробности нашего процесса. Въ самомъ дѣлѣ. 23 октября состоялось общее собраніе. 23 октября была вынесена резолюція. На слѣдующій день, 24 октября, въ правой газетѣ, въ „Новомъ Времени“, появляется эта резолюція. Если бы резолюція эта была преступна, то газета, напечатавшая ее, должна была бы быть привлечена къ ответственности. Между тѣмъ, газета не привлекается, но зато черезъ день, 25 октября, прокуроръ судебной палаты вноситъ предложеніе о привлеченіи членовъ совѣта и всехъ участниковъ общаго собранія къ уголовной ответственности, но не за оскорбленіе высшихъ въ государствѣ мѣстъ и лицъ, не по 279 ст., а по обвиненію въ бездѣйствіи власти и подлогахъ, мотивируя свое предложеніе ссылкой на то, что общее собраніе 23 октября было незаконнымъ и фальсифицированнымъ.

Председатель.—Подсудимый Коровиченко, прошу держаться тѣхъ рамокъ, которыя были опредѣлены въ началѣ процесса. Было опредѣлено, что вопросъ о компетентности собранія даннаго совершенно не входитъ въ предѣлы того разсмотрѣнія, которое поставилъ себѣ судъ. Такъ что, пожалуйста, переходите къ тому, что касается существа предъявленнаго обвиненія.

П. А. Коровиченко.—Прокуроръ судебной палаты ни однимъ словомъ не упомянулъ въ своемъ предложеніи о томъ, что въ нашей резолюціи содержится что-нибудь оскорбительное для кого бы то ни было, и вовсе не это было предметомъ предложенія его привлечь насъ къ уголовной ответственности, намека на это не было. Судебная палата, въ общемъ собраніи департаментовъ, признала такое предложеніе прокурора, основанное на статьяхъ о подлогахъ и превышеніи власти, неосновательнымъ, и въ своемъ постановленіи отъ 25 октября, предложила совѣту возбудить дисциплинарное преслѣдованіе противъ насъ, опять-таки по мотивамъ, ничего общаго не имѣвшимъ съ тѣми мотивами, по которымъ мы все сидимъ здѣсь. Въ этомъ постановленіи было сказано, что, независимо отъ компетентности или некомпетентности собранія, мы, какъ адвокаты и члены собранія, не призваны контролировать правительственную власть и высказывать свое одобреніе или порицаніе актамъ этой власти. И ни одного слова объ оскорбленіи и ругательствахъ. Рѣшительно никто, ни прокуроръ палаты, ни судебная палата, не усомнѣнъ тогда въ резолюціи, которая находилась у нихъ на разсмотрѣніи въ теченіе дѣлаго дня, наличности какихъ-либо признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго ст. 279. Впервые эта статья появляется 26 октября, въ предложеніи прокурора окружнаго суда на имя судебного слѣдователя Середы. Это—первая непонятная странность, наблюдаемая въ нашемъ процессѣ. Съ дальнѣйшимъ ходомъ процесса эти странности растутъ. Получивъ предложеніе прокурора, судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ Середы въ тотъ же день, 26 октября, приступаетъ къ производству слѣдствія по признакамъ 279 ст. Въ тотъ же день, не располагая еще рѣшительно никакими данными, не имѣя въ рукахъ ни одного документа, не допросивъ ни одного свидѣтеля, словомъ, не имѣя еще никакихъ свѣдѣній, сколько-нибудь относящихся къ дѣлу, судебный слѣдователь производитъ обыскъ и выемку въ помѣщеніи совѣта. Въ своемъ постановленіи о выемкѣ онъ пишетъ, что, „имѣя основаніе подозрѣвать, что будутъ приняты мѣры къ сокрытію и уничтоженію актовъ и другихъ бумагъ“, онъ постановилъ произвести выемку. Словомъ, сразу, по какимъ-то невѣдомымъ мотивамъ и даннымъ, хорошо зная, что участниками и виновниками составленія резолюціи могутъ быть только адвокаты и никто другой,—слѣдователь Середы отнесся къ намъ, какъ къ какимъ-то опаснымъ и закоренѣлымъ уголовнымъ преступникамъ. Развѣ такое отношеніе къ намъ, присяжнымъ повѣреннымъ, при данныхъ условіяхъ, не являлось оскорбительнымъ для насъ? Развѣ

были какия-либо основания подозревать меня и всех насъ, что мы будемъ что-то скрывать, уничтожать, будемъ замечать слѣды? Я указываю на все это потому, что вижу здѣсь тѣ же странныя, болѣзненные проявленія, характеризующія весь этотъ процессъ. Вѣдь нельзя же признавать обычной ту форму мотивировки, которую допустилъ въ данномъ случаѣ судебный слѣдователь Середа, приступая къ выемкѣ. Затѣмъ далѣе. Съ 26 октября, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, какъ говорится, отъ зари до зари, не покладая рукъ, судебный слѣдователь съ исключительной энергіей и неутомимостью производить разслѣдованіе по нашему дѣлу. Не знаю, велось ли когда-либо по серьезному и важному преступленію разслѣдованіе съ такой посѣпшностью и быстротою, какъ по нашему, адвокатскому дѣлу. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ было допрошено 156 человекъ, нѣкоторые изъ нихъ по 2—3 раза, былъ произведенъ цѣлый рядъ обысковъ и выемокъ, осмотръ документовъ, экспертиза почерковъ, совершена побѣдка въ Киевъ и т. п. У слѣдователя не было ни одного праздника, онъ работалъ съ ранняго утра до поздней ночи. Я не знаю, какъ были допрошены другіе товарищи, но могу удостовѣрять, что я лично просидѣлъ въ камерѣ слѣдователя отъ 5 час. дня до половины 12 ночи. И я могу сказать, что судебный слѣдователь, дѣйствительно, работалъ отъ зари до зари. При мнѣ онъ 3 раза телефонировалъ домой, сообщая о томъ, что обѣдъ откладывается. Конечно, это очень желательное явленіе, когда судебный слѣдователь съ такою энергіей производить порученное ему слѣдствіе, но въ данномъ случаѣ, мнѣ кажется, позволительно спросить: стоила ли игра свѣчъ?

Предсѣдатель.—Подсудимый Коровиченко, я вамъ даю очень много свободы въ смыслѣ передачи вашихъ впечатлѣній, но надо въ этомъ отношеніи за собою слѣдить, потому что, какъ работалъ судебный слѣдователь, это совершенно не разъясняетъ вопроса. Поэтому я прошу васъ въ этой части значительно сократить все, что вы хотѣте сказать.

П. А. Коровиченко.—Затѣмъ, въ дѣлѣ предварительнаго слѣдствія имѣется постановленіе слѣдователя отъ 16 ноября, о привлеченіи 83 присяжныхъ повѣренныхъ, въ качествѣ обвиняемыхъ. Когда судебный слѣдователь приступалъ къ слѣдствію, то, какъ я уже сказалъ, онъ не привлекалъ ни одного, начиная дѣло, какъ о проишествіи. Допросивъ 22 свидѣтеля, показанія коихъ не давали рѣшительно никакого матеріала для установленія числа и фамилій виновныхъ, судебный слѣдователь рѣшилъ вдругъ привлечь 83 обвиняемыхъ. Почему именно 83, никто не знаетъ. Цифра эта является совершенно искусственной и произвольной. Одинъ изъ моихъ товарищей, Яновскій, здѣсь, на судѣ указалъ на то, что всѣхъ насъ удивлялъ характеръ вопроса привлекаемыхъ. Дѣйствительно, судебный слѣдователь Середа прежде вопроса предупредительно пояснялъ намъ, что „противъ насъ никакихъ уликъ нѣтъ, никто на насъ не указываетъ, вы можете ничего не писать и ничего не показывать“. Создавалось впечатлѣніе, что самъ слѣдователь нѣсколько смущенъ большимъ числомъ обвиняемыхъ, что онъ какъ бы стремится къ тому, чтобы число ихъ сократилось. Въ концѣ января предварительное слѣдствіе заканчивается, а вскорѣ мы изъ обвинительнаго акта съ глубокимъ изумленіемъ узнаемъ, что большая часть обвиняемыхъ, по непонятнымъ причинамъ, не попала въ число подсудимыхъ. Насъ осталось только 25. Почему 25 и почему именно эти, сидяшіе здѣсь рядомъ со мною? Никто этого объяснить и понять не могъ. Между тѣмъ, изъ всѣхъ допрошенныхъ слѣдователемъ свидѣтелей только 3—4 лица показали, что они возражали противъ резолюціи по существу. Всѣ же остальные, чуть не въ одинъ голосъ говорили, что по существу противъ резолюціи они не возражали, а многие изъ освобожденныхъ отъ суда прямо даже заявляли, что голосовали вмѣстѣ съ большинствомъ. Какаѣ же разницы между, напр., мною, не говорившимъ рѣчей на собраніи, и тѣми, кто также ничего не говорилъ и такъ же, какъ я, молчаливо голосовалъ за резолюцію? Тѣ, кто фактически не былъ на собраніи—отсутствовалъ при обсужденіи по тѣмъ или инымъ

причинамъ,—естественно должны были быть освобождены. Но остальные—по какимъ основаниямъ они были освобождены? Попробуйте сравнить показанія подсудимыхъ съ показаніями остальныхъ,—вѣдь за рѣдкимъ исключеніемъ эти показанія тождественны. Эта искусственность привлеченія сначала обвиняемыхъ, а затѣмъ подсудимыхъ, является тою же ненормальностью, тѣми же странностями, которыми пронизываютъ весь процессъ. Единственнымъ объясненіемъ является, кажется, то, что нашъ процессъ есть органическое порожденіе большого въ самомъ своемъ корнѣ процесса Бейлиса—Чеберяка. Параллельно съ уголовнымъ, начато было и преслѣдованіе насъ въ дисциплинарномъ порядкѣ. Оно начато было съ тою же чрезвычайной посѣпшностью...

Предсѣдатель.—Вопросъ о дисциплинарномъ дѣлѣ я исключаю совсѣмъ изъ предметовъ обсужденія.

П. А. Коровиченко.—Да, я не буду распространяться, я скажу только, что совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ оправдалъ насъ, не усмотрѣвъ въ нашемъ поведеніи чего-либо, роняющаго наше достоинство. Въ нашемъ дѣлѣ есть еще одна подробность, о которой нельзя умолчать: это постановленіе слѣдователя о привлеченіи. Въ немъ невольно обращаетъ на себя вниманіе непомѣрно длинное, подробное и обстоятельное юридическое изслѣдованіе исторіи и смысла ст. 279. Я не могу сказать о себѣ, чтобы я былъ старымъ судебнымъ дѣятелемъ. Но я былъ нѣсколько лѣтъ военнымъ слѣдователемъ, и мнѣ пришлось, все-таки, много видѣть актовъ предварительнаго слѣдствія. Но я никогда еще не встрѣчалъ дѣла, въ которомъ судебный слѣдователь долженъ былъ потратить столько времени и труда на юридическій анализъ статьи уголовного закона, который надо было бы примѣнить къ дѣянію привлеченнаго, какъ въ данномъ случаѣ было сдѣлано слѣдователемъ Середою. И въ этомъ уже, мнѣ кажется, есть нѣкоторое доказательство того, что у суд. слѣдователя Середы не было твердой увѣренности, что къ намъ должна и можетъ быть примѣнена ст. 279 уд. о нак. Я не буду останавливаться на содержаніи этой статьи,—это сдѣлаетъ защита, для этого она сюда и пришла. Но нельзя по этому поводу не вспомнить, что „во многоглаголаніи нѣсть спасенія“. Если для убѣдительности приходится очень много доказывать, то положеніе, которое хотѣтъ доказать, отъ этого рѣдко выигрываетъ. Истина не требуетъ сложныхъ и длинныхъ доказательствъ. Вотъ, собственно говоря, все то, что я хотѣлъ сказать.

А. Ф. Керенскій.—Я долженъ сказать въ интересахъ истины, что судебный слѣдователь не ко всѣмъ обвиняемымъ былъ столь предупредителенъ. Когда онъ допрашивалъ меня, я сказалъ ему, что пока мнѣ не указаны ругательныя выраженія, которыя я употребилъ, и лица, которыхъ я ругалъ, я считаю, что обвиненіе ко мнѣ не предъявлено. Я сказалъ слѣдователю: „Чтобы не было недоразумѣній, я желалъ-бы знать, что угодно г. слѣдователю, чтобы я показалъ“. Онъ весьма любезно сказалъ мнѣ, что онъ желаетъ, чтобы я призналъ свою дѣятельность на собраніи.—Я это и показалъ.

Гов. прокурора.—По соображеніямъ, которыя я высказалъ уже однажды, я нахожу, что копій приговоровъ, о приобщеніи которыхъ ходатайствуется защита, не имѣютъ рѣшительно никакого значенія для настоящаго дѣла. Я поэтому полагаю бы въ ходатайствѣ отказать.

А. В. Бобріщевъ-Пушкинъ.—Я присоединяюсь къ ходатайству защиты о приобщеніи этихъ документовъ къ дѣлу, находя, что это имѣетъ значеніе хотя бы для выясненія характера дѣятельности одного изъ подсудимыхъ. Затѣмъ я присоединяюсь къ ходатайству Коровиченко о томъ, чтобы и мои показанія у судебного слѣдователя считались ослабленными.

А. Ф. Керенскій.—Я, съ своей стороны, прошу разрѣшенія сослаться на мои показанія для того, чтобы установить, что моя точна зрѣнія на дѣло Бейлиса, на то, что я считалъ основнымъ преступленіемъ въ этомъ дѣлѣ, не мѣнялась въ зависимости отъ того, говорилъ ли я какъ гражданинъ или какъ членъ семьи

адвокатовъ. Я желалъ-бы, чтобы вы видѣли, что я, дѣйствительно, постоянно говорилъ одно и то же.

М. Л. Гольдштейнъ.—Намъ кажется, что приобщеніе этихъ документовъ имѣетъ прямое отношеніе къ вопросу о составѣ преступленія, и вотъ по какимъ соображеніямъ: тотъ же Керенскій не въ резолюціи, которую, можетъ быть, по краткости, она исчерпывается нѣсколькими строками,—такъ можно истолковать, что нѣтъ опредѣленныхъ указаній на лицъ,—но и въ спеціальной статьѣ, помѣщенной въ журналъ, гдѣ онъ имѣлъ не только строки, но и страницы въ своемъ распоряженіи, опять-таки никакихъ указаній на лицъ не сдѣлалъ. А вѣдь тутъ идетъ та же борьба съ явленіемъ, которое Керенскій клеветитъ. Это имѣетъ прямое отношеніе къ настоящему дѣлу, и я считаю необходимымъ приобщить эти документы.

Судь, по совѣщаніи, ходатайство защиты оставляетъ безъ послѣдствій.

Предсѣдатель объявляетъ судебное слѣдствіе законченнымъ.

Слово предоставляется товарищу прокурора.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ дѣлу 25 с. петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.

На имя осужденныхъ петербургскихъ адвокатовъ продолжаютъ, въ большомъ количествѣ, прибывать привѣтствій.

Изъ Москвы получена на имя предсѣдателя с.-петербургскаго совѣта телеграмма слѣдующаго содержанія: „Присимъ васъ не отказать передать наше глубокое сочувствіе двадцати пяти товарищамъ, выступившимъ въ защиту высокихъ принциповъ права и поддержавшимъ достоинство русской адвокатуры. Предсѣдатель совѣта Доброхотовъ. Члены совѣта Восяцкій, Воскобойниковъ, Лисинъ, Лютеръ, Марковъ, Михневскій, Муравьевъ“.

Изъ Москвы: „Прошу присоединить мою подпись къ телеграммѣ московскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, на которой не могъ подписаться вслѣдствіе тяжелой болѣзни. Членъ совѣта Костенекій“.

Изъ Москвы: „Прошу присоединить мою подпись къ телеграммѣ московскаго совѣта, выражающей сочувствіе осужденнымъ товарищамъ. Членъ московскаго совѣта Филатьевъ“.

Изъ Саратова: „Саратовскіе товарищи шлютъ осужденнымъ товарищамъ привѣтъ и выражаютъ свое сочувствіе. Пусть мужаются и вѣрятъ, что судъ общественнаго мнѣнія ихъ понимаетъ, цѣнитъ и оправдываетъ (слѣдуетъ 60 подписей)“.

Изъ Ростова-на-Дону: „Привѣтствуя товарищей, исполнявшихъ долгъ адвокатуры стоять на стражѣ права, ростовскіе присяжные повѣренные и помощники выражаютъ осужденнымъ свое сочувствіе и солидарность“.

Изъ Орла: „Орловская адвокатура, солидарная съ петербургскими товарищами, подавшими свой голосъ въ защиту достоинства русскаго суда, шлетъ свой привѣтъ“.

Изъ Симбирска (на имя Н. Д. Соколова): „Симбирская адвокатура привѣтствуетъ васъ и вашихъ товарищей за мужественное слово въ защиту традицій судебныхъ уставовъ. Будучи призвана бороться за право путемъ свободнаго слова, адвокатура въ лицѣ васъ и вашихъ товарищей стойко и открыто при тяжелыхъ общихъ политическихъ условіяхъ въ жизни страны выступила въ защиту этого дорогаго для всей русской адвокатуры принципа (слѣдуетъ 12 подписей)“.

Изъ Калуги: „Просимъ передать осужденнымъ товарищамъ, поднявшимъ голосъ за право и правду, наше

искреннее сочувствіе и глубокое уваженіе. Члены калужской адвокатуры (слѣдуетъ 14 подписей)“.

Изъ Томска: „Просимъ передать наше глубокое сочувствіе и уваженіе нашимъ осужденнымъ товарищамъ (слѣдуетъ 20 подписей)“.

Изъ Омска: „Привѣтствуемъ осужденныхъ товарищей. Вѣримъ, что русская адвокатура дѣятельно объединится въ борьбѣ за свои права и общественное достоинство (слѣдуетъ 26 подписей)“.

Изъ Красноярска: „Группа адвокатовъ далекаго Красноярска проситъ передать двадцати пяти пострадавшимъ товарищамъ свой привѣтъ и искреннее сочувствіе и глубокое сожалѣніе, что публичное выраженіе чувства, волновавшего всѣхъ во время процесса Бейлиса, вызвало столь тяжкія послѣдствія (слѣдуетъ 7 подписей)“.

Изъ Воронежа: „Воронежская присяжная адвокатура гордится осужденными петербургскими товарищами, проявившими столько гражданского мужества“.

Изъ Костромы: „Осужденнымъ борцамъ за культуру и правосудіе душевный привѣтъ костромской адвокатуры. Николай Огородниковъ“.

Изъ Екатеринбургa: „Екатеринбургская адвокатура проситъ передать осужденнымъ товарищамъ горячее сочувствіе (слѣдуетъ 29 подписей)“.

Изъ Екатеринослава: „Просимъ передать всѣмъ осужденнымъ по 279 статьѣ товарищамъ наше искреннее сочувствіе и глубокое уваженіе. Екатеринославскіе адвокаты (слѣдуетъ 33 подписи)“.

Изъ Симферополя: „Симферопольская присяжная адвокатура проситъ васъ передать привѣтъ и сердечное сочувствіе осужденнымъ товарищамъ, честно и смѣло исполнившимъ свой гражданскій долгъ (слѣдуетъ 32 подписи)“.

Изъ Кіева: „Присимъ передать нашъ горячій дружескій привѣтъ и признательность осужденнымъ товарищамъ за ихъ мужественное отстаиваніе правъ на независимость мнѣній и сужденій нашего сословія. Сословіе гордится имъ, не забудетъ ихъ заслугъ и страна. Распорядительный комитетъ кіевской консултанціи присяжныхъ повѣренныхъ“.

На имя Ф. А. Волькенштейна: „Привѣтъ, сочувствіе и уваженіе дорогому товарищу. Искренно сожалѣю, что вынужденное отсутствіе не позволило мнѣ ближе къ вамъ переживать тревожныя минуты вашей и сословной жизни. Душевно вамъ преданный Карабчевскій“.

Изъ Перкіярви: „Чувствую потребность выразить глубочайшее почтеніе и сочувствіе дорогимъ коллегамъ, стойкимъ защитникамъ права, справедливости и гуманности. Мышь І“.

Получены также привѣтствія отъ проф. В. Н. Твердохлѣбова, проф. М. С. Грушевскаго, члена I гос. думы кн. В. А. Оболенскаго, проф. С. Метальникова, прис. пов. Генкена, члена III гос. думы А. Булата, отъ кіевскаго комитета партіи народнаго свободія, прис. пов. Люкумовича, кіевскаго женскаго общественнаго собранія, группы либавскихъ латышскихъ рабочихъ, отъ 23 политическихъ семейныхъ изъ Томска, отъ П. Жорданія, отъ еврейскихъ рабочихъ гор. Гомеля, отъ группы политическихъ семейныхъ изъ Нарыма.

Изъ иностранной юридической жизни.

Преступленія противъ нравственности и благопристойности въ новеллѣ къ голландскому уголовному кодексу.

Болѣе, чѣмъ что либо другое, область морально допустимаго опредѣляется общественными воззрѣніями. Криминалистика не имѣетъ дѣла съ чистой этикой. Сфера половой нравственности едва ли не единственная, допускающая вмѣшательство уголовного права. И колебанія устанавливаемыхъ здѣсь запретовъ свидѣтельствуютъ о далеко неодинаковой у народовъ, находящихся на равной ступени культуры, оцѣнкѣ соответствующихъ явленій.

Любопытныя данныя о подлежащемъ раздѣлѣ голландскаго уголовного уложенія сообщаетъ референдаръ Йоганнесъ Зейдель. Вопросы этому посвящена XIV-ая глава второй книги и VI-ая глава третьей книги. Голландскій кодексъ выноситъ за одну скобку какъ непосредственную половую мораль, такъ и особенно чувство стыдливости, въ связи съ общей благопристойностью и цонятіемъ добропорядочности. Соответственно этому, мы и находимъ въ указанныхъ главахъ, на-ряду съ подлинными, т. е. обычными „преступленіями противъ нравственности“, и такіе деликты, какъ злоупотребленіе алкоголемъ, пренебреженіе своими обязанностями по отношенію къ дѣтямъ и азартныя игры. Въ литературѣ не разъ подвергалась критикѣ эта система, отказывающаяся учитывать специфическій характеръ преступленій, источникомъ которыхъ является исключительно половая область. Но вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчались и достоинства попытки объединить воедино цѣлый рядъ поступковъ, не заключающихъ въ себѣ осязательнаго нарушенія подающихся точной оцѣнкѣ интересовъ, не запрещенныхъ под страхомъ кары потому, что всякое нормальное третье лицо, воспринимающее ихъ съ чувствомъ внутреннего моральнаго протеста и ощущеніемъ грубо нарушенной благопристойности.

Рѣзко бросающійся въ глаза контрастъ съ чрезвычайной чувствительностью закона въ вопросахъ благопристойности образуетъ фактъ ненаказуемости кровосмѣшенія, мотивируемый тѣмъ, что уголовное уложеніе не является кодексомъ морали. Не признается далѣе преступленіемъ противъ нравственности похищеніе женщины, квалифицируемое какъ деликтъ противъ личной свободы, и двоеженство, относимое къ группѣ преступленій противъ личнаго состоянія. Абортъ преслѣдуется, какъ преступленіе противъ жизни. Приготовительныя къ выкидышу дѣйствія характеризуются, напротивъ, согласно послѣдней новеллѣ, какъ деликтъ противъ нравственности. Торговля женщинами, должествующая быть отнесенной къ числу преступленій противъ личной свободы, въ общей системѣ болѣе всего приближающихся къ торговлѣ рабами, тою же новеллой характеризруется, какъ деликтъ противъ нравственности. Объясняется это тѣмъ, что во время совѣщаній второй палаты по поводу проекта, которому неизвѣстенъ былъ вообще особый составъ указанного преступленія, послѣднее отдѣлено было отъ сводничества. За похищеніе женщины назначено, въ связи съ этимъ, такое же наказаніе, какъ и за тяжелое сводничество: тюрьма на срокъ до пяти лѣтъ, тогда какъ за торговлю рабами положена тюрьма срокомъ до 15-ти лѣтъ.

Необходимость новой регуляции постановленій уголовного кодекса о деликтахъ противъ нравственности обнаружилась уже давно. Но разработка и, въ особенности, соглашеніе съ палатами заняли около одиннадцати лѣтъ. Со стороны парламента заявленъ былъ цѣлый рядъ весьма серьезныхъ выраженій. Главнѣйшее изъ нихъ сводилось къ тому, что законодатель выходитъ сплошь и рядомъ изъ установленныхъ ему границъ, превращаясь то-и-дѣло въ

судью нравовъ. Лишь послѣ продолжительныхъ дебатовъ удалось добиться по этому вопросу соглашенія. Въ преимуществахъ новаго закона никто, однако, сейчасъ не сомнѣвается.

ХРОНИКА.

Въ третью очередь губерній, въ которыхъ будетъ вводиться законъ о мѣстномъ судѣ, предположено включить губерніи: петербургскую, московскую, новгородскую, валужскую, нижегородскую, разанскую, смоленскую, тверскую, тульскую, саратовскую, пензенскую, самарскую, казанскую и симбирскую.

Ярославское и уфимское губернскія земства возбудили передъ министромъ юстиціи ходатайство о введеніи въ этихъ губерніяхъ закона о мѣстномъ судѣ во вторую очередь. Министръ юстиціи въ своемъ заключеніи по этому поводу, представленномъ въ совѣтъ министровъ, высказывается противъ удовлетворенія этихъ ходатайствъ, указывая, что ярославская и уфимская губерніи по плотности населенія занимаютъ 19 мѣсто, почему онѣ не включены и въ третью очередь губерній, въ которыхъ будетъ вводиться законъ о мѣстномъ судѣ.

2 іюля состоялось подъ предсѣдательствомъ ст.-секр. П. Л. Горемыкина очередное засѣданіе совѣта министровъ. Большая часть засѣданія была занята обсужденіемъ разработаннаго особымъ междувѣдомственнымъ совѣщаніемъ, подъ предсѣдательствомъ государственнаго контролера ст.-секр. П. А. Харитонова, законопроекта по новому положенію о казенныхъ заготовленіяхъ и работахъ, такъ какъ нынѣ дѣйствующее положеніе о казенныхъ поставкахъ и подрядахъ сильно устарѣло. Проектомъ устанавливаются три способа выполненія потребныхъ для казны предметовъ и сооружений: подрядами, приобрѣтеніемъ за наличныя деньги и наймомъ, и опредѣляются условія примѣненія каждого изъ этихъ способовъ. Министрамъ и главноуправляющимъ предоставляется право разрѣшать заготовленія и работы по ихъ вѣдомствамъ на любыя суммы въ предѣлахъ отпущенныхъ имъ кредитовъ, а подчиненнымъ имъ учрежденіямъ и лицамъ—въ предѣлахъ по уполномочію начальника вѣдомства. На производство работъ и заготовленій въ началѣ каждаго года вѣдомствами составляются подробные планы. Далѣе, проектъ упрощаетъ и облегчаетъ для подрядчиковъ условія участія въ соисканіяхъ, внесенія залоговъ, полученія задатковъ и пособій. Вводится нѣкоторые новые виды принимаемыхъ въ залогъ имуществъ, именно пароходовъ и подвижнаго железнодорожнаго состава. Нѣкоторыя категоріи лицъ и учреждений, берущихъ на себя подряды, предполагается вовсе освободить отъ требованія залоговъ, именно: кустарей, переселенцевъ и учрежденія попечительства о трудовой помощи. Точно опредѣляются проектомъ также важнѣйшіе моменты сдачи и приемки выполненныхъ подрядныхъ работъ, что имѣетъ большое значеніе для своевременныхъ

разчетовъ съ подрядчиками. Для всесторонняго освѣдомленія вѣдомствъ по вопросамъ, касающимся казенныхъ заготовленій и работъ, при министерствѣ торговли и промышленности предполагается учредить особый «совѣтъ по дѣламъ казенныхъ заготовленій», къ участию въ которомъ привлекаются также представители промышленности. Дѣйствіе новаго положенія предполагается распространять на всѣ казенные заказы, кромѣ выполняемыхъ средствами и распоряженіемъ самой казны, напр., на казенныхъ заводахъ. На Финляндію дѣйствіе новаго положенія не распространяется. Одобривъ основныя положенія проекта по существу, совѣтъ министровъ постановилъ передать его для установленія окончательной редакціи въ особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ ст. секр. П. А. Харитоновъ, съ тѣмъ, чтобы въ окончательной редакціи проектъ вновь былъ представленъ на уваженіе совѣта министровъ.

Разработанный министерствомъ торговли законопроектъ о забастовкахъ теперь разсматривается отдѣльными вѣдомствами. Большинство вѣдомствъ уже дали свои заключенія, и въ іюлѣ новый проектъ правилъ о забастовкахъ поступитъ на обсужденіе совѣта министровъ. Законопроектъ въ окончательной формѣ предполагается представить въ гос. думу въ теченіе осенней сессіи.

Вопросъ о таможенномъ объединеніи Финляндіи съ остальной имперіей находится на разсмотрѣніи особаго совѣщанія, образуемаго при министерствѣ финансовъ, подъ предсѣдательствомъ члена гос. совѣта С. Ф. Вебера. Такъ какъ во время совѣщанія выяснилось, что вопросъ о таможенномъ объединеніи обѣихъ частей имперіи затрагиваетъ, главнымъ образомъ, ихъ торгово-промышленные интересы, то на этомъ основаніи въ настоящее время въ правительственныхъ кругахъ возникъ вопросъ о передачѣ всего этого дѣла изъ вѣдѣнія министерства финансовъ въ вѣдѣніе министерства торговли и промышленности. Возможно также, что С. Ф. Веберъ сложитъ съ себя предсѣдательствованіе въ совѣщаніи. Предсѣдательствовать въ такомъ случаѣ будетъ одинъ изъ товарищей министра торговли и промышленности.

Библиографія.

Законы о вознагражденіи потерпѣвшихъ вредъ и убытки вслѣдствіе смерти или поврежденія въ здоровьѣ, причиненныхъ желѣзнодорожными и пароходными предпріятіями.—Томъ I. Статьи 683 и 684 законовъ гражданскихъ (св. зак. томъ X часть I) съ систематизированными разъясненіями правительствующаго сената (по гр. касс. д-ту, угол. касс. д-ту и общему собранію I и касс. д-товъ). Составили О. А. Ферсманъ и А. А. Фруктовъ.—С.-Петербургъ. 1914.—Стр. XIV+352. Ц. 2 р.

Появившійся въ недавнее время въ печати первый томъ этого сборника содержитъ въ себѣ текстъ 683 и 684 ст. X т. I ч. зак. гражд. съ систематизированными разъясненіями прав. сената какъ по гражданскому касс. департаменту, такъ и по уголовному касс. д-ту и общему собранію I-го и касс. деп.-товъ. Настоящее изданіе отличается тѣми же достоинствами, какія ха-

рактеризуютъ общій уставъ російскихъ жел. дорогъ г. Фруктова. Полнота даваемого настоящей книгой матеріала, плѣссообразное размѣщеніе его по отдѣльнымъ пунктамъ 683 ст., приведеніе рѣшеній сената не въ видѣ однихъ лишь краткихъ положеній, извлеченныхъ изъ рѣшеній, а помѣщеніе ихъ полностью и притомъ подлинными словами кассационныхъ рѣшеній, приведеніе всего матеріала въ систему въ предѣлахъ каждаго пункта 683 ст., а наряду съ этимъ—подробное оглавленіе и весьма обстоятельно составленный предметный указатель, которыми снабжена настоящая книга, дѣлаютъ ее особо приспособленной для нуждъ юристовъ—практиковъ, какъ судей, такъ и повѣренныхъ, которымъ приходится вѣдаться съ, такъ называемыми, желѣзнодорожными „увѣчными“ дѣлами. Въ книгѣ приведены также текстъ и разъясненія сената статей 1382—1384 гражданского кодекса, дѣйствующаго въ губерніяхъ Царства Польскаго и подлежащихъ статей (3444 и др.) свода гражданскихъ узаконеній губерній прибалтійскихъ, соотвѣствующихъ ст. 684 и сл. нашихъ законовъ гражданскихъ. Въ концѣ книги, кромѣ предметнаго указателя, помѣщенъ указатель приведенныхъ въ ней рѣшеній сената, по которому легко найти въ самой книгѣ, не прибѣгая къ сборникамъ подлинныхъ рѣшеній, текстъ каждаго рѣшенія.

К. Штральборнъ.

Судебная и судебно-административная практика.

Судебный департаментъ правительствующаго сената.

Договоръ подряда. Значеніе внесенія залога.

Ходатайствуя объ отмѣнѣ рѣшительнаго опредѣленія с.-петербургскаго коммерческаго суда, коимъ отказано въ искѣ Ивана Карбовскаго къ обществу волго-бугульминской жел. дороги о взысканіи 11.300 руб. убытковъ, происшедшихъ отъ недачи первому подряда,—истецъ-апелляторъ указывалъ, что фактъ передачи ему отвѣтнымъ обществомъ подряда на сумму въ 51.900 руб. подтверждается протоколомъ правленія сего общества, а равно нотариальнымъ его, истца, заявленіемъ обществу и внесеніемъ 2.600 руб. залога. Правительствующій сенатъ находить, что, по точному смыслу закона (ст. 1742 т. X, ч. 1), договоръ подряда долженъ быть облеченъ обязательно въ письменную форму, между тѣмъ какъ такового договора въ данномъ дѣлѣ нѣтъ. Что же касается постановленія правленія общества, занесеннаго въ протоколъ, то оно содержитъ въ себѣ лишь одностороннее волеизъявленіе отвѣтнаго общества передать Карбовскому подряду за сумму 51.900 руб. и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предложеніе техническому отдѣлу выработать договоръ съ Карбовскимъ, но изъ сего не видно, чтобы Карбовскій согласился на эти условія. Не можетъ, по мнѣнію правительствующаго сената, служить доказательствомъ заключенія договора подряда и одно внесеніе залога, такъ какъ залогъ можетъ быть внесенъ не только во исполненіе договора, но и до заключенія договора, и, притомъ, отъ нѣсколькихъ конкурентовъ; поэтому одинъ фактъ внесенія залога, въ данномъ случаѣ даже не полный, а частичнаго,—при отсутствіи другихъ письменныхъ удостовѣреній не можетъ замѣнить собою необходимости заключенія письменнаго договора подряда. На этомъ основаніи правительствующій сенатъ рѣшительное по сему дѣлу опредѣленіе коммерческаго суда оставилъ въ силѣ. (Указъ отъ 16 мая 1914 года за № 1623).

О подсудности.

Правительствующій сенатъ, въ отмѣну опредѣленія с.-петербургскаго коммерческаго суда, признавъ искъ

Маріи-Терезы Кауфманъ къ пароходству и судоходству „Т. Саксень“ подсуднымъ коммерческому суду, найдя, что данный искъ Маріи Кауфманъ заключается въ требованіи ея, въ качествѣ участницы въ прибыляхъ торговаго предпріятія „Т. Саксень“, причитающейся ей къ 1 января 1912 г. прибыли въ суммѣ 39.320 руб.; что, вопреки мнѣнію коммерческаго суда, въ основаніе сего иска положено не духовное завѣщаніе, предоставившее лишь право участія истца въ предпріятіи, а выписка изъ торговыхъ книгъ, въ силу коей истица требуетъ взыскиваемую ею сумму съ отвѣтчика, и что въ виду сего настоящий искъ Кауфманъ, какъ основанный не на духовномъ завѣщаніи, а на выпискѣ изъ торговыхъ книгъ отвѣтчика, вытекаетъ изъ торговыхъ по отношенію къ отвѣтчику отношеній и потому является подсуднымъ суду коммерческому. (Указъ отъ 16 мая 1914 года за № 1625).

Общее предпріятіе. Права и обязанности совладельцевъ.

По дѣлу Михаила Кузнецова съ Дмитріемъ Кузнецовымъ о взысканіи 4.797 руб. 38 коп. правительствующій сенатъ разъяснилъ, что такъ какъ дѣйствія совладельцевъ общаго предпріятія должны направляться къ охраненію и сохраненію послѣдняго, то посему, пользуясь по соразмѣрности доходами съ предпріятія, каждый совладелецъ обязанъ нести по соразмѣрности же и связанныя съ предпріятіемъ расходы, причемъ, неисполненіемъ однимъ изъ совладельцевъ этой, лежащей на немъ, обязанности даетъ другимъ право принять на себя и безъ его согласія такое исполненіе и, затѣмъ, требовать съ него за это надежащее вознагражденіе. Что же касается вопроса о томъ, въ какомъ размѣрѣ это вознагражденіе должно быть присуждено въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, то въ этомъ отношеніи правительствующій сенатъ находитъ, что при затратѣхъ по общему предпріятію, производимыхъ однимъ совладельцемъ безъ согласія другихъ, необходимо въ семь отношеній проводить различіе между расходами по предпріятію текущими, или необходимыми для самаго его существованія, и расходами, этого характера не носящими (напр., имѣющими въ виду расширеніе предпріятія). Останавливаясь на этомъ разграниченіи, правительствующій сенатъ усматриваетъ, что затраты по расходамъ перваго рода, какъ неизбежныя, будутъ всегда соответствовать дѣйствительному обогащенію остальныхъ совладельцевъ, почему и должны быть съ ихъ стороны возмѣщаемы въ размѣрѣ самой затраты, и что, наоборотъ, затраты по расходамъ второй категоріи, какъ допустимыя нормально лишь при общемъ согласіи всѣхъ совладельцевъ, должны быть возмѣщаемы только въ размѣрѣ доказаннаго обогащенія укловившихся отъ нихъ совладельцевъ. На основаніи изложеннаго, правительствующій сенатъ призналъ, что суммы, внесенныя истцомъ по настоящему дѣлу изъ собственныхъ его средствъ, требовались на покрытие долговъ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ, на оплату рабочихъ, на покупку матеріаловъ, т. е. на неизбежныя по общему предпріятію расходы, что поэтому во вносѣ этихъ суммъ обязанъ былъ по соразмѣрности участвовать и отвѣтчикъ, и что, слѣдовательно, освободивши послѣдняго отъ необходимости дѣлать падающей на него вносъ, истецъ въ размѣрѣ этого именно взноса и обогатилъ отвѣтчика. На этомъ основаніи правительствующій сенатъ искъ Михаила Кузнецова къ Дмитрію Кузнецову призналъ подлежащимъ удовлетворенію. (Указъ отъ 2 апрѣля 1914 года за № 1213).

Отвѣты редакціи.

Подписчику № 3012.

Если крестьянинъ получилъ званіе личнаго почетнаго гражданина и, выбывая въслѣдствіе этого изъ крестьянскаго общества, пожелаетъ продать свою усадебную землю, то во-первыхъ, перестаетъ ли отъ этого земля считаться крестьянской, и, во-вторыхъ, можетъ ли онъ свою землю продать не крестьянину, т.-е. мѣщанину, дворянину и, въ частности, еврею (въ чертѣ осѣдлости)?

Согласно указу 5 окт. 1906 г. [отд. III], отмѣнено обязательно исключеніе изъ селскаго общества крестьянъ, приобрѣвшихъ высшія права состоянія, соотвѣтственно чему крестьянинъ, получившій званіе личнаго почетнаго гражданина послѣ 5 окт. 1906 г., можетъ оставаться членомъ селскаго общества. Что же касается продажи надѣльной земли, то таковая, согласно ст. 19 общ. пол. о крест., можетъ быть отчуждена только лицамъ приписаннымъ или приписывающимся къ селскимъ обществамъ; въ частности же, евреи не въ правѣ, въ виду прим. 1 къ ст. 780 зак. о сост., сверхъ участка, закрѣпленныхъ змъ ними на основаніи ст. 7 правилъ 20 окт. 1867 г., приобретать вновь крестьянскія земли посредствомъ покупки участковъ у другихъ домохозяевъ [ук. 2 д-та пр. с-та 1 апр. 1905 г. № 2545]. Наконецъ, качество надѣльной земли, согласно разъясненію 2 деп. пр. сен. [ук. 20 мая 1897 г. № 1803 и др.], не утрачивается даже въ томъ случаѣ, если земля переходитъ въ порядкѣ наследованія по закону къ лицамъ другихъ сословій.

Подписчику № 6288.

Определеніе волостнаго суда о правѣ собственности на недвижимое имущество, входящее въ составъ надѣла, приведенное въ исполненіе до введенія въ дѣйствіе закона 26 іюня 1913 г., а затѣмъ отмѣненное губернскимъ по крест. дѣл. присутствіемъ и переданное въ волостной судъ до введенія въ дѣйствіе закона 26 іюня 1913 г., подлежитъ ли по подсудности компетенціи волостнаго суда, если дѣло назначено къ слушанію въ маѣ 1914 года? Если волостной судъ, руководствуясь ст. 26 врем. правилъ о вол. судѣ, прекратилъ дѣло, то можетъ ли отвѣтчикъ просить объ обратномъ исполненіи рѣшенія вол. суда и въ какомъ порядкѣ? Допустимо ли понудительное производство на основаніи ст. 36 вр. правилъ о вол. судѣ?

Согласно ст. 54 и 55 врем. правилъ о волостномъ судѣ, не подлежатъ вѣдѣнію новаго вол. суда иски о правѣ собственности на надѣльную землю. Прекращеніе производствомъ дѣла въ волостномъ судѣ на основаніи ст. 26 гл. IV положенія 26 іюня 1913 г. не даетъ основанія отвѣтчику просить о поворотѣ исполненія рѣшенія суда. Понудительное исполненіе по актамъ не примѣнимо въ волостномъ судѣ, въ виду правила п. 2 ст. 55 зак. 15 іюня 1912 г.

РЕЗОЛЮЦИИ.

24 іюня по 1 отд. угол. касс. д-та.

Отмѣнены приговоры: Сидоровыхъ орловск. о. с., Добрунова острожск. о. с., Свѣховскаго могилевск. о. с., Чурсинова томскаго о. с., Горохова еодосійск. м. с., Скорняковыхъ одесск. с. п., Каминова и др. екатеринославск. о. с., Галыгина острожск. о. с., Кисленковыхъ лебединск. м. с., Чернышева новочеркасск. о. с., Мосевича одесск. с. п., Влазникной (она же Мордекъ-Мордзиска) 3 петровск. м. с., Гобовича рев. гапсальск. м. с., Устиновой великолудц. о. с., Михайлова московск. о. с. Сейфулмуллова самарск. о. с., Винокуровой и др. сиб. о. с., Кипіани тифлисск. с. п., Штааковъ вев. вейсенштейнск. м. с.,

СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Списокъ лицъ, ограниченныхъ въ правоспособности.

Званіе, имя, отчество, фамилія.	Поводъ къ ограниченію правоспособности, статья и номеръ сенатскихъ объявленій.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Абрамовъ, Филиппъ Григорьевъ.	С. о. 26 іюня № 51. Опеканство надъ личн. и имущ. по сумасшед. Р. VII, ст. 406.	Ростовск. в/Д. гор. с. с.
Амосовъ, Николай Михайловъ, кр.	С. о. 26 іюня № 51. Несост. должн. Р. VI, ст. 1049.	Спб. к. с.
Аскеровъ, Мамедъ-Али, куп.	С. о. 26 іюня № 51. Несост. должн. Р. VI, ст. 1039.	Бакинск. о. с.
Бариновы, Иванъ Кирилловъ и Иванъ Абрамовъ.	С. о. 30 іюня № 52. Несост. должн. Р. VI, ст. 1071.	Рижск. о. с.
Березинъ, Петръ Ивановъ.	С. о. 26 іюня № 51. Опеканство надъ имущ. по сумасшед. Р. VII, ст. 403.	Нижегород. о. с.
Бромбергъ, Мойша-Дувидъ Гершовъ, мѣщ.	С. о. 26 іюня № 51. Несост. должн. Р. VI, ст. 1053.	Одесск. к. с.
Висленевъ, Василій, от. кол. секр.	С. о. 26 іюня № 51. Опеканство надъ л. и им. по умалиш. Р. VII, ст. 409.	Спб. дв. опека.
Говорова, Елена Григорьевна.	С. о. 26 іюня № 51. Опеканство надъ личн. и им. по разстр. умств. способн. Р. VII, ст. 407.	Ниже-Ломовск. с. с.
Голоушина, Наталія Егоровна, дв.	С. о. 26 іюня № 51. Опеканство надъ личн. и имущ. по сумасшед. Р. VI, ст. 404.	Пермск. дв. опеки.
Горшковъ, Григорій Ивановъ.	С. о. 26 іюня № 51. Опеканство надъ личн. и имущ. по нетрезв. и расточит. Р. VII, ст. 401.	Обоянск. с. с.
Гузенько, Александръ Кондратьевъ, чиновн.	С. о. 30 іюня № 52. Опеканство надъ личн. и имущ. по умолжн. Р. VII, ст. 413.	Одесск. гор. с. с.
Гусевъ, Михаилъ Ивановъ.	С. о. 30 іюня № 52. Опеканство надъ личн. и имущ. по умолжн. Р. VII, ст. 414.	Одесск. гор. с. с.
Дубиневскій, Маркъ Израилевъ.	С. о. 30 іюня № 52. Несост. должн. Р. VI, ст. 1068.	Рижск. о. с.
Дульветовъ, Николай Ивановъ, сотн.	С. о. 26 іюня № 51. Опеканство надъ имущ. по расточит. Р. VII, ст. 405.	Феодосійск. дв. опека.
Жаданъ, Иванъ Ивановъ.	С. о. 30 іюня № 52. Несост. должн. Р. VI, ст. 1073.	Рижск. о. с.
Жуковъ, Константинъ Евграфовъ.	С. о. 26 іюня № 51. Несост. должн. Р. VI, ст. 1050.	Спб. к. с.
Зайцевъ, Николай Ивановъ, мѣщ.	С. о. 30 іюня № 52. Опеканство надъ л. и им. по душевн. болѣзни. Р. VII, ст. 411.	Томск. гор. с. с.
Зубовъ, Николай Ефимовъ.	С. о. 26 іюня № 51. Несост. должн. Р. VI, ст. 1040.	Владимірск. о. с.
Капустинъ, Дмитрій Алексѣевъ.	С. о. 30 іюня № 52. Несост. должн. Р. VI, ст. 1065.	Калужск. о. с.
Кедикъ, Миронъ (Микита) Ивановъ, турецк. под.	С. о. 26 іюня № 51. Несост. должн. Р. VI, ст. 1048.	Херсонск. о. с.
Кочель, Федоръ Пантелеймоновъ.	С. о. 26 іюня № 51. Несост. должн. Р. VI, ст. 1041.	Татарск. о. с.
Катонинъ, Леонидъ Ивановъ.	С. о. 30 іюня № 52. Несост. должн. Р. VI, ст. 1070.	Спб. о. с.
Мажевъ, Василій Александровъ.	С. о. 26 іюня № 51. Несост. должн. Р. VI, ст. 1043.	Пермск. о. с.
Мельниковъ, Владиміръ Николаевъ, кр.	С. о. 26 іюня № 51. Несост. должн. Р. VI, ст. 1052.	Одесск. к. с.
Митрофанова, Елена Павлова, кр.	С. о. 30 іюня № 52. Несост. должн. Р. VI, ст. 1069.	Московск. о. с.
Ниямухамедовъ, Мухамедкуль, сартъ.	С. о. 26 іюня № 51. Несост. должн. Р. VI, ст. 1046.	Ташкентск. о. с.
Обергъ, Вильгельмъ Павловъ, фир. „Павель Обергъ“.	С. о. 30 іюня № 52. Несост. должн. Р. VI, ст. 1067.	Рижск. о. с.

Острогорскій, Моисей Яковлевъ, отст. кол. асс.	С. о. 26 іюня № 51. Опека надъ личн. и имущ. по умалиш. Р. VII, ст. 410.	Спб. с. с.
Петропуло, Иванъ Николаевъ.	С. о. 26 іюня № 51. Несост. должн. Р. VI, ст. 1042.	Екатеринодарск. о. с.
Поммеръ, Марія Иванова, ж. кол. секр.	С. о. 26 іюня № 51. Несост. должн. Р. VI, ст. 1045.	Спб. о. с.
Рейхеръ, Хуна (Ханнъ) Мееровъ, куп.	С. о. 26 іюня № 51. Несост. должн. Р. VI, ст. 1054.	Одесск. в. с.
Снисаревскій, Александръ Александровъ.	С. о. 26 іюня № 51. Опека надъ личн. и имущ. по душевн. болѣзни. Р. VII, ст. 402.	Московск. дв. опека.
Татаркинъ, Гаврилъ Андреевъ, каз.	С. о. 26 іюня № 52. Несост. должн. Р. VI, ст. 1064.	Новочеркасс. о. с.
Точневъ, Михаилъ Вячеславовъ, шт.-ротм.	С. о. 30 іюня № 52. Несост. должн. Р. VI, ст. 1066.	Велико-Устюжск. о. с.
Уваровъ, Константинъ Константиновичъ.	С. о. 30 іюня № 52. Несост. должн. Р. VI, ст. 1072.	Рижск. о. с.
Уманскій, Абрамъ Исааковъ, ниж.-техн.	С. о. 30 іюня № 52. Несост. должн. Р. VI, ст. 1076.	Херсонск. о. с.
Фридеманъ, Георгъ-Іоганнесъ Яновъ, мѣщ.	С. о. 30 іюня № 52. Несост. должн. Р. VI, ст. 1074.	Ревельск. о. с.
Френкель, Семенъ Федоровъ, куп.	С. о. 26 іюня № 51. Несост. должн. Р. VI, ст. 1044.	Спб. о. с.
Шмидъ, Беръ-Лейба Ицковъ, мѣщ.	С. о. 26 іюня № 51. Несост. должн. Р. VI, ст. 1051.	Спб. в. с.
Эльдаровъ, Алыпкачъ, отъ же Уметъ Гирей Мурдаровъ.	С. о. 26 іюня № 51. Несост. должн. Р. VI, ст. 1047.	Владикавк. о. с.
Яблоковъ, Захаръ Андреевъ.	С. о. 30 іюня № 52. Опека надъ л. и имущ. по душевн. болѣзни. Р. VII, ст. 412.	Томск. гор. с. с.
Яковлевъ, Григорій Сергѣевъ, д. с. с.	С. о. 26 іюня № 51. Опека надъ личн. и имущ. по умалиш. Р. VII, ст. 408.	Спб. дв. опека.

Списокъ лицъ, освобожденныхъ отъ ограниченія въ правоспособности.

Званіе, имя, отчество, фамилія.	Статья и номеръ сенатск. объявленій, гдѣ опубликовано объ ограниченіи правоспособности по прекращеніи такового.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Абрамовичи, Гершъ и Шмуль Давидовы.	С. о. 26 іюня № 51. Прекр. дѣло о несост. (первоп. публ.—с. о. 1909 г. № 23), за умен. долга мен. 1.500 р. Р. VIII, ст. 316.	Каменецъ-Подольск. о. с.
Адуевскій-Бахваловъ, Иванъ Васильевъ, кр.	С. о. 26 іюня № 51. Прекр. опека (учрежд.—с. о. 1914 года № 16), за смертью. Р. VIII, ст. 312.	Московск. с. с.
Андропова, Анна Дмитриева, вд. св. худ.	С. о. 26 іюня № 51. Прекр. опека (учрежд.—с. о. 1910 г. № 68), за смертью. Р. VIII, ст. 313.	Московск. с. с.
Глодыревская, Матрена Іосифова, куп.	С. о. 30 іюня № 52. Прекр. дѣло о несост. (первоп. публ.—с. о. 1912 г. № 17), по миров. сдѣлкѣ. Р. VIII, ст. 317.	Полтавск. о. с.
Дудинцевъ, Михаилъ Павловъ, мѣщ.	С. о. 30 іюня № 52. Прекр. дѣло о несост. (первоп. публ.—с. о. 1910 г. № 90), призн. неосторожн. Р. VIII, ст. 318.	Самарск. о. с.
Ильинъ, Егоръ Васильевъ, кр.	С. о. 30 іюня № 52. Прекр. опека (учрежд.—с. о. 1913 г. № 84), за смертью. Р. VIII, ст. 319.	Спб. с. с.
Оржешковскій, Валентинъ, дв.	С. о. 26 іюня № 51. Прекр. опека (учрежд.—с. о. 1912 г.), за смертью. Р. VIII, ст. 310.	Владимірск. дв. опека.
Родионова, Любовь Васильева.	С. о. 26 іюня № 51. Прекр. дѣло о несост. (первоп. публ.—с. о. 1913 г. № 6), призн. несчастн. Р. VIII, ст. 314.	Пермск. о. с.
Романовъ, Григорій Александровъ.	С. о. 26 іюня № 51. Прекр. опека (учрежд.—с. о. 1912 г. № 80) за смертью. Р. VIII, ст. 315.	Пермск. дв. опека.
Самсоновъ, Вонифатій Степановъ.	С. о. 26 іюня № 51. Прекр. опека (учрежд.—с. о. 1910 г. № 69), за смертью. Р. VIII, ст. 311.	Московск. с. с.

Списокъ уничтоженныхъ доверенностей.

Кѣмъ выдана доверенность.	Кому выдана доверенность.	Гдѣ и когда явлена. Статья и номеръ сен. объявл., гдѣ распубликовано объ уничтоженіи.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Агѣевой, Еленой Константиновною, кр. и другимъ.	Харьковскому, Константину Валеріанову, мѣщ.	С. о. 30 іюня № 52. У екатеринод. нотаріуса Подушки, 23 февр. 1914 года, № 2768. Р. IV, ст. 368.	Мир. Судья 7 уч. г. Екатеринод.
Ганатовымъ, Габисомъ Догидувичемъ, (зв. не ук.).	Халдукаеву, Берсу Эдіеву.	С. о. 26 іюня № 51. У владикавк. нотаріуса Согарда, 9 сент. 1912 г. № 5535 Р. IV, ст. 361.	Мир. Судья 3 уч. г. Владикавк.
Гриникъ, Авастасіей Федоровой, (зв. не ук.).	Пискуну, Семену Иванову, кр.	С. о. 30 іюня № 52. У ананьевск. нотаріуса Клевцова, 12 фев. 1914 года № 884. Р. IV, ст. 363.	Одесск. о. с.
Миллеръ, Яковомъ Андреевымъ, (зв. не ук.).	Вашенко, Владимиру Платонову, кол. рег.	С. о. 30 іюня № 52. У пятигорск. нотаріуса 23 мая 1912 года. № 4905. Р. IV, ст. 364.	Мир. Судья 3 уч. Пятигорск. окр.
Минковымъ, Ицкой Вульфомъ Янкелевымъ, (зв. не ук.).	Туркинну, Григорію Кузьмину, кр.	С. о. 26 іюня № 51. У юрьев-под. нотаріуса Сергіевского, 13 мар. 1911 года. Р. IV, ст. 358.	Владимирск. о. с.
Моторнинымъ, Всеволодомъ Михайловымъ, (зв. не ук.).	Моделю, Ханму-Ицке Мордухову.	С. о. 26 іюня № 51. У витебск. нотаріуса Сомова, 10 ноября 1913 года № 7067. Р. IV, ст. 357.	У. Чл. Витебск. окр. 2 уч.
Несельговской, Елизаветой, дв.	Чегринцеву, Евгенію Александрову, пом. прис. пов.	С. о. 26 іюня № 51. У харьков. нотаріуса Фигуровскаго 12-го сент. 1908 г. № 11898. 14 экз. 1909 г. № 15988. Р. IV, ст. 362.	Мир. Судья 1 уч. Купянск. окр.
Сергіенко, Антономъ Густиннымъ, кр.	Любичко, Андрею Калинову, кр.	С. о. 30 іюня № 54. У криворогск. нотаріуса Джалалова, 6 мар. 1912 г. № 2983. Р. IV, ст. 366.	Херсонск. о. с.
Сосонскимъ, Янкелемъ Іоанновымъ, мѣщ.	Файнбергу, Мордке-Мендель Лейзерову, мѣщ.	С. о. 26 іюня № 51. У смѣлянск. нотаріуса Павлушенко, 1 апр. 1913 года № 1890. Р. IV, ст. 359.	Мир. Судья 8 уч. Черкасск. окр.
Степановымъ, Иваномъ Владимировымъ, двор.	Дарагану, Владимиру Михалову, прис. пов.	С. о. 26 іюня № 51. У золотовошск. нотаріуса Гирса, въ 1912 году Р. IV, ст. 360.	Слб. Ст. Мир. Судья 10 уч.
Степанскимъ, Митрофаномъ Петровымъ, (зв. не ук.).	Гончарову, Алексѣю Иванову.	С. о. 30 іюня № 52. У омиск. нотаріуса Цильрина, 10 марта 1912 г. № 553. Р. IV, ст. 367.	Мир. Судья 13 уч. г. Кіева.
Шейфеле, Іоанномъ Христіановымъ и Вундерзее, Іоанномъ Эрнстовымъ, землевл.	Гейгъ, Адольфу Мартынову.	С. о. 30 іюня № 52. У уфимск. нотаріуса Боголюбова, 18 нояб. 1911 года. Р. IV, ст. 365.	Уфимск. о. с.